

Х. ИНГСТАД

ПО
СЛЕДАМ
ЛЕЙВА
СЧАСТЛИВОГО

Х. ИНГСТАД

**ПО
СЛЕДАМ
ЛЕЙВА
СЧАСТЛИВОГО**

HELGE INGSTAD

VESTERVEG

TIL

VINLAND

*Oppdagelsen av norrøne boplasser
i Nord-Amerika*

GYLDENDAL NQRSK FORLAG OSLO 1965

Перевод с норвежского Л. Л. ЖДАНОВА

Вводная статья и научные комментарии
канд ист. наук Г. И. АНОХИНА

Из древних скандинавских сказаний известно, что за пятьсот лет до Колумба в суровых арктических водах путь в Америку проложили викинги на своих ладьях. По пути викингов прошел норвежский исследователь и писатель Хельге Ингстад. Им написаны интересные книги о Канаде, Гренландии, Шпицбергене, и на родине его слава писателя-путешественника уступает только славе Тура Хейердала.

Изучив источники, Ингстад провел раскопки в местах древних поселений в Гренландии и на острове Ньюфаундленд, где он искал легендарный Винланд исландских саг. И вот найдено поселение древних норманнов.

Ученые разных стран признали: норманны открыли Америку за пять веков до Колумба, Лейв Эйрикссон (Счастливый), а не Христофор Колумб — первооткрыватель Нового Света.

Анализ ветров и течений между Гренландией и Северной Америкой может подтвердить естественность и возможность пути из Гренландии в Винланд.

Попутное Лабрадорское течение и северо-западные ветры, господствующие большую часть года, неизбежно принесли бы корабли норманнов к Ньюфаундленду. Исследование саг Ингстадом, в которых сохранилось навигационное описание морских путей норманнов, несомненно, интересно для современной океанографии с точки зрения изучения вековых колебаний, циркуляции вод, ветрового режима и ледовитости северной части Атлантического океана.

Увлекательно рассказывает Ингстад, как решалась вековая загадка... Оживают древние карты и героические предания, мы видим мужественных мореплавателей, которые тысячу лет назад на утлых своих судах вступали в единоборство с суровым океаном — и побеждали.

О ХЕЛЬГЕ ИНГСТАДЕ И ДРУГИХ ИСКАТЕЛЯХ ВИНЛАНДА

Автор книги «По следам Лейва Счастливого» норвежец Хельге Ингстад не историк и не археолог. По образованию он юрист. Но как раз именно по этой специальности он сделал в своей жизни меньше всего.

Всю жизнь Ингстада тянуло в путешествия, обычно далекие и нередко опасные. В 1926 году, когда ему было 26 лет, он продал свою контору юриста и отправился в Северную Канаду, где в течение четырех лет жил среди индейцев-охотников на пушного зверя — и влачил такое же, как и они, жалкое существование. В 1932 году Норвегия аннексировала у Дании часть Восточной Гренландии, и Ингстада, памятуя о его юридическом образовании и опыте полярника, назначили губернатором и судьей оккупированной области скал у подножия гренландского ледника. Здесь Ингстад перезимовал со своим гарнизоном из пяти человек, а затем, когда решением Международного суда в Гааге Норвегия вынуждена была вернуть этот плацдарм рыбаков и китобоев, он получил должность губернатора и судьи норвежской области Свальбард (Шпицберген). Два года он жил и работал на Шпицбергене.

В 1939 году Ингстад отправился в США и оттуда предпринял рискованную экспедицию в Мексику, в дикие горы Сьерра-Мадре, для того, чтобы найти потерянное племя индейцев Аризоны — апачей, а в 1949—1950 годах — в самую северную часть Аляски для того, чтобы изучить быт маленького племени эскимосов. И сразу же после каждого путешествия Ингстад писал в приключенческих автобиографических книгах обо всем, что видел. В 1931 году

вышла его первая книга «Жизнь охотника за пушным зверем среди индейцев Северной Канады», в 1935 году вторая — «Восточнее Великого ледника», а в 1939 году была издана книга «Индейцы апачи», в годы фашистской оккупации Норвегии, когда Ингстад был лишен возможности отправиться в новое путешествие, вышел его первый и пока единственный приключенческий роман о Северной Канаде «Клондайк Билл» (1941 год), а после войны, в 1948 г. — первая и тоже единственная пьеса «Последний корабль». И в том же году, возвратившись к своим шпицбергенским дневникам, Ингстад издает обширное популярное исследование «Земля с холодными берегами», в котором описывает историю заселения архипелага Шпицберген норвежцами, уделяет внимание первым обитателям архипелага — поморам и пишет о современной жизни на Свальбарде. Затем, после одного из наиболее трудных путешествий в своей почти полувековой жизни он написал замечательную, яркую, может быть, свою самую этнографическую книгу: «Нунамиут. Среди сухопутных эскимосов Аляски».

Книги принесли Ингстаду славу не только на родине, но и далеко за ее пределами. Многие из его произведений уже полтора десятилетия назад были переведены на все основные европейские языки. В Норвегии же до 1948 года, когда феноменальный Тур Хейердал опубликовал принесшую ему мировую известность книгу «Экспедиция Кон-Тики»*, Хельге Ингстад был самым популярным и самым крупным писателем — представителем жанра литературы о путешествиях и приключениях. По иронии судьбы в нашей стране Ингстад переводится впервые.

Переживая различные приключения во время путешествий, интересуясь жизнью разных племен и народов, все более приобщаясь к исследовательской работе, Ингстад незаметно становится этнографом и историком. С 1953 г. Хельге Ингстад занялся изучением норманнской колонизации Гренландии в эпоху викингов, его интересуют самые ранние письменные источники об этом — исландские саги. Затем на шхуне «Бенедикта» он обследовал берега Грен-

* В советских изданиях эта книга получила неудачный, даже ошибочный перевод названия — «Путешествие на Кон-Тики», придающее туристское, спортивное и заслоняющее научное значение подвига шести скандинавов, переплывших Тихий океан. (Прим. Г. А.).

ландии, обращенные к Америке, ознакомился с расположением древних норманнских поселений, от которых уцелели лишь руины, затянутые слоем дерна, а также с состоянием прежних и современных раскопок, проводимых датскими археологами.

Постепенно круг интересов Ингстада расширяется. Он интересуется уже не только судьбами норманнов в Гренландии, но и местонахождением Хеллюланда, Маркланда и Винланда — земель, которые, согласно древнеисландской «Саге об Эйрике Рыжем» из рукописного свода «Хаукербук», «Саге о Гренландии» из одной из крупнейших и поздних рукописей древних исландцев «Флатэйярбук» и «Саге об Улаве Тригвессоне», входящей в «Королевские саги» Снорре Стурлассона, открыли норманны.

Оговорим термин «норманны», поскольку он принят в этом предисловии и часто встречается в предлагаемой читателю книге Хельге Ингстада.

С конца VIII и до середины XI века, в так называемую эпоху викингов, дружины морских разбойников из Скандинавии на быстроходных парусно-весельных кораблях плавали вдоль берегов Европы, проникая даже в Средиземное, Черное и Каспийское моря, и опустошали, а иногда и захватывали прибрежные поселения и целые острова. Этих грабителей с Севера Европы, бывших в ту пору язычниками, в христианской Европе называли викингами, если хотели сказать об их образе жизни, или норманнами, если говорили об этнической принадлежности. Ведь и сам перевод слова «норманны» означает «северные люди». Но на Севере Европы, в Скандинавии, норманнами называли лишь предков нынешних норвежцев, в отличие от данов — датчан и свионов — шведов, для которых норвежцы действительно более «северные люди».

В конце первого тысячелетия викинги из Дании и Норвегии захватили запад Франции, а затем и часть острова Великобритания. А викинги из Западной Норвегии населили почти безлюдные острова Северной Атлантики — Шетландские, Оркнейские, Гебридские, Фарерские, Исландию и Гренландию. В ту пору и до XIV века население этих островов, как и Норвегии, говорило на древненорвежском языке, сохраняло контакты со своей родиной и, по сути, составляло еще только начавшие разобщаться этнические группы одного народа. Язык норвежцев и всех этих, тогда еще этнических, групп эпохи викингов и раннего

средневековья в Скандинавии называли «нуррёна», но этот же термин означает и вообще «древнескандинавский язык». Другой термин, который используют для обозначения в эпоху викингов и в раннем средневековье всех скандинавов, а особенно норвежцев и населения островных этнических групп норвежского происхождения, — «норманны», фонетически соответствующий также и современному самоназванию «норвежцы», по-русски вовсе не означает «норвежцы», а лишь указывает на исторические наименования этнических групп IX—XIII вв. «Норманнами» в предисловии и в книге Ингстада мы называем именно древних норвежцев, колонистов и их потомков в Исландии и в Гренландии. Для последних, правда, у скандинавов возможен особый термин, однако вряд ли есть необходимость вводить эти термины в русский язык, когда принятого здесь («норманны») в указанном значении вполне достаточно.

Скандинавы эпохи викингов внесли немалый вклад в историю мореходства, и, пожалуй, в VIII—XI веках они не знали равных себе на море. Ибо Ютландия, Скандинавский полуостров, Датский и североатлантический архипелаги, Исландия и Гренландия были заселены преимущественно по берегам жителями, которых кормило суровое Северное море. В наскальных рисунках каменного, бронзового, а затем и железного веков корабль постоянно был важнейшим сюжетом. И на самых древних наскальных рисунках, где изображены безмачтовые ладьи, и на более поздних, уже перед эпохой викингов, когда на ладьях показана мачта с парусом, видно, что это не маленькие лодки или шлюпки, а корабли с большим числом гребцов.

Римский историк Тацит писал в I веке н. э. о безмачтовых кораблях древних обитателей Швеции — свионов: «Суда их имеют ту особенность, что и с той и с другой стороны устроенная носовая часть дает возможность приставать к берегу. Управление посредством парусов им неизвестно, и гребцы не сидят в порядке по сторонам. Гребля совершенно свободная, как на некоторых реках, и, смотря по обстоятельствам, в ту ли, в другую ли сторону нужно бывает, легко обращают туда судно».*

Самая древняя из скандинавских ладей найдена в Нидаме (Южная Дания) и относится примерно к III веку

* К. Тацит. Сочинения, часть 1. «О положении, обычаях и народах Германии», гл. 44, М., 1870, стр. 249.

н. э. Ладья была построена из дуба, имела яйцевидное днище и очень слабо выраженный киль. У нее не было мачты, а оба вздымающихся конца ладьи одновременно были носами, соединенными снаружи по днищу острым и невысоким валиком — килем. Этот валик был рассекателем воды, поэтому хорошо обтекаемое судно могло набирать небывалую для тех времен скорость.

Неизвестно, где впервые на ладьях скандинавов появилась мачта с парусом, но уже в VI—VIII веках, перед эпохой викингов, она встречается и у данов, и у свионов, и у норманнов.

В те времена было два типа парусной оснастки: прямоугольная (в Северной Норвегии) или трапецевидная (в Западной Норвегии). Принято все же считать, хотя это и трудно доказать, что прямоугольный парус был более распространен у викингов.

Найденные в прошлом столетии в Туне и Гокстаде, в 1904 г. в Усеберге древненорвежские, а в 1935 г. в Ладби древнедатский мачтовые корабли дали полное представление о судостроительной технике и мореходных потенциях этих шедевров кораблестроения. Длина кораблей повсюду примерно одинакова — от 20 до 23 с лишним метров (но к концу эпохи викингов встречались корабли длиной и 30, и даже 50 метров), а ширина в средней части — от 3 до 5 метров. Поскольку киль создавался из цельного ствола дерева, очевидно, что длинные 50-метровые корабли встречались редко, а более крупных вообще не было. По весельным проемам в бортах можно судить, что корабль из Туны был рассчитан на 11 пар весел, из Гокстада — на 16 пар, из Усеберга на 15 пар, но встречались также корабли на 20 пар и более.

Корабль из Ладби имеет длину 21 метр при ширине в средней части около 3 метров. Гокстадский имеет длину 23,33 метра, ширину более 5, высоту около 2 метров от нижней точки киля до линии поручней в середине корабля, водоизмещение около 8,5 тонны для пустого остова и 18—20 тонн для корабля с командой и всем снаряжением. Большой парус в центре судна, крупный руль сбоку возле кормы, двухсторонний частокол пяти-шестиметровых весел, хорошо обтекаемая форма дубового корпуса, обшитого по шпангоутам узкими, длинными и гибкими дубовыми же досками, при киле, более развитом, чем у чисто весельных ладей (у Гокстадского он составлял около 27 сантиметров),

обеспечивали кораблю необыкновенную скорость, изумительную маневренность, способность выдерживать любые штормы и бури в океане. Но наши представления о том, что корабли викингов имели глубокие кили, ошибочны. Устойчивость судна обеспечивалась не глубиной килля, а его непрерывностью от носа до кормы. Именно благодаря небольшой осадке судов и их относительно неглубокому киллю норманны могли плавать по рекам и приставать к мелководным берегам. Достаточно сказать, что корабль из Гокстада с полной командой и снаряжением на борту имел осадку в воде всего один метр.

В 1893 году в Сандефьорде (Норвегия) капитан Христиан Христенсен построил точную копию корабля из Гокстада. Кораблю дали название «Викинг». «Викинг» с командой на борту из тринадцати норвежских моряков из Бергена во главе с Магнусом Андерсеном за 40 дней пересек на редкость штормовую в тот год Атлантику. В судовом журнале были сделаны записи об исключительных мореходных качествах корабля.

Андерсен сообщал, что в жесточайший шторм припутном юго-восточном ветре «Викинг» сутки шел со скоростью 10—11 морских узлов, а в среднем показывал 5—6 узлов. Кроме того, у побережья Новой Англии «Викинг», маневрируя при юго-юго-западном ветре, показал лучшие мореходные качества, чем плывшая в этом районе четырехмачтовая шхуна. Правда, на «Викинге» был косой, а не прямоугольный или трапецевидный парус (под какими ходили норманны) и дополнительный фок, что, видимо, отражалось на характеристике мореходных качеств судна.

Во время плавания норманны ориентировались по солнцу и звездам, в частности по Полярной, имевшей название Лейдар. Принимая во внимание, что в норвежском простонародном языке и ныне термин «лед» означает «курс корабля» и в сохранивших архаичность фарерском и исландском языках «лейда» означает «прокладывать курс корабля», «вести за руку», «Лейдар»; видимо, переводилось как Путеводная.

Норманны не имели магнитного компаса. Но мнение о том, что норманны не пользовались никакими навигационными приборами, оказалось несостоятельным. В 1948 году датские археологи во время раскопок древнего монастыря гренландских норманнов нашли часть деревянной картушки навигационного прибора. Этот прибор, по неко-

торым сведениям из исландских саг, успешно и без магнита исполнял роль солнечного компаса. Прибор после реконструкции состоял из деревянного диска с 32 делениями, вращавшегося на ручке, проглядывающей через отверстие в центре диска. Вертикальный шпенек на ручке давал тень на картушке, а горизонтальный шпенек показывал азимут. Особенное значение этот прибор имел для определения географической широты на вновь открытой земле.

Например, угол, полученный между направлением шпенька при восходе и заходе солнца, при соответствующих познаниях норманнов давал возможность определить географическую широту. Довольно легко определять широты в день зимнего солнцестояния. Согласно сагам, существовала даже специальная терминология для обозначения в этот день разных точек над горизонтом. Например, точка восхода называлась «дагмоластад», точка захода солнца — «эйктарстад». В исландских сагах упоминаются и другие, видимо сухопутные или прибрежные способы ориентирования — так называемые солнечные камни и камни-водители, может быть, подобные древней кельтской или англосакской обсерватории, найденной на острове Великобритания несколько лет назад.

Но вернемся к Ингстаду. Закончив свои исследования и сопоставления в Гренландии, он опубликовал в 1959 году подробную научно-популярную книгу под названием «Страна под Путеводной звездой» о норманнах в Гренландии и о судьбе их колонии там. Именно в этой книге, анализируя сообщения саг о случайном открытии норманнами новой земли — Винланда и о плаваниях в этот неведомый Винланд, Ингстад обращает внимание на эту часть саг и пытается определить местонахождение этой земли; он привлекает для сравнения данные о протяженности морских путей, направлениях и скоростях морских течений, судоходных качествах кораблей норманнов, флоре и фауне островов и континентальной части северо-востока Америки, характеристики географических ориентиров по сагам и современным данным.

Ингстад пришел к выводу, что Хеллюланд должен находиться на Баффиновой земле, Маркланд — на Лабрадоре, а Винланд — на северной оконечности Ньюфаундленда.

Ингстад еще не был в предполагаемых Хеллюланде, Маркланде и Винланде, когда готовил к изданию книгу, но он был верен своему правилу: писать только о том, что

видел сам, отстаивать лишь те факты, которые «пощупал» своими руками. Через год после выхода книги в свет Ингстад осмотрел с моря и с воздуха интересующие его берега. Именно там, где он и предполагал, — на северной оконечности Ньюфаундленда, на мысе, носящем название Ланс-о-Мидоуз, — он обнаружил в 1960 г. затаенные толстым слоем дёрна руины какого-то поселения.

Возглавив археологическую экспедицию, в состав которой входили ученые эксперты пяти стран, Ингстад в 1961 г. начал и к концу лета 1964 г. завершил раскопки поселения. Оказалось, что поселение по разным признакам (планировке и технике построек, кузнице и железным гвоздям, пряслу, радиоуглеродной датировке и др.) может быть отнесено именно ко времени открытия Винланда норманнами.

Многие ученые согласились с выводами Ингстада. И осенью 1964 г. после доклада Ингстада сначала ученым в Нью-Йорке, а затем на конгрессе США, президент Джонсон подписал по рекомендации конгресса законопроект о праздновании 9 октября Дня Лейва Эйрикссона (в этот день был подписан законопроект). Тем самым США официально признали норманна первооткрывателем Нового Света. Это не отменяло празднования Дня Колумба 12 октября, но теперь эта дата считается днем нового открытия Америки и начала освоения ее европейцами.

Правда, для скепсиса всегда найдутся причины. В самом деле, могло ведь оказаться, что найденное поселение — не единственное и что поселение, которое можно считать Винландом, расположено севернее, или южнее Ньюфаундленда. Даже если бы это и было так и где-то в другом месте стояло жилище Лейва Эйрикссона, открытие Хельге Ингстада имеет прямое отношение к Винланду норманнов, и это открытие нужно отнести к числу выдающихся, даже редчайших. Ибо вот уже свыше 250 лет более 150 ученых Европы и Америки, посвятивших себя поискам Винланда, спорили о том, где он расположен. И почти все ученые были кабинетными исследователями письменных источников и почти никто не пытался искать Винланд на местности:

Ни великий датско-норвежский историк-самоучка Турмуд Турфеус (1636—1719 годы), который привез в 1662 году из Исландии в подарок королю Фредерику III среди других древнеисландских рукописей знаменитый

«Флатэйрбук» и который впервые в 1705 году ввел сведения об открытии норманнами Винланда в европейское источниковедение и историографию и первым доказывал на основе тогдашних знаний географии Америки, что Винланд находился на Терра Нове, то есть на Ньюфаундленде.

Ни стокгольмский историк Георг Вестманн, доказывавший в 1757 году в своей докторской диссертации, что Винланд — в Виргинии. Ни датско-норвежский историк мореходства П. Сум, утверждавший в 1759 году, что Винланд находится южнее, в Каролине, где имеются и виноградные лозы и песчаные белые берега, описанные в сагах; ни профессор Томас Бюгге, указывавший на Винланд в районе Массачусетса — на островах Мартас-Виньярд и Нантакет или на полуострове Кейп-Код. Ни знаменитый Герхард Шёнинг, остановивший свой выбор на районе современного Бостона.

Ни М. Мальте-Брюн, впервые публично заявивший в 1812 году, что Колумб знал маршруты норманнов в Винланд, и сам считавший, что эта страна саг расположена на Ньюфаундленде. Ни датский географ М. Вормшёльд, считавший в 1814 году, что Винланд находится юго-западнее о. Антикости в заливе Святого Лаврентия, на берегу заливчика Гаспе.

Ни датский историк Х. Х. Рафн, повторивший в 1837 году выводы Т. Бюгге и примкнувший к утверждениям Мальте-Брюна о Колумбе. Ни именитый норвежский историк Гюстав Сторм, утверждавший в 1887 году и позднее, что Винланд — на полуострове Новая Шотландия. Ни норвежец М. М. Мьельде, указывавший в 1932 году на берега Чесапикского залива как на Винланд норманнов. Ни выдающийся норвежский археолог А. В. Брёггер, который в 1937 году утверждал, что Хеллюланд — это Баффинова Земля, Маркланд — Лабрадор, а Винланд — где-то на берегу Массачусетса.

Ни норвежец Альмар Нэсс, в 1954 году снова отнесший Винланд на юг — к Норфолку, на юго-востоке Виргинии, или его соотечественник Лейф Лёберг, утверждавший в 1961—1962 годах, что Винланд был на юго-западном и восточном берегах Ньюфаундленда, а другой норвежец Е. Кр. Турнёе уже в 1964 году, когда Ингстад завершал раскопки на Ньюфаундленде в руинах норманнского поселения XI века, все еще упрямо утверждал, что Винланд

был в районе Фалмоута, на юго-западе полуострова Кейп-Код.

Были и другие взгляды на этот вопрос. Так, великий норвежец Фритьоф Нансен, бывший на западе Гренландии, в районе норманнских поселений X—XV веков, правда, не с целью поисков Винланда, насмешливо писал в 1910 году, что Винланд — всего лишь миф, древняя сказка, навеянная влиянием античной литературы. А американцы Дж. и Л. Хилл даже в 1960 году писали, что саги о Винланде — аллегория, почерпнутая из христианской тематики.

Ближе всего к цели, причем с практическими попытками найти Винланд, были ньюфаундлендец В. А. Манн и финский профессор Вайно Таннер, первый в 1914, а второй в 1937 и 1939 годах. Манн искал на своем острове, а Таннер — на Лабрадоре следы древней колонии норманнов. В 1940 году Таннер предлагал провести археологическую разведку на берегу залива Пистолет на крайнем севере Ньюфаундленда. Именно сюда, на берег залива Пистолет, в 1956 году пришли для поисков древних руин археологи А. М. Мэллори и Ёрген Меллгорд.

Они ничего не нашли. Нужно было быть более внимательными, более настойчивыми и, наверное, более... удачливыми, как Лейв Счастливый, следы которого они искали.

А Хельге Ингстад, выискивая и высматривая с земли и с воздуха, расспрашивая местное население, достиг своей цели — вблизи того же залива Пистолет, на мысе Ланс-о-Мидоуз он нашел как раз то, что безуспешно пытались найти на карте другие, кабинетные ученые...

Нас не должно смущать, что автор книги «По следам Лейва Счастливого» не имеет ученого титула или хотя бы диплома историка или археолога. Ведь в его экспедиции копали профессиональные археологи пяти стран, и они заверили подписями те результаты, которые сообщает автор в этой популярной книге.

Не первый раз в науке открытия делает дилетант, посвятивший свои силы поискам и добившийся выдающихся результатов в казалось бы чуждой ему области знаний. Немецкий купец Генрих Шлиман, наизусть зная гомеровские «Иллиаду» и «Одиссею», опираясь на их текст, указал место легендарной Трои, и организованная им на свои средства археологическая экспедиция полностью подтвердила его предположения. Норвежский зоолог Фрить-

оф Нансен был видным авторитетом в географии, океанологии, этнографии. Русский зоолог Н. Н. Миклухо-Маклай оказался выдающимся этнографом и антропологом, и именем его в нашей стране назван Институт этнографии АН СССР. Норвежский зоолог Тур Хейердал, не получивший даже диплома о высшем образовании, стал выдающимся исследователем Полинезии, авторитетным организатором археолого-антропологических экспедиций на острова Тихого океана, впервые введшим в научный оборот мира неизвестные сведения из истории народов Полинезии. В конце концов не титул определяет полезность человека для науки и человечества...

Г. И. Анохин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это популярный рассказ о моих пяти экспедициях в Северную Америку, во время которых были найдены остатки норманнских построек доколумбовой эпохи.

Согласно исландским сагам, около 1000 г. Лейв Эйрикссон открыл на западе новую страну, очевидно Северную Америку. Он поселился там в области, которую назвал Винланд. За ним последовали другие норманны — мужчины и женщины. Отправной точкой для плаваний в Винланд служила колония норманнов в Гренландии, основанная Эйриком Рыжим в 986 г. и просуществовавшая около пятисот лет.

Где находился Винланд, о котором сообщают саги? Вот уже двести лет* этот вопрос занимает многих исследователей. Большинство склонялось к тому, что Винланд надо искать на юге Северной Америки, где растет дикий виноград.

После экспедиции по местам поселений норманнов в Гренландии в 1953 г. я пришел к другому выводу. В книге «Страна под Путеводной звездой» (1959 г.) я доказывал, что Винланд находился на севере, вероятно, на Ньюфаундленде, и что, систематически исследуя берега Северной Америки с помощью судов и самолетов, наверно, можно найти следы винландцев.

В 1960 г. я провел такое исследование, оно оказалось удачным. На северной оконечности Ньюфаундленда, в районе Ланс-о-Мидоуза, я обнаружил сильно заросшие

* См. стр. 12 о давности споров ученых о Винланде — Г. А.

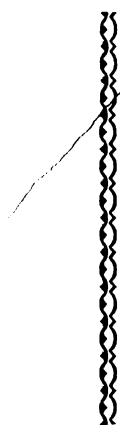
следы поселения. Затем в 1961—1964 гг. я организовал археологические экспедиции, к которым привлек ученых из пяти стран. Было раскопано несколько площадок и сделаны интересные находки. Анализ собранного материала убедительно показывает, что поселение принадлежало норманнам и возникло около 1000 г. — когда Лейв Эйрикссон и другие норманны ходили в Винланд, то есть в Северную Америку.

От Норвегии в экспедициях, кроме автора, участвовали: моя жена, магистр искусств Анна Стина Ингстад и дочь Бенедикта, геолог Кари Хеннингсмуэн, доктор Одд Мартенс, Пауль Сёрнес, фотографы Эрлинг Брюнборг и Ханс Виде Банг, а также Николай Экхофф; от Исландии — доктор Кристьян Эльдьярн, профессор Торхаллюр Вильмундарсон и Гисли Гестсон; от Швеции — кандидат философских наук Рольф Петре; от Канады — доктор Вильям Тейлор, доктор Иэн Уитикер и Тони Бердсли; от США — доктор Генри Коллинз, доктор Джуниус Берд, кандидат философских наук Биргитта Уоллес (родилась в Швеции и там же получила диплом археолога), археологи Чарлз Бэрэйс и Джон Уинстон.

Радиоактивный анализ древесного угля (С-14) был выполнен лабораторией радиологической датировки физического факультета Высшего технического училища в Тронхейме.

Хельге Ингстад

ЗАПАДНЫЙ ПУТЬ

Около тысячи лет назад от берегов Северо-Западной Исландии отчалило двадцать пять морских судов.^{91*} На их борту находились люди — мужчины, женщины, дети — до пятисот общим числом и разный груз: коровы, овцы и лошади, съестные припасы и сено, да еще оружие и утварь, какими пользовались викинги.

Стоя под прямым парусом, люди смотрели, как теряется вдали родной край; и, наверно, у них было грустно на душе, ведь они уезжали совсем в новую, неизведанную страну, получившую имя Гренландия.

Экспедиция эта состоялась в 986 (987) г., руководил ею Эйрик Рыжий. Выходец из Норвегии, он был объявлен вне закона в Исландии, и ему пришлось уйти в море, искать страну, которую видел другой мореплаватель. Эйрик открыл Гренландию и три года исследовал ее берега. Потом вернулся в Исландию, где вновь снарядил корабли и возглавил большой отряд переселенцев. Судя по тому, как его рисуют предания, он, должно быть, был незаурядным человеком.

Опасно было идти среди льдов вдоль побережья арктического острова. Четырнадцать судов достигли юго-западного берега Гренландии, остальные либо повернули назад, либо погибли.

И вот переселенцы ступили на узкую полосу земли, у кромки материкового льда. Здесь им заново строить

* Цифры от 1 до 90 — примечания Х. Ингстада, от 91 и дальше — примечания Г. И. Анохина.

жизнь... Из камня и дёрна они сложили дома; охотники, вооруженные луками и гарпунами, били оленя и тюленей, рыбаки ловили рыбу, женщины смотрели за скотиной и домом, пряли и ткали.

Возникло два поселения: Аустербюгден на юге, Вестербюгден на севере. Население росло, постепенно сложилась община. Полтысячелетия просуществовала гренландская колония, потом люди исчезли. Что с ними стало?

Для себя Эйрик Рыжий облюбовал один из самых красивых и плодородных участков Аустербюгдена, в глубине Эйриксфьорда (Тунугдлярфик). Там он построил свою усадьбу Братталид. Отсюда его сын Лейв, а потом и другие уходили по морю на запад, где они открыли и исследовали обширные области Северной Америки. Это было около 1000 г.

Лето 1953 года...

На небольшом катере Анна Стина, я и моторист Харалд Боттен прошли вдоль западных берегов Гренландии, чтобы изучить остатки норманнских селений и вообще побольше узнать о быте своих предков. Сотни руин могли поведать о том, как в далеком прошлом жили люди на арктическом острове. Мы видели развалины больших усадеб с просторными палатами и надворными строениями, обломки маленьких лачуг, в которых, очевидно, обитали люди незнатные. Большинство домов стояло вдоль фьордов, но немало их было и вдали от берега, даже у края материкового льда, где, казалось бы, вовсе невозможно жить.

Много увлекательного повидали мы, путешествуя в удивительном полярном краю: вдоль берега плыли к северу дрейфующие льдины и бело-голубые айсберги, среди каменной, безлесной равнины зеленели огороженные участки, а на восток, к белому щиту материкового льда, уходили могучие горные кряжи.

И вот мы достигли Братталида, древней резиденции Эйрика Рыжего и его сына Лейва Эйрикссона. Солнце освещало зеленые откосы, красный песчаник, искрилась бликами река. Было видно, что некогда здесь находился большой хутор — столько кругом всяких развалин. Хлева, амбары, изгороди, место сходок, кузница, церковь... Сама усадьба стояла чуть позади на высоком месте, боком к фьорду, оттуда открывался широкий кругозор. Археоло-

логи Поуль Нёрлюнд и Мортен Стенбергер¹ вели здесь раскопки; они нашли остатки большого зала и пяти прилегающих помещений. Вероятно, зал относится к начальной поре поселения.

Так вот где замышлялись походы в Винланд — плавания норманнов в Северную Америку... Сидя у длинного очага⁹² в зале, искушенные мореходы толковали об удивительной стране, которую Бьярне Херьулфссон видел, когда шторм отнес его на юго-запад. Никто еще не ступал на ту землю. Что это за страна, как туда плыть? Какая там природа? Может, стоит туда перебраться? Что могло быть заманчивее для этих людей, одержимых страстью к открытиям!

Лейв Эйрикссон перешел от слов к делу, велел снаряжать корабль. Тотчас женщины принялись чинить большой, сотканный из шерсти прямой парус. Мужчины и вездесущие ребяташки грузили на борт припасы: вяленую рыбу, копченое мясо, масло, сыр, наливали воду в большие кадки. Несли топоры, кузнечные клещи, кувалды, охотничье и рыболовное снаряжение, оружие. Да мало ли что еще надо захватить в дальнее путешествие, в котором можно рассчитывать лишь на то, что сам сумеешь добыть. Груз накрыли большой шивной кожей и крепко ее приторочили. Вот поднят парус, и корабль направился к выходу из Эйриксфьорда, провожаемый взглядами облепивших утесы жителей Братталида. Тридцать пять человек было на борту.

А следующей осенью во фьорде появился потрепанный непогодой корабль, который все сразу узнали. И люди услышали, что новая страна на западе найдена — большая, замечательная страна, щедро одаренная природой, что там есть пастбища для скота, есть лес, много дичи, тюленей, моржей и рыбы. Лейв построил там вместительный дом и назвал страну Винланд. Много говорили у длинного очага в Братталиде об этом плавании, а вскоре нашлись еще охотники отправиться в новые земли.

Стоя у развалин древней усадьбы, я смотрел на Эйриксфьорд и думал о событиях далекого прошлого. Какую область Северной Америки открыл Лейв Эйрикссон? Где он построил свои дома?

Многие исследователи пытались решить эту загадку, но пока что в Северной Америке не нашли ни одного достоверного следа норманнов.⁹³ Причин могло быть много,

и ведь совсем не просто отыскать следы тысячелетней давности на такой огромной площади. Да и так ли уж верно, что упоминаемый в сагах Винланд лежал далеко на юге Америки, в краю дикого винограда?

Я снова мысленно перебрал многочисленные доводы, которые, по моему разумению, подсказывали другой ответ. Здесь, перед развалинами усадьбы Лейва Эйрикссона, подводя итог тому, что мы видели, я сильнее, чем когда-либо, верил в вескость этих доводов. Да, винландцы обосновались в одной из северных областей, по многим признакам — на Ньюфаундленде*.

Лето 1960 года...

Я стою на северном побережье Ньюфаундленда, на поросшей травой широкой равнине, называющейся Лансо-Мидоуз (Залив возле лугов). На севере открывается вид на острова, море и голубеющие берега Лабрадора.

Позади несколько месяцев исследований, в течение которых я искал вдоль побережья следы Лейва Эйрикссона или тех, кто ходил по его стопам в Северную Америку. Все время меня преследовали неудачи.

И только здесь, на древней береговой террасе у реки, я увидел в траве слабые, едва различимые контуры застроенных площадок.

Пять лет (1960—1964) длились археологические изыскания и раскопки; они показали, что постройки принадлежали норманнам и были сооружены примерно в 1000 г., когда Лейв Эйрикссон, а за ним и другие ходили из Гренландии в Винланд. Это было за пятьсот лет до того, как Колумб открыл Америку.

Для того чтобы говорить об открытии Гренландии и Северной Америки, познакомимся поближе с людьми, которые это свершили, — с Эйриком Рыжим и его родом. Эйрик, несомненно, был сильный человек, пусть высокомерный и вспыльчивый, но во многом замечательный — настоящий предводитель. Недаром в саге говорится, что все в Гренландии считались с его мнением.

* Подробное обоснование моей теории можно найти в книге, которую я написал после экспедиции в Гренландию: «Страна под Путеводной звездой». Осло, 1959.

Он родился, вероятно, около 950 г. на юго-западе Норвегии (Ярен), откуда вышло столько викингов. Отец его, Турвалд, принадлежал к знатному роду. Совершив убийство, Турвалд вынужден был оставить родину и со всей семьей отплыть в Исландию. Здесь первые переселенцы, преимущественно из Норвегии, заняли лучшие области, и ему пришлось довольствоваться далеким северо-западным побережьем. Он обосновался в Дрангаре на Хурнстрандире.

Турвалд умер. Эйрик женился на Тьодхильде и переехал южнее, в Хаукадал; его усадьба называлась Эйриктадир. Тут он повздорил с поселенцами, двоих убил и должен был оставить свой дом. В Брейди-фьорде на западе страны, на острове Укснэй, он построил себе новый дом. Но опять не поладил Эйрик с исландскими родами. Кончилось тем, что на тинге⁹⁴ в Турснесе его объявили вне закона и приговорили к изгнанию из Исландии.

И вот в это-то время он, выйдя в море, открыл и исследовал юго-западное побережье Гренландии (982—985 гг.), а потом организовал и возглавил большой отряд переселенцев.

У Эйрика были дети: Лейв, Торстейн, Турвалд и Фрэйдис (дочь была внебрачная). Все они, как сообщает «Сага о Гренландии», ходили в Винланд, и только Торстейн не добрался до цели.

О Лейве Эйриксоне нам известно очень мало сверх того, что рассказывает сага. Вот как он там описан: «Лейв был рослый и сильный, любо посмотреть, к тому же умен и во всем умерен, всеми уважаем». В источниках приводится его прозвище «Удачливый» («Счастливый»).

Мы не знаем, где и когда родился и умер Лейв. Он мог родиться в Исландии или во время одного из плаваний отца; известно, что в дальние плавания норманны брали с собой жен. Во всяком случае Эйрик вряд ли оставил в Исландии жену, когда, приговоренный к изгнанию на три года, отправился в Гренландию. Если Лейв родился в Гренландии, ему, когда он ходил в Винланд, было около двадцати, — по тогдашним меркам, это уже взрослый мужчина. Место рождения не столь важно, главное, что он рос в Гренландии, в суровом арктическом краю, где всякий был моряком, а походы в неведомые земли были, так сказать, родовой традицией. Конечно, его отец, Эйрик Рыжий, — выходец из Норвегии, но гренландская колония представ-

ляла собой вполне самостоятельное общество, и Лейв был гренландцем².

Источники³ сообщают интересный факт: через четырнадцать лет после того, как Эйрик Рыжий отправился осваивать Гренландию, Лейв ходил в Норвегию (1000 г.). Здесь в Тронхейме он встречался с королем, Улавом Трюгвессоном; тот принял его с почетом и поручил ему обратить гренландцев в христианство. После этого Лейв вернулся в Гренландию, и мать его, Тьодхильда, приняла новую веру, но Эйрик остался верен старым богам*.

Очевидно, Лейв умер до 1025 г., потому что в исландской «Саге о побратимах» говорится, что когда Турмуд Колбрюнарскалд прибыл в Гренландию, чтобы отомстить своим врагам, сын Лейва, Торкель, был хёвдингом⁹⁵ в Эйриксфьорде и жил в Братталиде. Таково последнее дошедшее до нас известие об этом славном роде, дальше он исчезает из истории.

Так как походы в Северную Америку предпринимались жителями гренландской колонии, вкратце расскажу о ней. Это необходимо, чтобы судить о плаваниях, состоявшихся не только около 1000 г., но и позднее.

С тех пор как Эйрик Рыжий со своими товарищами поселился на арктическом острове, население, видимо, стало быстро увеличиваться за счет новых переселенцев из Исландии и Норвегии. Полярный край был суровой школой для людей, она закаляла их. Пригодились и навыки, исстари складывавшиеся на родине: ведь и там они ходили в море, строили дома из камня и дёрна, возделывали скудные клочки земли, охотились на китов, тюленей, оленей, ловили рыбу.

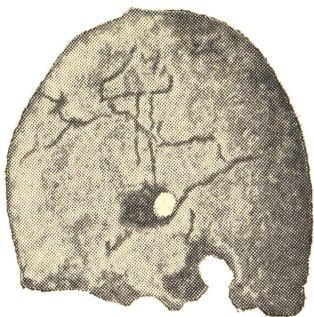
Гренландцы кормились скотоводством, охотой и рыболовством. Зерновые на острове не вызревали, но скудная растительность давала достаточно фуража и позволяла держать коров, овец и лошадей. Делали масло и сыр.

Важнейшими инструментами и оружием мужчин были

* «Сага об Эйрике Рыжем» сообщает, что по велению Тьодхильды была построена церковь в Братталиде, но поодаль от усадьбы. Развалины этой церкви, вероятно, самой древней в Гренландии, и кладбище с многочисленными скелетами были открыты в 1961 г. Сейчас там ведут раскопки датские археологи.

топор и нож, молот и клещи, гарпун и рыболовная снасть, копье, лук и стрелы. Кузницы и шлак свидетельствуют о том, что гренландцы, очевидно, выплавляли железо из болотной руды. Прясла из стеатита рассказывают о занятиях женщин: наряду с хозяйственными делами, они пряли и ткали.

Когда норманны прибыли сюда, на косогорах, наверно, росло немало корявой карликовой березы. А по берегам лежал плавник, принесенный морскими течениями из устьев сибирских рек. Береза годилась на топливо и на разные поделки, плавник был единственным материалом для

На кусочке стеатита
высечен молот бога Тура.
Найдено в Братталиде.

постройки судов. Поэтому размеры кораблей стали меньше, чем прежде. Потребность в древесине была, конечно велика, а незначительные запасы ее постепенно сокращались. Естественно было попытаться заготавливать лес в недавно открытых землях Лабрадора и Ньюфаундленда.

Важную роль играла в хозяйстве охота; в частности, она давала меновой товар, который высоко ценился на европейском рынке. Охотники не ограничивались окрестностями поселений и каждое лето отправлялись вдоль побережья далеко на север, в так называемый Нурдрсетур. Мы знаем, что норманны доходили до острова Кингигторссак, лежащего на $72^{\circ}58'$ северной широты. Здесь найдены три разрушенные каменные вышки; на одном камне рунами нанесены имена трех норманнов и какие-то магические знаки. И мореплаватели, наверно, идя узким Девисовым проливом, примечали высокие, покрытые шапкой льда горы Баффиновой Земли.

Вывозились из колонии разные товары: моржовый и нарваловый зуб, кожа моржей и тюленей, шкуры оленей,

белых медведей, голубых и белых песцов, вяленая рыба, пух, полярные соколы, живые белые медведи, домотканое сукно, масло и сыр. С первых лет существования колонии начались прямые плавания из Гренландии в Норвегию, преимущественно в Берген.

Когда Эйрик Рыжий осваивал Гренландию, его люди, как уже говорилось, были язычниками и самым могущественным богом почитали Тура. После введения Лейвом Эйрикссоном христианства в поселениях стали строить церкви. В 1124 г. король Сигюрд Ерсалфар⁵, получив в дар белого медведя, позволил учредить в Гренландии отдельный епископат. На равнине у Гардара появилась большая епископская усадьба и кафедральный собор. В 1152 г. гренландская церковь была подчинена архиепископу в Нидарусе.

Гренландские норманны создали вольное государство со своими законами и своим судом, юридически не зависящее ни от Исландии, ни от Норвегии.⁹⁶ Но в 1261 г. они добровольно подчинились норвежскому королю Хокону Хоконссону⁶, страна стала частью норвежского государства.

О духовной жизни гренландских норманнов мало что известно. У нас нет никаких документов с этого арктического острова, но, может быть, в промерзлой земле когда-нибудь еще найдут пожелтевший пергамент. Правда, обнаружено довольно много рунических надписей, однако из них мало что можно почерпнуть. По отрывочным сведениям из других источников известно, что у гренландских норманнов был свой эпос, они тоже сочиняли саги, но точное представление о том, что занимало мысли этого народа около пятисот лет, составить трудно. Духовный мир исчезнувших людей остался в тайне. Мы никогда не узнаем, что рассказывал старик с обветренным лицом ребятишкам, которые сидели на земляном полу вокруг длинного очага, тараща на него восхищенные глаза. И никогда нам не услышать песни, в которой девушка выражала переполняющие ее душу чувства, когда голубые вершины купались в солнечных лучах.

Эйрик Рыжий, впервые попав в Гренландию, не застал эскимосов, он увидел только следы их пребывания. Лишь в XIII—XIV вв. эскимосы туле⁹⁷ двинулись вдоль западного побережья на юг и обосновались в районе, где жили норманны. Судя по источникам, норманны в общем ладили

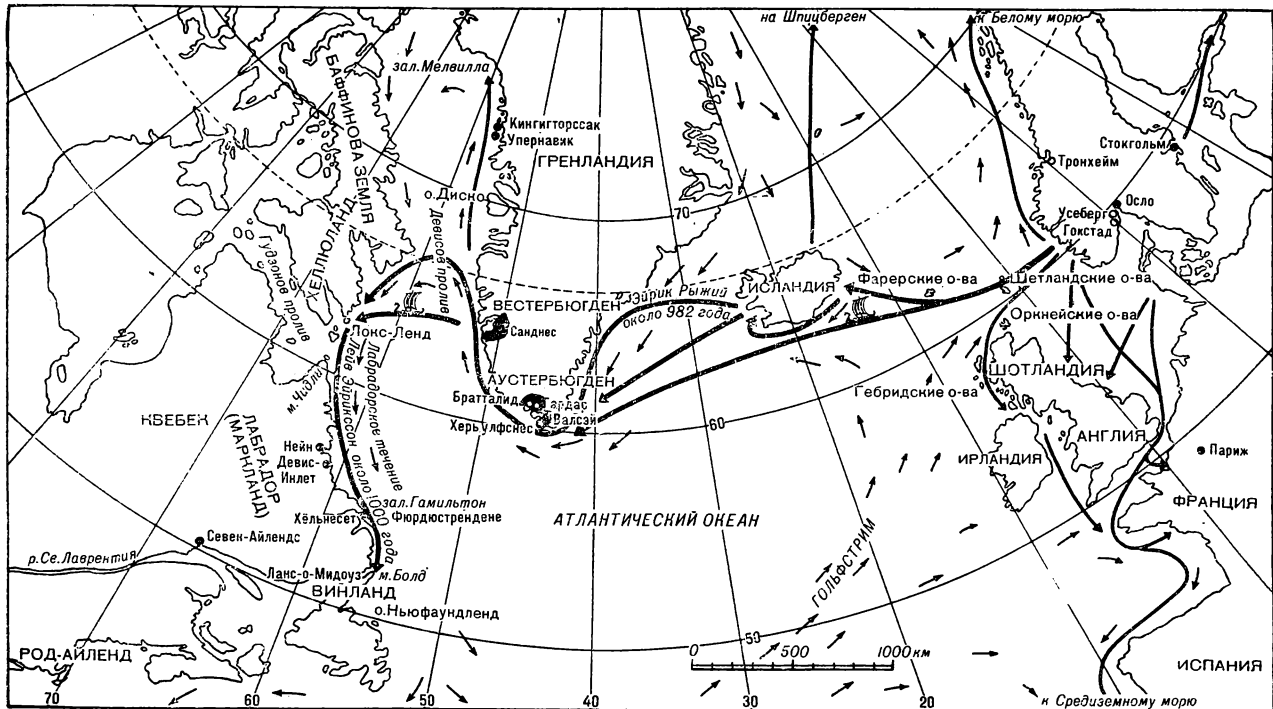
с ними. Да и странно было бы, если бы они не воспользовались возможностью вести выгодную меновую торговлю.

На XIII в., очевидно, приходится расцвет гренландской колонии; это совпадает с расцветом и норвежского государства, которое при Хоконе Хоконссоне включало Шетландские, Оркнейские, Гебридские острова, Мэн, Фарерские острова, Исландию и Гренландию. В гренландских поселениях найдены остатки примерно трехсот хуторов, семнадцати церквей, усадьбы епископа и двух монастырей — мужского и женского. Население там, вероятно, достигало четырех-пяти тысяч.

У нас нет исторических источников, которые могли бы поведать о дальнейшей судьбе гренландских норманнов, но нам известно, что наступил спад в развитии общины. Последние норманны исчезли, очевидно, около 1500 г. Во всяком случае, в конце XV в. в Гренландии они еще жили. Об этом свидетельствует замечательная находка: костюмы и головные уборы, напоминающие по моде парижские и бургундские; они были раскопаны Поулем Нёрлюндом⁷ на кладбище возле усадьбы Херьюлфснес.

Почему же исчез народ? Одни полагают, что гренландских норманнов истребили эскимосы, но это маловероятно. Как говорилось выше, оба народа как будто хорошо уживались; отдельные эскимосские героические сказания, появившиеся в прошлом веке, вряд ли могут служить веским доводом. Может быть, норманны слились с эскимосами? Но, по многочисленным антропологическим исследованиям, норманнская линия сохранила чистоту. Если бы произошло расовое смешение, ученые должны были бы найти хоть какое-то свидетельство этого. Может быть, народ выродился? Долгое время так и считали, основываясь на выводах, к которым пришел датский антрополог Фр. К. Хансен⁸, исследовав скелеты с мыса Херьюлфснес. Но другие антропологи⁹ потом опровергли эти выводы, — в самом деле, норманнские скелеты свидетельствуют о здоровье и жизнеспособности народа. Может быть, в Гренландии, как в Норвегии и Исландии, свирепствовала чума? Но об этом ничего не известно.

Словом, ни одно из этих предположений нельзя назвать удовлетворительным. Вероятнее всего исчезновение гренландцев можно объяснить длительным действием сразу нескольких факторов. Важные экспортные товары, скажем

Обзорная карта маршрутов викингов. Показан и западный путь из Норвегии в Исландию, норманские поселения в Гренландии и дальше до Северной Америки — в Хеллюланд, Маркланд и Винланд.

моржовый зуб, могли упасть в цене, и торговцам стали невыгодны долгие и опасные плаванья за океан. Возможно, пастбища и часть огороженных участков занесло песком из-за хищнической вырубki березы. Нехватка плавника могла затруднить строительство судов. В годы с холодным летом треска, возможно, перестала заходить в фьорды. Из-за чумы, поразившей Норвегию в 1349—1350 гг., могло нарушиться сообщение с Гренландией. Нападения на Берген в 1393 и 1428—1429 гг. немецких каперов, которые убили много граждан и предали город огню, тоже могли повлиять на связь с арктическим островом. Все же решающий удар был нанесен в довольно позднее время и скорее всего пиратами¹⁰. В XV и XVI вв. они были подлинным бичом северных стран; далекие острова — Фарерские, Исландия — сильно страдали от их набегов и грабежей. И ведь есть письменные источники, позволяющие заключить, что пираты жгли и громили главные поселения Гренландии, а археологические исследования показывают, что в огне погибло много церквей. Эти налеты, наверно, и добились маленькую колонию. В Гренландии стало невозможно жить.

Когда норвежский миссионер Ханс Эгед в 1721 г. отправился в Гренландию, чтобы проповедовать своим соотечественникам, он не нашел ни одного норманна. Только развалины говорили о прошлом.

Так куда же подевались гренландские норманны? Вероятно, одни перебрались в Европу, а другие переселились в Северную Америку, в края, которые были хорошо изучены ими на протяжении столетий.

Открытие Гренландии и Северной Америки — это смелый подвиг отдельных людей, но его надо рассматривать в более широкой исторической перспективе. А она рисует нам древнескандинавских мореходов, которые из века в век с удивительным упорством продвигались на запад, словно чувяли новые земли за океаном.

Исторически это открытие связано с эпохой викингов. Она началась очень бурно на севере Европы около 800 г. Молодые люди покидали отчий дом в поисках приключений и новых земель для своего рода.

Эпоха викингов открылась отдельными пиратскими набегами на берега Англии и Шотландии, но затем начались

крупные захватнические походы в чужие земли. В этот период меч легко вынимался из ножен и кровь лилась рекой. Однако часто забывают, что это была также эпоха открытий и мирного освоения новых областей, где главную роль играл уже не меч, а тяжелый труд.

Шведские викинги обычно шли на восток, чаще всего в Россию. Датчане направлялись в Англию, Францию и далее на юг. В завоеванных областях возникали норманнские государства. У норвежцев тоже был постоянный южный маршрут: вдоль западного побережья Англии в Ирландию, Францию и дальше, в страны Средиземноморья. Колонии норвежских викингов появились на островах Шетландских, Оркнейских, Гебридских, Мэн, в Йорке, Ирландии и Нормандии.

Но один морской маршрут в силу географического положения Норвегии был почти исключительно норвежским — путь на запад через северную часть Атлантики. Длинное побережье страны смотрело в океан, и он стал для норвежцев «большаком». Опыт многих поколений позволил создать корабль для дальних плаваний.

Шли годы, и мореходы забирались все дальше и дальше на запад, заселяя остров за островом. Сперва они ходили на Шетландские и Гебридские острова, на Мэн, потом на Фарерские острова, а в середине IX в. достигли Исландии. Оставался самый опасный и длинный переход — в Гренландию. Первым проложил туда дорогу Эйрик Рыжий. Наконец, Лейв Эйрикссон одолел последний короткий отрезок и ступил на побережье Северной Америки. Путь на запад — Вестервеген — был пройден.

РАССКАЗЫВАЮТ ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ

Когда Эйрик Рыжий утвердился в Западной Гренландии, Северная Америка стала, так сказать, сопредельной страной. Норманнов отделял от нее только Девисов пролив, а его ширина в самом узком месте около двухсот морских миль. Из надежных исторических источников¹¹ известно, что гренландские норманны ходили за моржом, тюленем, оленями и собирали плавник вдоль западного побережья Гренландии, проникая далеко на север, вероятно, до области, где жили эскимосы. И вполне можно допустить, что какой-нибудь корабль оказывался у берегов Северной Америки; во всяком случае, моряки, наверно, видели высокие горы Баффиновой Земли.

Пересечь Девисов пролив было нехитрым делом для тех, кто ходил за полторы тысячи миль из Гренландии через океан в Норвегию.

Вспомним, что норманны жили в Гренландии около пятисот лет; они просто не могли не открыть Северную Америку. Мы были бы вправе это утверждать, даже если бы не располагали письменными источниками.

Но нам посчастливилось, у нас есть источники, повествующие о плаваниях норманнов из Гренландии в неведомую страну на западе. В некоторых источниках сведения о плаваниях отрывочны и случайны, но то, что главное в них вовсе не плавания в Винланд, как раз делает эти сообщения особенно ценными. Эти источники — исландские саги, которые записаны лет через двести после самого события, в них достаточно подробно рассказывается о походах в новые земли.

Сперва остановлюсь на важнейших отрывочных сведениях, потом скажу о сагах.

Древнейшее сообщение (около 1070 г.) мы находим у немца Адама Бременского¹². Он почерпнул сведения в Дании, вероятно, при дворе Свейна Эстридссона. Адам Бременский рассказывает про открытый в океане остров, который называют Винландом, потому что там растет дикий виноград, дающий превосходное вино, растут также дикие злаки. Об этих строках, во многом вызывающих сомнение, мы еще будем говорить дальше (смотри стр. 78).

Первый исландский рассказ о Винланде содержится в «Ислендингабуке»¹³, написанном славным Ари Фроди. Ари Фроди родился в 1067 г. в стране, где мог получить наиболее верные сведения о краях на западе. Ему рассказывал о них его дядя Торкель Геллисон, который сам побывал в Гренландии. Ари пишет, как Эйрик Рыжий открыл и освоил Гренландию, и затем продолжает:

«На востоке и на западе страны они находили стоянки, остатки лодок и каменные орудия, из чего следует, что там побывали люди, которые обитают в Винланде и которых гренландские норманны называют скрелингами...»⁹⁸.

Здесь мы узнаём, во-первых, что во времена Эйрика Рыжего в той части Гренландии, где поселились норманны, коренных жителей не было. Примечательно, кроме того, что Ари Фроди, объясняя, каким людям принадлежали стоянки, вынужден был обратиться к тому, что он знал о жителях другой страны — Винланда. Причем скупое объяснение он явно считает вполне достаточным и понятным для своих современников; значит, можно предполагать, что люди были хорошо осведомлены о Винланде. Этот своеобразный источник очень ценен.

В исландском «Ландномабуке»¹⁴, первая редакция которого, как полагают, появилась в XI в. (до нас дошел поздний вариант), рассказывается о том, что корабль Ари Морссона пригнало штормом к берегам Витманналанда, иногда называемого Великой Ирландией. «Эта страна лежит в океане на западе, недалеко от благодатного Винланда. Туда шесть суток ходу под парусом». Гюстав Сторм¹⁵ убедительно показал, что речь идет о легенде, и Винланд тут ни при чем, но строки эти интересны тем, что мы впервые слышим о благодатном Винланде.

В «Ландномабуке» в одной генеалогии есть и другое

важное сообщение: «Торд Лошадиная Голова, отец Карлсэвне, открывшего благодатный Винланд».

В «Кристнисаге»¹⁶ (записана в XIII в.) есть короткий рассказ о том, как Лейв Эйрикссон открыл Винланд; сходный рассказ читаем в «Хеймскрингле» Снорре, в саге об Улаве Трюгвессоне и в «Хауксбуке». Вот отрывок из «Кристнисаги»:

«В то лето король Улав (Трюгвессон) покинул страну и отправился на юг, в Вендланд — страну венедов. Тогда же он послал Лейва Эйрикссона в Гренландию, чтобы тот внедрял там веру. И тогда Лейв открыл «благодатный Винланд». Он нашел также в море людей на разбитом корабле. Поэтому его прозвали Лейвом Удачливым».

«Кристнисага» посвящена введению христианства в Исландии, о чем надо помнить, когда читаешь об открытии Лейва; мы еще вернемся к этому подробнее.

В «Эйрбюггья-саге»¹⁷ (записана около 1250 г.) говорится, что Снорре Турбрандссон ходил в благодатный Винланд вместе с Турфинном Карлсэвне и в боях со скрелингками погиб его сын Турбранд Снорресон.

В «Греттис-саге»¹⁸ (записана около 1300 г.) Турхалла Гамлессона называют «виндландцем» и «видландцем».

В исландских анналах¹⁹, дошедших до нас в списках XIV в., под 1121 (23) г. сообщается примечательный факт: «Эйрик, епископ Гренландии, отправился разыскивать Винланд».

Есть что-то загадочное в этом человеке и его жизни. Согласно летописям, он прибыл в Гренландию в 1112 г. и, вероятно, был первым епископом там. Однако вряд ли он обладал официальным титулом епископа, который Сигюрд Ёрсалфар пожаловал в 1124 г., клерку Арнальду, поселившемуся в Гардаре, в Аустербюгдене. Много говорит за то, что епископ Эйрик жил в Вестербюгдене, в усадьбе Санднес, прежде принадлежавшей Турфинну Карлсэвне, который ходил в Винланд. Больше мы ничего не знаем об Эйрике, ибо его имя затем не встречается в хрониках.

Зачем этот епископ плавал в Винланд? Принято считать, что он направился в Северную Америку миссионером, хотел обратить в истинную веру туземцев; однако сомнительно, чтобы в те годы норманн без подготовки взялся бы за столь опасное дело в стране, где коренное население многочисленно. Вполне вероятно, что в Винланде тогда жили норманны и Эйрик собирался проповедовать им.

В исландских летописях под 1347 г. есть запись, ясно показывающая, что некоторые части Северной Америки были тогда хорошо известны. Вот выдержка:

«И прибыло также судно из Гренландии, которое было меньше малых судов, ходивших в Исландию. Оно зашло в крайнюю часть Страумсфьорда. Оно было без якоря. На борту было семнадцать человек (некоторые говорят, восемнадцать), они ходили в Маркланд, но потом шторм пригнал их сюда».

В рукописях XV в.²⁰ есть немало заслуживающих внимания землеописаний. В одной из них, возможно, составленной много поездившим аббатом Николасом из Мунка-Тверо (умер в 1159 г.), говорится:

«От Бьярмеланда на север вплоть до Гренландии простирается безлюдный край. Южнее Гренландии лежит Хеллюланд, дальше идет Маркланд, а оттуда недалеко до благодатного Винланда, который, как полагают некоторые, соединяется с Африкой, а если это так, то внешнее море должно заходить между Винландом и Маркландом».

Здесь ясно сказано, что в Новом Свете были открыты три страны; особенно интересно сообщение о том, что от Маркланда недалеко до Винланда.

Эти землеописания, кроме того, в картину мира, известного норманнам, включают новые открытые земли. Сперва сплошная арктическая земля от Бьярмеланда (у Белого моря) до Гренландии. Здесь, на крайнем севере, обитали бесовские создания. На крайнем западе и к югу — Хеллюланд, Маркланд и Винланд. Весь мир окаймляет внешнее море, но между Маркландом и Винландом, есть пролив, и этот кусочек *Magæ Oseanum*⁹⁹ назывался Гиннунгагап.

Норвегия дает нам примечательный документ, так называемый «Хёненстейн» — камень высотой около 1,25 м с рунической надписью, найденный в Рингерике в прошлом столетии. Сам камень исчез, но сохранилась копия надписи. Известный руновед Софус Бюгге²¹ полагает, что в тексте встречается слово «Винланд» и что камень был памятником одному уроженцу Рингерике, погибшему во льдах где-то у Винланда. Магнус Ульсен считает, что слова «Винланд» в тексте нет и камень был поставлен в память родича Улава Святого, Финна Фегина, погибшего у восточного берега Гренландии. Пока «Хёненстейн» не найден вновь, нельзя сказать, кто прав.

В заключение назову древние карты Сигурдур Стефанссона (1590 г.) и Ханса Поульсона Резена (1605 г.), а также еще одну, сходную с ними карту (1599 г.), обнаруженную в Венгрии (см. стр. 90). На них помечены Хеллюланд, Маркланд и Винланд, причем Винланд находится на мысе, который, вероятно, соответствует северной оконечности Ньюфаундленда. Я еще вернусь к этим картам.

Итак, мы назвали важнейшие источники, в которых лишь косвенно упоминается о плаваниях в Винланд. Дальше идут саги, всецело посвященные походам в новые страны на западе. Я подразумеваю «Сагу о Гренландии» и «Сагу об Эйрике Рыжем». До нас дошли поздние списки саг, точный возраст более древних рукописей трудно установить.

«Сага о Гренландии»²² сохранилась как часть «большой» саги Улава Трюгвессона и вошла в знаменитый свод «Флатэйярбук», который написан в конце XIV в. почти целиком рукой исландского священника Юна Тордарсона.

«Сага об Эйрике Рыжем»²³ дошла до нас в двух рукописях. Одна представляет собой часть большого свода «Хауксбук», составленного по велению Хаука Эрлендссона до 1334 г. Хаук Эрлендссон родился около 1265 г., постоянно жил в Бергене, где стал судьей, рыцарем и членом норвежского государственного совета. Он принадлежал к роду Турфинна Карлсэвне, чем немало гордился; это нужно помнить, когда исследуешь сагу.

Вторая рукопись — «Сколхолтсбук» — датируется второй половиной XV в. В ней повествуется о тех же событиях, что и в «Хауксбуке», но рассказы во многом различаются как по форме изложения, так и по существу. Шведский исследователь Свен Б. Ф. Янссон²⁴ убедительно показал, что различия обусловлены *поправками*, которые сам Хаук Эрлендссон внес в свой список. Наиболее надежным источником следует считать «Сколхолтсбук».

Названные саги во многом отличаются друг от друга. «Сага о Гренландии» преимущественно говорит о роде Эйрика Рыжего и о том, что могло интересовать гренландцев. Скорее всего, как указывает Гэйтэрн-Харди²⁵, в ее основе лежит какой-то гренландский источник. Описано несколько самостоятельных походов в новую страну. Сначала рассказывается про Бьярне, которого шторм отнес

далеко на запад, и о чужих берегах, которые он увидел. Далее следует плавание Лейва Эйрикссона — специально подготовленная экспедиция в страну, виденную Бьярне. Позднее братья Лейва — Турвалд и Торстейн — и сестра Фрэйдис снаряжают каждый свою экспедицию. Турвалд и Фрэйдис достигают Винланда и поселяются там в домах Лейва. Затем описан поход Турфинна Карлсэвне.

«Сага об Эйрике Рыжем» рассказывает в основном о Турфинне Карлсэвне и уделяет больше внимания тому, что было интересно для исландцев. Лишь несколько строк посвящено открытию Лейва Эйрикссона, оно привязано к его плаванию из Трондхейма в Гренландию, жителей которой Улав Трюгвессон поручил ему крестить. Рассказ о Бьярне вовсе отсутствует. О неудачном плавании Торстейна сообщается, но несколько иначе. Самостоятельные походы Турвалда и Фрэйдис в Винланд выпали из саги, брат и сестра показаны в ней как участники экспедиции Карлсэвне.

Расхождение этих саг можно объяснить соперничеством двух именитых родов, оспаривавших право называться первооткрывателями; такие случаи бывают, когда речь идет о крупных открытиях. Преимущество явно было на стороне рода Карлсэвне, среди его потомков оказалось много влиятельных лиц, в том числе епископов, а Исландия была родиной саг. Род же гренландца Лейва Эйрикссона исчезает из истории вместе с его сыном. Видно, исландцы постепенно сосредоточили повествование о Винланде вокруг своего героя и соотечественника Турфинна Карлсэвне. А далекие гренландцы и их подвиги отошли на второй план. Фольклорная передача неизбежно отражает национальные и родовые чувства; в конце концов сага о Турфинне Карлсэвне вобрала в себя другие рассказы о походах в Винланд, и вклад Лейва Эйрикссона был умален, то есть как будто бы неумышленно была искажена истина. Доказать, что так и было, трудно, но если Хаук Эрлендссон, подчеркивающий свое родство с Турфинном Карлсэвне, уже в XIV в. позволил себе улучшить сагу, то можно догадываться, как обращались с ней в предшествующие века его могущественные родичи в Исландии.

Много было горячих споров о том, какую из двух саг считать более достоверной. Новейшие исследования выявили ценную информацию в каждой из них. И характерны для саг не расхождения и некоторые неясности, а достоверные сообщения о важных событиях тысячелетней давности.

Таким образом, отрывочные сведения в сочетании с сагами свидетельствуют о том, что походы в Винланд — исторический факт, что норманны плавали в Северную Америку лет за пятьсот до Колумба.

Но одно дело установить этот факт, совсем другое — определить, в каких именно частях Нового Света они побывали, где строили свои дома и где находился Винланд, упоминаемый в сагах.

Правда, саги содержат множество мореходных, географических, астрономических, этнографических, зоологических и ботанических сведений, но толковать их трудно. Особенно потому, что речь идет о народных преданиях, а не о научных трактатах, и нужно понять мышление самих обитателей Винланда и их потомков.

Перед нами рассказы, передававшиеся из поколения в поколение молодыми мореходами у открытых очагов в домах из камня и дёрна.

МОРЕ И КОРАБЛИ

Дальние океанские плавания стали возможными благодаря морским традициям, которые уходили своими корнями в глубокую старину. На почве этих традиций выросло кораблестроение высокого класса. Уинстон Черчилль писал: «В кораблях викингов была заключена их душа».

Показателен Гокстадский корабль, извлеченный из кургана эпохи викингов в Южной Норвегии. Острый рвущийся вверх форштевень, легкий элегантный корпус; длина корабля 23,33 м, наибольшая ширина 5,25 м, материал — дуб. Высота от нижней грани киля до борта в средней части судна 1,95 м. Осадка 85 см — корабль мог проходить и по мелководью. Он был оснащен веслами и прямым парусом.

Мореходные качества Гокстадского корабля стали очевидными, когда норвежец Магнус Андерсен в 1893 г. пересек Атлантику на «Викинге», сделанном по подобию этого корабля. Судно развивало неожиданно хороший ход и отлично держалось на большой волне. «Викинг» делал в среднем пять-шесть узлов, а иногда и больше. Магнус Андерсен писал о своем походе:

«Мы шли замечательно. Северное сияние озаряло океан волшебным бледным светом; сквозь ночной сумрак чайкой скользил по гребням волн «Викинг». С восхищением смотрели мы, как изящно идет корабль, и с гордостью отмечали его ход, который порой достигал одиннадцати узлов».

Вот так же не раз ходили в океане гренландские норманны. Впрочем, бывало и другое: шторм бросал открытое

судно, как игрушку, и волны захлестывали его, а иззябшие усталые моряки не успевали вычерпывать воду...

На первых порах знатные люди располагали большими кораблями. Это были построенные в Норвегии суда, на которых они пересекли море. Нам неизвестны точные данные, но, вероятно, это было что-нибудь вроде тех торговых судов, которые у норманнов назывались кнаррами. В основе их, очевидно, лежала та же конструкция, что и в основе Гокстадского корабля.

Во времена плаваний в Винланд норманны еще не знали компаса, он стал известен в Скандинавии только в XIII в. Норманны определялись по солнцу и звездам; где можно было, прибегали к так называемой широтной навигации, ориентировались по берегам. Впрочем, если берег был чужой, они предпочитали идти подальше от него.

Суда викингов выдерживали довольно сильные штормы, но не могли ложиться в дрейф — ветер подчас относил их далеко в сторону от курса. Так было с Бьярне, когда он попал к берегам Северной Америки.

Очевидно, гренландские норманны внимательно изучали течения; быть может, именно течения определили выбор маршрута в Северную Америку. На пути в Винланд течение почти все время было попутным. Сначала они шли с мощным током воды, который из Ледовитого океана устремляется вдоль берегов Восточной Гренландии на юг, огибает южную оконечность острова и сворачивает вдоль западного берега на север; потом Лабрадорское течение влекло их на юг в Винланд.

Важную роль в этих плаваниях играла и ледовая обстановка. Течения несут с собой много льда, и порой даже летом из-за льдов невозможно плавать у берегов Гренландии и особенно у Лабрадора. Если условия тогда были примерно такими же, как сейчас, то винландцы выходили в море довольно поздно, вероятно, в августе.

В рассказах о походах в Винланд особенно важны сведения о продолжительности плаваний. Единицей измерения служил дёгр; очевидно, подразумевались полные сутки, то есть 24 часа¹⁰⁰. За среднюю скорость корабля викингов можно принять шесть узлов; в сутки получается примерно 150 морских миль (морская миля равна 1852 м). Эти цифры позволяют вычислить путь, который проходили винландцы.

Согласно сагам, переход до Винланда длился недолго.

Но поскольку в них упоминается о винограде, многие были склонны считать сроки, указанные в сагах, недостоверными, так как нельзя было быстро дойти до страны дикого винограда. Финнюр Юнссон сделал заключение, что в саги вкралась описка; но ведь время указано в цифрах и короткие сроки приведены в обеих сагах, и в «Саге о Гренландии» и «Саге об Эйрике Рыжем».

Есть все основания полагать, что как раз данные о навигации в основном верны. Что-то, а факты, касающиеся судов и морских путей, народ мореплавателей, конечно же, старался возможно точнее излагать в своих преданиях.

Наверно, в гренландской колонии быстро образовался постоянный круг людей, связанных с мореходством. Кормчие, моряки, владельцы усадеб собирались вместе и делились опытом дальних плаваний. Со знанием дела говорили они о ветрах, течениях, льдах, о далеких водах и голубеющих берегах. Знания копились, принимали характер определенных указаний, складывалась традиция.

Рассказы о походах в новые земли составляли славную главу истории гренландской общины. Они передавались из поколения в поколение, их знали даже дети.

Прежде чем рассматривать отдельные походы в Винланд, кратко напомню, что говорят об этом «Сага о Гренландии» и «Сага об Эйрике Рыжем».

„Сага о Гренландии“

1. Бьярне Херьулфссон отплывает из Исландии, направляясь в Гренландию, сбивается с курса и видит берега Северной Америки.
Гл. 2.
2. Специальная экспедиция Лейва Эйрикссона открывает Хеллюланд, Маркланд и Винланд, где строит большой дом и проводит год. На обратном пути спасает команду другого корабля.
Гл. 3—4.
3. Турвалд Эйрикссон идет в Винланд. Поселяется в домах Лейва. Сражается с туземцами, погибает. Экспеди-

„Сага об Эйрике Рыжем“

1. Лейв Эйрикссон выходит из Норвегии в Гренландию, открывает в океане новую землю. В том же году прибывает в Гренландию. Спасает команду другого судна.
Гл. 5.

ция проводит в Винланде два года. Гл. 5.

4. Неудачное плавание Торстейна Эйрикссона. Гл. 6.
5. Турфинн Карлсэвне отправляется осваивать новые земли, берет с собой женщин и скот. Поселяется в домах Лейва. Торгует и сражается с туземцами. Проводит в Винланде два года. Гл. 7.
6. Плавание Фрэйдис, с участием мужчин и женщин. Поселяется в домах Лейва. Междуусобицы и убийства. Проводит в Винланде год. Гл. 8—9.

2. Неудачное плавание Торстейна Эйрикссона. Гл. 5.
3. Турфинн Карлсэвне берет с собой женщин и скот и отправляется в Хеллюланд, Маркланд и Винланд. Обосновывается в Страумфьорде. Разведочный поход на юг (Хуп). Торгует и сражается с туземцами. Проводит в Винланде три года. Гл. 8—14.

САГА О ГРЕНЛАНДИИ*

Бьярне Херьюлфссон видит новую землю

Херьюлф был сыном Борда Херьюлфссона. Он был родичем Инголфа, одного из первых поселенцев в Исландии.

Инголф даровал Херьюлфу и его людям землю между Вогом и Рейкьянесом. Херьюлф сначала жил в Дрепстокке, жену его звали Тургерд, сына — Бьярне. Бьярне был добрый молодец, смолоду его влекли дальние странствия. Одну зиму он проводил в чужих землях, другую — дома, у отца; он приобрел богатство и славу.

Скоро у Бьярне был уже свой торговый корабль. В последнюю зиму, которую Бьярне провел в Норвегии, Херьюлф вместе с Эйриком Рыжим ушел в Гренландию, оставив свой хутор.

На корабле Херьюлфа был один норманн с Гебридских островов, исповедовавший христианскую веру. Он сочинил Хавърдингардроп. Там есть такой стих: **

Прошу праведного
Бога, чтобы мое плавание
прошло хорошо. Высочайший
владыка небесный,
простирай свою руку
надо мной.

Херьюлф построил дом на Херьюльфснесе, он был знатный человек. Эйрик Рыжий жил в Братталиде, все его уважали и слушали. У Эйрика были дети: Лейв, Турвалд и Торстейн. Дочь звали Фрэйдис. Она была замужем за человеком по имени Турвард, они жили в Гардаре, где теперь резиденция епископа. Фрэйдис была властная жен-

* Выделения шрифтом в тексте саг сделаны автором книги.

** Переведено без соблюдения размера по подготовленному Финнюрмом Юнссоном изданию «Скалдедиктнинген», т. В. ч. 1, стр. 167.

щина, а Турвард ничего собой не представлял. Она вышла замуж за него ради богатства.

Тогда люди в Гренландии были язычники.

В тот самый год, когда отец весной ушел в море, Бьярне летом прибыл на своем судне в Эйрар (Исландия). Новости об отце запали ему в душу, он даже не стал разгружать корабль. Тогда товарищи спросили его, что он задумал. Он ответил, что по обычаю хочет провести зиму у отца. «Пойду в Гренландию, если вы пойдете со мной.» Все ответили, что сделают, как он решит.

Тогда Бьярне сказал: «А не опасно ли нам туда идти, ведь никто из нас не бывал в Гренландском море». И все-таки они при первой возможности вышли в море и плыли трое суток, пока земля не пропала за кормой. Но тут попутный ветер кончился, подул норд, сгустился туман, и понесло их неведомо куда. Это длилось много суток.

Наконец снова выглянуло солнце и они смогли определить стороны света. Опять подняли парус и шли так сутки. Тут они увидели землю. Стали гадать, что же это за земля, но Бьярне сомневался, что это Гренландия. Они спросили его, собирается ли он подходить к берегу. Он ответил: «Мой совет такой — подойдем поближе к этой земле». Они так и сделали и увидели, что гор в этой стране нет, но есть леса и низкие увалы.

Теперь они оставили землю слева по борту и стали удаляться в море. И шли они *двое суток*, пока не увидели новую землю. Команда спросила Бьярне, не Гренландия ли это. Он ответил, что этот край так же мало похож на Гренландию, как предыдущий, «потому что говорят, что в Гренландии должны быть большие ледники». Вскоре они приблизились к той земле и увидели, что она плоская, покрытая лесом.

В это время попутный ветер ослаб. Команда заговорила о том, что надо бы сойти здесь на берег. Но Бьярне был против. Они твердили, что нужно запастись дровами и водой, но Бьярне ответил: «Нет у вас нехватки ни в том, ни в другом». Команда ругала его за это.

Он велел поднять парус, так и сделали. Они повернули в море и *трое суток* шли с попутным юго-западным ветром, пока не увидели третью землю. Она была высокая, гористая и с ледниками.

Команда спросила Бьярне, может быть он причалит здесь, но он ответил, что не причалит, «потому что я не

вижу большого толка в этой стране». Они не спустили парус, а продолжали идти вдоль берега и увидели, что это остров.

Они повернули в море и опять пошли с попутным ветром. Но ветер крепчал, и Бьярне велел зарифить парус, оставить не больше того, что могут выдержать судно и снасти.

Шли они еще *четыре суток* и увидели четвертую землю. Спросили Бьярне, как он думает, это Гренландия или нет. Он ответил: «Это больше всего похоже на то, как мне описывали Гренландию, тут мы подойдем к берегу». Они сделали так, и под вечер пристали к мысу. У этого мыса стояло другое судно, а наверху жил Херьулф, отец Бьярне. Мыс с той поры называется Херьулфснес.

Тут Бьярне поднялся в дом к своему отцу. Он больше не ходил на запад, жил у Херьулфа до самой его смерти, и после него жил там сам.

Так заканчивается эта глава саги.

Лейв Эйрикссон открывает Винланд

Дальше (после смерти короля Улава Трюгвессона в 1000 г.) случилось то, что Бьярне Херьулфссон отправился из Гренландии к Эйрику Ярлу (в Норвегию), и Ярл очень хорошо его принял. Бьярне поведал о своих странствиях, перечислил края, которые видел, и люди говорили, что он был не больно-то любознателен, если ему больше нечего рассказать об этих землях, и крепко пеняли ему за это.

Бьярне стал дружинником Ярла и на следующее лето отплыл в Гренландию.

Тогда стали много толковать о походах в новые земли. Лейв, сын Эйрика Рыжего из Братталида, пришел к Бьярне Херьулфссону, купил его корабль и набрал команду, всего тридцать пять человек.

Лейв просил своего отца Эйрика возглавить этот поход. Эйрик отказался — дескать, он слишком стар стал, силы не те, что прежде. Лейв напомнил, что он самый удачливый предводитель в их роду. Эйрик уступил его уговорам, и, как только были закончены сборы, они сели на коней и поехали из дому. Когда до судна оставалось совсем немного, конь

Эйрика споткнулся, Эйрик упал и повредил себе ногу. И он сказал: «Не судьба мне найти еще новую землю, кроме здешней. Видно, нам больше не плавать вместе».

Эйрик вернулся домой в Братталид, а Лейв поднялся на корабль со своими людьми, числом тридцать пять. С ними был один южный человек, его звали Турком.

И они стали готовиться к отплытию, и, как только все было сделано, вышли в море; сперва они достигли земли, которую *Бьярне открыл последней*. Подошли к берегу, бросили якорь, спустили на воду лодку и высадились, но нигде не увидели травы. Вдали начинались большие ледники, а между ледниками и морем был сплошной гладкий камень. Ничего-то доброго они тут не нашли.

Тогда Лейв сказал: «Во всяком случае про нас никто не скажет, что мы, как Бьярне, даже не побывали на берегу. Я дам этой земле имя, пусть называется Хеллюланд». И они вернулись на борт корабля.

Они вышли в море и обнаружили *вторую землю*. Снова приблизились к берегу, бросили якорь, спустили на воду лодку и высадились. Местность была плоская и лесистая, и куда бы они ни пошли, всюду был отлого спускающийся к воде белый песчаный берег. И Лейв сказал: «Какой тут край, такое имя ему дадим, — пусть называется *Маркланд* (Лесная страна)». Потом они не мешкая вернулись на судно.

С попутным северо-восточным ветром они опять вышли в море и плыли *двое суток*, прежде чем увидели землю. Пошли к ней, и встретился им остров, лежащий к северу от той земли. Они высадились на него, осмотрелись. Погода была хорошая. Трава была покрыта росой, и некоторые, смочив ею руки, подносили их ко рту и говорили, что никогда не пробовали такой сладости.

Потом они вернулись на корабль и вошли на нем в пролив, разделяющий остров и мыс, который протянулся от большой земли на север. Они поплыли западнее мыса. В отлив здесь было очень мелко. Корабль сел на мель, и море отступило далеко. Но им так не терпелось ступить на берег, что они не стали дожидаться прилива, а добежали до суши там, где из озера вытекала речка.

Как только вода поднялась опять, они сели в лодку и завели корабль в речку, а по ней — в озеро. Здесь они бросили якорь, снесли на берег кожаные мешки и соорудили

дили себе жилье. Потом решили зазимовать и построили большие дома.

И в реке, и в озере было много лосося, притом такого крупного, какого они прежде не видели. Край был благодатный, и им явно не нужно было запасать фураж на зиму. Зимой не было морозов, и трава почти не пожухла. Сутки были ровнее, чем в Гренландии и Исландии. В середине зимы у солнца был эйктарстад и дагмоластад (то есть в самый короткий день солнце светило и около трех дня и утром во время завтрака).

Когда они кончили строить дома, Лейв сказал: «Теперь я разделю команду на два отряда и мы разведаем край. Один отряд остается дома, другой будет изучать страну; но далеко не уходить, чтобы к вечеру можно было вернуться домой, и всем держаться вместе». Так и повелось, причем Лейв то ходил с разведчиками, то оставался дома.

Лейв был высокий, сильный, любо поглядеть. Он был умен, сдержан и всеми уважаем.

Как-то вечером оказалось, что пропал один человек; это был южанин Турок. Лейв горевал, потому что Турок долго жил у его отца и очень любил Лейва, когда тот был еще ребенком. Лейв крепко побранил спутников Турка и отправился его искать, взяв с собой двенадцать человек. Только они отошли немного от домов, как увидели идущего им навстречу Турка. Они очень обрадовались ему. А Лейв сразу заметил, что Турок несет какую-то чепуху.

У Турка был крутой лоб и маленькое веснушчатое лицо с бегающими глазами, он был хлипкий, малорослый, но умел хорошо мастерить.

Лейв спросил его: «Почему ты так задержался, отчим, почему от других отстал?» Турок сначала долго говорил по-немецки, вращал глазами и делал гримасы, но его никто не понимал. Потом он сказал на языке норманнов. «Я прошел немного дальше вашего, зато у меня есть новости: я нашел винное дерево и виноград». «Это правда, отчим?» спросил Лейв. «Конечно, правда, — ответил Турок, — ведь я родился в краю, где вдоволь и винного дерева, и винограда». Ночь они спали, а утром Лейв сказал своим людям: «Теперь мы будем делать две работы и сменяться через день. Будем собирать виноград и рубить винное дерево и другой лес, чтобы было чем загрузить корабль». Так и сделали. Говорят, что лодку доверху нагрузили виноградом.

Они заготовили достаточно леса. Весной они закончили все дела и отплыли. Лейв дал стране имя, связанное с природными богатствами, он назвал ее *Винланд*.

Они вышли в море, и был добрый попутный ветер, и они увидели Гренландию — горы, покрытые ледниками. Тут команда спросила Лейва: «Почему ты держишь так круто к ветру?» Лейв ответил: «Не бойтесь, я не собьюсь с пути, да не за одним только курсом смотреть надо, вы разве не приметили?» Они ответили, что не видят ничего необычного. «Не знаю, — сказал Лейв, — что это там виднеется — камень или корабль». Тут и остальные приметили что-то; они сказали, что это камень. Но у Лейва глаза были зорче, он различил на камне людей.

«Надо идти к ветру, — сказал Лейв, — чтобы помочь им. А если это люди недобрые, то ведь сила на нашей стороне».

Они подошли к камню, убрали парус, бросили якорь и спустили на воду вторую лодку. И Турок спросил, кто старший (у потерпевших кораблекрушение). Тот отозвался, сказал, что его имя Туре и он норманнского рода. И Лейв назвался. «Ты сын Эйрика Рыжего из Братталида?» — спросил тот. Лейв сказал, что да. «А теперь переходите все на мой корабль и берите с собой столько добра, сколько мы сможем увезти».

Они сделали так, и корабль пошел со всем грузом по Эйриксфьорду до Братталида. Здесь они сняли груз. Потом Лейв пригласил Туре и его жену, Гюдрид, и еще троих пожить у него. Нашел на зиму жилье и для остальной команды, как для своих людей, так и для товарищей Туре.

Лейв снял с камня пятнадцать человек. С той поры его прозвали Лейвом Удачливым. Так он приобрел и богатство, и славу.

Зимой Туре и его товарищей поразила тяжелая болезнь. Туре умер, умерли и многие его люди. В ту зиму умер также Эйрик Рыжий.

Плавание Турвалда Эйрикссона

О походе Лейва в Винланд много толковали. Его брат Турвалд говорил, что они слишком мало земли разведали. Лейв сказал Турвалду: «Если тебе охота, брат, иди в

Винланд на моем корабле. Но сперва корабль снимет с камня лес Туре, который там остался». Так и сделали.

Турвалд собрался в поход с командой в тридцать человек, и брат его Лейв дал ему советы. Они снарядили судно и вышли в море, а дальше про плавание нечего рассказывать, пока они не пришли в Винланд, к домам Лейва. Здесь они вкатили корабль на берег и всю зиму провели на одном месте, а кормились рыбой, которую ловили.

Но весной Турвалд сказал, что надо готовить корабль, и пусть несколько человек летом пойдут на лодке вдоль берега на запад, чтобы разведать те края. Они увидели красивую страну, с густым лесом, который подходил совсем близко к морю. Увидели белые песчаные берега, много островов и отмелей. Нигде не было следов людей или животных, но на одном острове на западе они нашли деревянные вешала для сушки зерновых. Больше никаких признаков человека не было, они повернули обратно и осенью вернулись к домам Лейва.

На следующее лето Турвалд на корабле пошел уже на восток, потом дальше, вдоль северной окраины страны. У одного мыса их настиг сильный ветер, они сели на мель и повредили киль. И надолго задержались, пока чинили корабль. Турвалд сказал своим людям: «Сделаем новый киль на этом мысу и назовем мыс Хьяларнес (Килевой мыс)». Они так и сделали.

Оттуда они поплыли вдоль берега на восток, свернули в первый же фьорд и подошли к выступающему мысу. Он был весь покрыт лесом. Здесь они причалили и спустили сходни, и Турвалд сошел на берег со всей командой.

Он сказал: «Здесь хорошо, здесь я бы поселился».

Они вернулись на корабль, но тут увидели на берегу за мысом три бугорка. Подошли ближе — оказалось, что это лодки из кож, а под каждой лодкой по три человека. Турвалд и его товарищи разделились и всех взяли в плен, только один успел уйти на лодке. Остальных восьмерых они убили, потом вернулись на мыс, а с него различили в глубине фьорда что-то вроде жилья.

После того на них напала такая усталость, что они не выдержали, уснули все. Вдруг над ними раздался крик, так что они сразу проснулись. Вот что они услышали: «Проснись, Турвалд, проснитесь, люди Турвалда, если

жизнь дорога. Садитесь все на корабль и поскорее уходите в море!»

Тут в глубине фьорда показалось множество кожаных лодок, которые шли прямо на них. Турвалд сказал: «Поставим вдоль борта щиты и будем обороняться, но сами на рожон не полезем». Они так и сделали. Туземцы (скрелинги) обстреляли их, потом обратились в беспорядочное бегство.

Турвалд спросил своих людей, есть ли раненые, они ответили, что нет. «Меня ранило подмышкой, — сказал он. — Стрела прошла между бортом и щитом и впилась в бок. Вот эта стрела, теперь мне конец. Мой совет вам — не мешкая уходите домой. Но сперва отнесите меня на мыс, где мне так хотелось построить себе дом. Может быть, судьба говорила моими устами, когда я сказал, что поселюсь там. Похороните меня, поставьте крест у головы и ног, и пусть это место наперед всегда называется Корснесет (Крестовый мыс).»

В Гренландии уже ввели христианство, но Эйрик Рыжий умер до этого.

Турвалд умер. Они сделали все, как он велел, потом подняли парус и встретили других участников экспедиции и рассказали друг другу, что нового узнали.

Зиму они прожили там (в домах Лейва), собирая виноград и заготавливая винное дерево, чтобы загрузить корабль. На следующую весну они собрались в обратный путь в Гренландию и пришли на корабле в Эйриксфьорд. Большие новости услышал от них Лейв.

Неудачный поход Торстейна Эйрикссона

...Торстейн Эйрикссон задумал пойти в Винланд, чтобы забрать тело своего брата Турвалда. Он снарядил тот же корабль и подобрал команду, самых сильных и рослых. Всего он взял с собой двадцать пять человек и еще свою жену Гюдрид. Как только они собрались, так и вышли в море, и скоро земля скрылась за кормой.

Все лето они блуждали в океане и не знали, где находятся. Когда же минула первая неделя зимы, они сошли на берег в Люсефьорде в Вестербюгене, в Гренландии...

**Турфинн Карлсэвне
идет в Винланд
осваивать новые земли**

В то же лето (когда Гюдрид, вдову Торстейна, привезли в Эйриксфьорд) пришел в Гренландию корабль из Норвегии. Хозяина корабля звали Турфинн Карлсэвне, он был сын Турда Лошадиной головы, сына Снорре, сына Турда из Ховде. Турфинн Карлсэвне был богатый человек. Зиму эту он прожил у Лейва Эйрикссона в Братталиде. Вскоре Турфинн полюбил Гюдрид и попросил ее руки, но она сказала, что на это должен ответить Лейв. Ее обручили с ним, и в ту же зиму сыграли свадьбу.

По-прежнему много толковали о Винланде. И Гюдрид, и другие настойчиво уговаривали Карлсэвне идти туда. Наконец решили, что надо плыть; набрал он себе команду из шестидесяти человек, а сверх того взял пять женщин. Карлсэвне и его люди условились, что каждому причтется равная доля добычи, которую они возьмут в той стороне. Они везли с собой всяких домашних животных, потому что задумали поселиться там, если можно. Карлсэвне просил Лейва уступить дома, которые он построил в Винланде, но Лейв ответил, что пусть они пользуются домами, однако совсем он их не отдаст.

Они вышли в море, благополучно достигли домов Лейва и снесли на берег свои кожаные мешки. Вскоре они взяли хорошую добычу, потому что к берегу прибило кита. Кит был огромный, тяжелый, и они отправились туда и разделили тушу, так что на всех хватило еды.

Коровы паслись на берегу, но вскоре стали беспокоящими, и с ними стало трудно справляться. Ведь у них был с собой только один бык.

Карлсэвне велел валить лес и снимать кору с бревен, заготовить груз для судна. На сушку лес складывали на горе. Все, чем богат тот край, они брали: виноград, разную дичь, рыбу и прочее.

Кончилась первая зима, наступило лето. И тут они увидели туземцев (скрелингов) — из леса вышла целая толпа. Поблизости пасся скот, и бык вдруг принялся грозно мычать. Туземцы перепугались и бросились в разные стороны со своей кладью, а принесли они с собой беличьи и собольи шкурки и всякие кожаные изделия. Гости прибежали на двор Карлсэвне, но он поставил у дверей охрану и не

пустил их в дома. Они не понимали друг друга, так как не знали языка. Туземцы сняли с плеч свою кладь, развязали тюки и предложили свои товары. Взамен они хотели получить оружие, но Карлсэвне запретил своим людям его продавать.

Он придумал другое, он сказал женщинам, чтобы вынесли молоко, и как только туземцы увидели молоко, так уже больше ничего покупать не хотели. И вышло так, что туземцы свою покупку унесли в животе, а Карлсэвне и его людям достались мешки и шкуры. Потом туземцы ушли.

После этого Карлсэвне велел обнести двор крепкой изгородью и они приготовились (к обороне). В это время Гюдрид, жена Карлсэвне, родила мальчика, который получил имя Снорре.

Лишь зимой следующего года к ним опять пришли туземцы, их было гораздо больше, чем в прошлый раз, но товары они предложили те же. Карлсэвне сказал женщинам: «Вынесите такие товары, которые лучше всего брали в прошлый раз, а больше ничего не выносите». Когда скрелинги увидели товар, они стали бросать свои тюки через изгородь.

Гюдрид сидела в дверях возле колыбели, в которой лежал ее сын Снорре, вдруг на дверь упала тень, и вошла женщина в черном узком платье. Она была небольшого роста, голова обвязана лентой, волосы светло-коричневые, лицо бледное, а глаза огромные, таких прежде ни у кого и не видывали. Она подошла прямо к Гюдрид и спросила: «Как тебя звать?» «Меня звать Гюдрид, а как твоё имя?» «Мое имя Гюдрид», — ответила та. Тогда настоящая Гюдрид протянула ей руку, чтобы посадить ее рядом с собой. Вдруг что-то грохнуло, и женщина исчезла.

В эту самую минуту один из людей Карлсэвне убил туземца, который попробовал украсть оружие. Тут все туземцы кинулись наутек, побросали и товары, и одежду. А женщину в черном платье кроме Гюдрид никто не видел.

«Теперь надо держать ухо остро, — сказал Карлсэвне. — Сдается мне, они придут в третий раз, придут с большим войском и недобрыми мыслями. А мы вот как поступим: десять человек будут ходить на виду на мысу, а все остальные пойдут в лес и вырубят расчистку для скота, его мы перегоним туда, когда из леса выйдет войско. А сами возьмем быка и пустим его перед собой».

Там, где они задумали встретить войско, с одной стороны лежало озеро, с другой — был лес. Как Карлсэвне сказал, так и сделали, и туземцы вышли туда, где он хотел дать им бой. И завязалась схватка, и много туземцев погибло. Среди туземцев был один высокий и могучий воин, Карлсэвне сказал, что это, наверно, вождь. Один туземец поднял с земли секиру, сперва посмотрел на нее, потом замахнулся на одного из своих и ударил так, что тот упал замертво. Тогда рослый воин взял секиру, осмотрел ее и изо всех сил забросил в воду. После этого они беспорядочно отступили в лес, и на том битва кончилась.

Карлсэвне и его люди провели здесь еще целую зиму, но весной Карлсэвне объявил, что больше не хочет тут оставаться. Пора плыть в Гренландию. Они собрались в путь и заготовили всякий добрый товар — винное дерево, виноград, шкуры и меха. Они вышли в море, благополучно добрались до Эйриксфьорда и тут зазимовали.

Поход Фрэйдис Эйриксдаттир

И опять много говорили про Винланд, что сто́ит туда ходить, ведь такой поход, как оказалось, приносит и богатство, и славу. В то самое лето, когда Карлсэвне вернулся из Винланда, в Гренландию пришел корабль из Норвегии. Его привели два брата, Хельге и Финнбуге, и они решили зимовать в Гренландии. Братья были рода исландского, из Аустфьурдене.

Но сперва расскажем о Фрэйдис Эйриксдаттир. Она выехала из своего дома в Гардаре, чтобы встретить двух братьев, Хельге и Финнбуге, и предложила им пойти вместе с ней в Винланд, посулила им половину всей добычи от похода. Они на это согласились. Потом она пошла к своему брату Лейву и попросила его отдать ей дома, которые он построил в Винланде. Однако он ответил, как прежде, что пользоваться ими разрешает, но совсем их не отдаст.

Братья и Фрэйдис договорились, что каждый берет на своем корабле по тридцать воинов, кроме женщин. Но Фрэйдис с самого начала нарушила уговор, она взяла на пять воинов больше и спрятала их, братья об этом не знали, пока не пришли в Винланд.

И вот они отплыли, и у них было условлено, сколько идти вместе. Корабли шли недалеко друг от друга, но братья причалили немного раньше и отнесли кладь в дома Лейва. Когда же Фрейдис и ее люди высадились на берег, они тоже разгрузили свой корабль и отнесли кладь к домам. И Фрейдис сказала: «Почему вы принесли свои вещи сюда?» «Потому что мы думали, что все наши уговоры должны выполняться». Она сказала: «Лейв мне разрешил пользоваться домами, не вам».

«Мы не можем меряться с тобой злонравием», — ответили братья. Они вынесли из дома свое добро и поставили себе отдельный дом поодаль от моря, на берегу озера, и все очень хорошо устроили, а Фрейдис в ту пору велела рубить лес, готовить груз для корабля.

Наступила зима, и братья предложили устроить игры и придумать иные занятия. Так и шло некоторое время, но потом люди стали плохо говорить друг про друга и начались распри, а забавам пришел конец. Люди из одного лагеря больше не ходили в другой. Вот как проходила та зима.

Однажды рано утром Фрейдис встала и оделась, но не обулась, хотя пала обильная роса. Накинула плащ мужа и пошла к дому, где жили братья. Подошла к двери, а кто-то из тамошних только что выходил и оставил ее приоткрытой. Она отворила дверь и остановилась на пороге, ничего не говоря.

Финнбуге лежал в глубине комнаты, он не спал. Он сказал: «Что тебе надо здесь, Фрейдис?» Она ответила: «Встань и выйди ко мне, мне надо с тобой переговорить». Он сделал так, они подошли к бревну, которое лежало подле дома, и сели на него.

«Ну, как тебе здесь нравится?» — спросила она. Он ответил: «Я доволен страной и ее богатствами, но плохо, что между нами начались распри, по-моему, для них нет никакой причины». «Верно, — сказала она, — и я так думаю. А пришла я вот с каким делом, хочу поменяться с вами, братьями, кораблем, потому что ваш корабль больше, а я задумала уйти отсюда». «Ладно, идет, — сказал он, — если это тебя устроит». И они расстались, она пошла домой, а Финнбуге снова лег.

Она легла в постель, а ноги у нее были холодные, это разбудило Турварда, он спросил почему она такая холодная и мокрая. Она с яростью ответила: «Я ходила к бра-

тьям, хотела поменяться кораблями, потому что мне нужен корабль побольше, но они так взбеленились, что побили меня и издевались надо мной. А ты, трус, не можешь отомстить ни за мой, ни за свой позор; здесь не Гренландия, но я разойдусь с тобой, если ты не отомстишь».

В конце концов он не выдержал и велел своим людям подняться и взять оружие. Они сделали так и пошли прямо к дому, где жили братья, вошли к спящим и стали их вязать и по одному выводили во двор. Фрэйдис велела убивать каждого, кого выводили.

Когда все мужчины были убиты, остались женщины, их никто не хотел убивать. Тогда Фрэйдис сказала: «Дайте мне секиру». Ей дали секиру, и она убила пятерых женщин, которые там были; они лежали мертвые, когда она вышла из дома.

Совершив это злодейство, они вернулись в свои дома; и было видно, что Фрэйдис очень довольна, и она сказала своим людям: «Если мы благополучно вернемся в Гренландию, я убью того, кто хоть словом обмолвится, что здесь было. Скажем, что они остались, когда мы пошли домой».

Ранней весной они снарядили корабль, который принадлежал братьям, и погрузили на него столько добра, сколько корабль мог взять. И они вышли в море, и все было гладко; в начале лета они пришли в Эйриксфьорд. Они застали здесь Карлсэвне, он только что кончил снаряжать свой корабль и ждал попутного ветра, и люди говорят, что еще никогда из Гренландии не выходило такое богатое судно.

САГА
ОБ ЭЙРИКЕ
РЫЖЕМ*

Лейв Эйрикссон
открывает Винланд

...Лейв вышел со своими людьми с Гебридских островов (куда его отнесло во время плавания из Гренландии в Норвегию) и осенью прибыл в Норвегию, где поступил в дружину короля Улава Трюгвессона. Король принял его с почетом, ведь сразу было видно, что это человек незаурядный.

Однажды король подошел к Лейву и обратился к нему. Он спросил: «Ты не собираешься летом в Гренландию?» Лейв ответил: «Соберусь, если на то будет твоя воля». Король сказал: «Скажу тебе, что не худо бы сходить. Отправляйся с моим поручением, будешь проповедовать христианскую веру».

Лейв сказал, что дело короля повелеть, только он думает, что нелегко будет выполнить такое поручение в Гренландии. Король ответил, что не знает человека, который справился бы с этим делом лучше, чем Лейв. «Ты ведь удачливый», — сказал он. Лейв ответил: «Разве что ты еще добавишь свою удачу».

Лейв вышел в море, но во время шторма он отклонился от курса, и попал в страну, о которой раньше не слышал. Там были поля дикой пшеницы и росло винное дерево. Было также дерево, которое называется масур¹⁰¹, и они взяли с собой всего понемногу. (X: были такие большие деревья, что годились строить дома). Лейв (X: нашел несколько человек на разбитом судне) забрал их к себе до-

* Перевод из «Сколхолтсбука». Текст из «Хауксбука» стоит в скобках после буквы «X». Выделения шрифтом сделаны автором книги.

мой и приютил всех на зиму. В этом (X : как и во многом другом) проявились его смелость и великодушие. Его (X : с тех пор всегда) называли Лейвом Удачливым.

Неудачный поход Торстейна

...Люди много толковали о том, что не худо бы отыскать страну, которую открыл Лейв. Больше всех эта мысль занимала Торстейна Эйрикссона, а был он человек добрый, умный, хорошо ладил с людьми. Звали с собой Эйрика, потому что его все считали самым прозорливым и удачливым, он долго отказывался, но потом уступил товарищам. Они снарядили корабль, который Турбьёрн привел в Гренландию; и в команду вошло двадцать человек. Груза взяли немного, главным образом оружие и съестные припасы.

Утром, когда Эйрик выехал на коне из дому, он захватил с собой сундучок с золотом и серебром и спрятал его. Потом двинулся дальше, но только немного отъехал, как упал с лошади и сломал несколько ребер, и повредил руку в плечевом суставе. Он крикнул: «Ай-яй!» После такой неудачи он попросил свою жену Тьодхильду забрать золото и серебро из тайника и сказал, что это ему наказание за то, что спрятал клад.

Но вот они вышли из Эйриксфьорда, и у всех была радость в душе и большая надежда на успешное плавание. Но шторм долго носил их в океане, так они и не попали туда, куда хотели. Они видели Исландию, видели птиц из Ирландии. Корабль долго блуждал в океане, и осенью они повернули обратно, сил у них уже не было. Они пришли в Эйриксфьорд (X : в начале зимы)...

Турфинн Карлсэвне идет осваивать новые земли

...В эту зиму в Братталиде много толковали (X : что надо бы разыскать Винланд благодатный, говорили, что это хороший край, туда стоит сходить). Играли в шашки, рассказывали саги и разные случаи, чтобы скрасить жизнь.

Карлсэвне и Снорре задумали найти Винланд, и эти планы часто обсуждались. Они снарядили корабль и собирались летом (X : весной) идти в Винланд. Бьярне и Турхалл тоже хотели участвовать в плавании со своим кораблем и с командой, которая с ними ходила.

И один человек по имени Турвалд *, зять Эйрика Рыжего, тоже пошел с ними, а также Турхалл, по прозвищу Охотник, он долго служил у Эйрика, промыслял зверя и выполнял важные поручения. Турхалл был высок ростом, черноволос и некрасив с виду. Он был уже пожилой, своенравный, говорил мало, держался замкнуто, и всегда его раздражало зло, он все старался подстроить что-нибудь недоброе.

С тех пор как Турхалл приехал в Гренландию, он не очень-то ревностно держался веры. Хотя он чурался людей, Эйрик долго слушал его советы. Турхалл оказался на одном судне с людьми Турварда (X : с Турвардом и Турвалдом), потому что хорошо знал необжитые места. Корабль был тот самый, на котором Турбьёрн пришел в Гренландию. Большинство команды составляли гренландцы. Всего на кораблях было сто шестьдесят человек.

Они пошли сперва в Вестербюгден, оттуда на Бьярнэй. От Бьярнэй с северным ветром шли морем *двое суток*. После этого увидели землю. Они подошли к берегу на лодках и разведали край, там было много плоских камней, таких больших, что два человека вполне могли лечь на них пятками друг к другу. И там было много белых песцов. Они назвали эту страну *Хеллюланд*.

Потом они шли *двое суток* с северным ветром (X : и изменили курс с южного на юго-восточный), и впереди показалась земля с большими лесами и всякими животными. К юго-востоку от этой земли был остров, на нем они встретили медведя и назвали остров Медвежьим. А лесистый край они назвали *Маркланд* (Лесная страна).

Еще через *двое суток* они снова увидели землю и направились к берегу (X : потом долго шли вдоль берега на юг и попался им мыс). Здесь им попался мыс, они плыли вдоль этой земли, она была у них с правого борта. Край был пустынный, далеко тянулись ровные песчаные берега. Они высадились на берег и нашли (X : на том мысу) киль

* В «Хауксбуке» — Турвард; там же сообщается, что Турвалд Эйрикссон тоже участвовал в плавании.

от корабля и назвали это место *Хьяларнес* (Килевой мыс). И берегам тоже дали имя, назвали их *Фюрдюстрандир**, потому что так долго пришлось идти мимо них.

Дальше начались заливы, и в них (Х: в один из них) они заходили.

Когда Лейв был у короля Улава Трюгвессона, тот поручил ему обратить гренландцев в христианскую веру и дал ему двух шотландцев, мужчину и женщину по имени Хаке и Хекья. Король сказал Лейву, что он может их послать, когда будет что-нибудь очень срочное, так как они бегают быстрее любого зверя. Этих людей Карлсэвне взял с собой в плавание с согласия Лейва и Эйрика.

И вот когда берега *Фюрдюстрандир* остались позади, шотландцев высадили на сушу и велели им бежать на юг, разведать места и вернуться до истечения третьего дня.

Они были одеты в платье, которое называли *бьяфал* (Х: хьяфал). Оно было сшито так: вверху капюшон, по бокам открыто и никаких рукавов, между ногами застежка — пуговица и петля. Больше на них ничего не было.

Бросили якорь и стали ждать. Когда прошло три дня, гонцы прибежали обратно, и один держал в руке виноград (Х: гроздь винограда), второй — дикую пшеницу (Х: молодую пшеницу). Карлсэвне сказал, что страна, как будто, богатая.

Их взяли на борт и пошли дальше до места, где в сушу врезался фьорд. Они задумали войти в фьорд. В устье лежал остров, кругом было сильное течение. Они назвали остров *Страумэй*. На нем было столько птицы (Х: гаг), что некуда было ступить из-за яиц.

Они вошли в фьорд и назвали его *Страумсфьорд* (Х: Страумфьорд), снесли кладь на берег и приготовились обосноваться здесь. У них был с собой всякий скот. Они осмотрели край, чтобы узнать, чем богат он. Кругом были горы, место очень хорошее. Они только разведали край, больше ничего. Там оказалось вдоволь травы.

Зазимовали, но зима выдалась суровая, а они ничего не запасли; с едой стало туго, а с охотой и рыбной ловлей им тоже не повезло. Они отправились на остров, надеялись, что там промысел будет лучше или к берегу прибьет что-нибудь съестное. Но с едой по-прежнему было худо, правда, для скотины корма хватало. Они обратились

* Удивительные или странные берега.

с молитвой к богу, чтобы он послал им что-нибудь, но их молитва не была услышана так скоро, как им хотелось бы.

Исчез Турхалл, и люди пошли его искать; три полных дня искали. На четвертый день Карлсэвне и Бьярне нашли Турхалла на утесе. Стоит и таращится, рот разинут, ноздри расширены, сам себя царапает, щиплет и что-то бормочет. Они его спросили, зачем он сюда забрел, но он ответил, что это не их дело, пусть не беспокоятся, он уже не ребенок, не нуждается в присмотре. Они позвали его, и он пошел с ними домой.

Вскоре к берегу прибило кита, и они начали его разделывать, но никто не знал, что это за кит. Карлсэвне хорошо разбирался в китах, но такого раньше не видел. Сварили китового мяса, попробовали и все заболели.

В это время подошел Турхалл и сказал: «Разве рыжебородый (Тур) не сильнее вашего Христа? Это награда мне, скальду — я с полной верой сочинил стих про Тура, а он редко меня подводит». Но когда люди это услышали, то отказались есть мясо, они сбросили кита со скалы и стали уповать на бога.

Вскоре они смогли выйти на рыбную ловлю (X: погода наладилась) и взяли столько рыбы, что можно было прокормиться. Весной они пошли в глубь Страумфьорда, теперь добычу брали сразу и на суше и на море — охотились, ловили рыбу, да еще яйца собирали.

Стали они говорить о своем походе и о том, что делать дальше. Турхалл Охотник хотел идти на север, искать Винланд за Фюрдиюстрандир и Хьяларнесом. Карлсэвне решил идти вдоль побережья на юг*, потом на восток, дескать, чем дальше на юг, тем земля будет шире, поэтому лучше разведывать в обоих направлениях.

Около острова Турхалл приготовил к плаванию свой корабль, с ним пошло всего девять человек, остальные последовали за Карлсэвне. Однажды, когда Турхалл носил воду на судно, он сделал глоток и прочел такой стих:

Храбрым воинам сулил я,
Что когда сюда прибудем,
Лучший ждет меня напиток.
Здесь край не похваляю,
Раньше шлем носил я гордо,

* В «Хауксбуке» остальная часть предложения до точки опущена.

А теперь ведро с водой —
Кланяюсь источнику.
И ни капельки вина
Губ моих не освежило.

Потом они направились в море, и Карлсэвне вышел с ним за острова. Прежде чем поднять парус, Турхалл сказал:

Так пойдем обратно,
Нас зовет Гренландия,
Пусть корабль отважно
Море бороздит,
А суровым воинам,
Что страну так хвалят,
Быть у Фюрдюстрандир
И варить кита.

Они расстались с Карлсэвне и пошли на север мимо Фюрдюстрандир и Хьяларнеса, потом хотели свернуть на запад, но их настиг шторм, ветром их пригнало в Ирландию. Здесь с ними скверно обошлись, сделали их рабами. Турхалл тут и погиб (X: по словам торговых людей).

Что же до Карлсэвне, то он направился вдоль побережья на юг; и с ним Снорре, Бьярне и другие. Шли они долго, наконец увидели реку, которая впадала сперва в озеро, потом в море. В устье реки были большие песчаные отмели, и только в прилив можно было войти в нее. Карлсэвне и его люди зашли в устье и назвали это место Хуп*. В низменных местах нашли они поля дикой пшеницы (самосейки), а повыше всюду росло винное дерево. Там, где суша и море встречались в прилив, они рыли ямы, и когда море отступало, в ямах оставался палтус. В лесу было множество всякого зверя.

Карлсэвне и его люди провели там полмесяца и ничего худого не видели, только хорошее. Скот они привезли с собой.

А однажды утром, когда они ходили знакомиться с краем, увидели они девять (X: множество) кожаных лодок. Сидевшие в лодках люди размахивали палками,

* Под словом «хуп» разумеют залив или озеро, сообщающиеся с морем узким и мелким проливом или руслом, по которому может подниматься приливная волна. Вдоль берегов Гренландии и Северной Америки много таких хупов.

так что стоял стук и треск, палки вращались по ходу солнца.

Карлсэвне спросил: «Что это значит?» Снорре Турбрандссон ответил: «Может быть, это мирный знак, возьмем белый щит и пойдем им навстречу». Так они и сделали. Незнакомцы приблизились на лодках, подивились на них и вышли на берег. Они были низкорослые (X: черные), некрасивые, волосы косматые, глаза большие, скулы широкие. Они постояли на берегу, дивясь, потом ушли на своих лодках мимо мыса на юг.

Карлсэвне и его люди построили себе жилье выше озера, некоторые дома поближе к воде, другие поодаль. Они прожили здесь зиму; снега не было, так что скот все время пасся на воле.

Когда настала весна, однажды рано утром из-за мыса на юге появились лодки, и было их так много, что казалось, будто в заливе рассыпали уголь. И на этот раз люди в каждой лодке размахивали палками.

Карлсэвне и его товарищи взяли щиты, потом начался торг. Особенно охотно чужаки брали красную материю (X: в обмен они предлагали пушнину). Они просили также мечи и копья, но Карлсэвне и Снорре им отказали. (X: за невыделанную шкурку получали пядь (девять дюймов) красной материи, которую обвязывали себе вокруг головы). Так шла торговля, но когда материи осталось мало, стали они ее разрезать так, что полоски были не шире пальца. Туземцы давали за них столько же, сколько прежде, даже больше.

Тут из лесу выскочил принадлежавший Карлсэвне бык и громко замычал. Туземцы перепугались, побежали к лодкам и ушли вдоль берега на юг. Потом их три недели не было видно.

Когда же прошло это время, с юга появилось множество туземных лодок, будто река текла. Теперь туземцы размахивали палками против солнца и все что-то громко кричали. Тогда люди Карлсэвне взяли красные щиты и пошли на них (X: туземцы выскочили из лодок и), они сошлись и начался бой. Завязалась отчаянная перестрелка, у туземцев были пращи. Карлсэвне и Снорре увидели, как туземцы надевают на жерди (X: жердь) что-то вроде (X: очень) большого иссиня-черного мяча (X: похожего на овечий желудок). Этот предмет они метнули (X: жердью) в ту сторону, где стояли люди Карлсэвне; и там, где он

упал, раздался страшный звук. Карлсэвне и его люди так испугались, что невольно побежали вдоль реки (X : им почудилось, что туземцы окружили их со всех сторон. Они бежали без остановки) до утесов, а здесь они дали отпор.

Фрэйдис вышла и увидела, что Карлсэвне и его товарищи удирают. Она крикнула: «Что вы бежите от этих жалких людишек. Такие молодцы, я думала, вы их порубите, как телят. Да будь у меня оружие, я бы дралась лучше любого из вас».

Однако им было не до нее. Фрэйдис хотела последовать за ними, но ей было трудно поспеть, потому что она ждала ребенка. Преследуемая туземцами, она тоже укрылась в лесу.

Здесь она увидела на земле убитого, это был Турбранд Сноррессон. Его поразил в голову плоский камень, меч лежал рядом с ним, и она его взяла, чтобы защищаться. Тут ее настигли туземцы. Тогда она выпростала груди из-под платья и пошла бить их мечом. Туземцы так напугались, что бегом бросились к лодкам и ушли на них.

Тут подоспел Карлсэвне со своими товарищами и похвалил ее за храбрость. Двое из его людей погибли, из туземцев четверо (X : много) было убито, но превосходство все равно было на стороне туземцев. И норманны вернулись к домам (X : и перевязали свои раны), дивясь, что за войско на них напало с суши. И они поняли, что сражались только с теми, кто пришел на лодках, а когда им другие почудились, так это был обман зрения.

Дальше было вот что. Туземцы нашли убитого, возле которого лежала секира. (X : Один из них взял секиру и срубил ею дерево, потом другие стали делать то же, и всем им понравилась эта штука, которая так хорошо рубила). Один из них ударил ею по камню, но секира треснула. Он решил, что в секире нет толку, если она не берет камень, и забросил ее.

Карлсэвне и его товарищи поняли, что хотя край богатый, из-за туземцев жить здесь всегда будет тревожно и беспокойно. Они решили возвращаться на родину. Поплыли на север и по пути увидели пятерых туземцев, которые спали (X : на берегу) в одеждах из шкур, и были у этих туземцев деревянные сосуды с костным мозгом, смешанным с кровью. Они подумали, что этих людей подослали к ним (как лазутчиков?), и убили их. Дальше им

попался мыс, где было множество зверя. Весь мыс был покрыт как бы коркой навоза, потому что звери лежали здесь зимой (X: ночью).

Затем Карлсэвне и его люди пришли в Страумфьорд (X: где в изобилии было все, в чем они нуждались). Иные говорят, будто Бьярне и Фрэйдис (X: Гюдрид) оставались здесь с сотней человек, дальше не ходили. А Карлсэвне и Снорре, дескать, взяли сорок человек и пошли на юг. Они провели в Хупе неполных два месяца и в то же лето вернулись.

Карлсэвне вышел на одном корабле искать Турхалла Охотника, а другие участники похода остались его ждать. Он пошел на север мимо Хьяларнеса, потом на запад, и земля была с левого борта. Здесь были только глухие леса (X: полян почти вовсе не было). Долго они плыли так, потом увидели реку, которая текла с востока на запад. Они вошли в устье реки и пристали к южному берегу.

Однажды утром Карлсэвне и его товарищи заметили за расчисткой какое-то пятно, что-то мелькало там, и они окликнули это пятно. Оно зашевелилось. Они увидели одноногого, он скачками спустился к ним на берег. Турвалд, сын Эйрика Рыжего, сидел на руле, и одноногий попал ему стрелой в живот. Он выдернул стрелу и сказал: «Жиром поросли мои внутренности в этой благодатной стране, которую мы нашли, да только мне от нее не будет больше радости». Вскоре Турвалд умер от раны.

Одноногий кинулся на север, Карлсэвне с товарищами преследовали его, а он то покажется, то пропадет. Под конец он сбежал вниз к какой-то реке и исчез. Карлсэвне и его товарищи повернули обратно*. Тут один из дружины сказал так:

Воины гнались,
Я правду говорю,
За одноногим
До самой реки.
Странное создание
Бегством спаслось,
В воде утонуло.
Слушай, Карлсэвне.

* Версия «Хауксбука» в частности отличается, но суть та же.

Они ушли оттуда и поплыли обратно на север. Говорили, что то была Страна Одноногов. Они не хотели больше терять людей.

Они задумали исследовать все горы, и возле Хупа, и те, которые открыли теперь. (X: Они считали, что горы у Хупа и те, которые теперь открыли, это один хребет, а значит места эти лежат близко друг к другу и расстояние от Страумфьорда в обе стороны одинаковое).

Они поплыли обратно и провели третью зиму в Страумфьорде. Мужчины сильно враждовали (X: из-за женщин). Холостяки ходили за замужними женщинами (X: это привело к раздорам). Снорре, сын Карлсэвне, родился там в первую осень (X: и ему было три года, когда они ушли).

Дул южный ветер (X: когда они отплыли из Винланда) и они пришли в Маркланд. Здесь они увидели пятерых туземцев: бородатого мужчину, двух женщин и двух детей. Мальчиков Карлсэвне поймал, но остальные исчезли словно сквозь землю провалились. Они взяли обоих мальчиков с собой, обучили своему языку и окрестили. Те рассказали, что их мать зовут Ветильди, а отца Увеги, что страной скрелингов правят короли, одного зовут Авалдамун, другого — Авалдида. А домов у них нет, люди живут в норах и пещерах. По ту сторону, как раз напротив их страны, есть страна, где люди ходят в белых одеждах, с палками и флагами в руках и громко кричат. Говорят, будто бы это Витманналанд*, то есть Великая Ирландия.

Наконец, они пришли в Гренландию и зиму провели у Эйрика Рыжего.

* Связь с легендарными рассказами об Ари Морссоне в исландском «Ландномабуке» и о Бьярне в «Эйрбюггья-саге».

НАВИГАЦИОННЫЕ ОПИСАНИЯ И ОПИСАНИЯ ЗЕМЕЛЬ В САГАХ

Плавание Бьярне

Рассказ саги о походе Бьярне лаконичен, как судовой журнал, и кажется вполне достоверным. Впечатление это усиливается тем, что современники не считают это плавание подвигом, они корят Бьярне за то, что он не исследовал новые земли, которые видел с моря. Бьярне предстает перед нами, как рядовой моряк, который сбился с пути и думал лишь о месте назначения.

Бьярне приплыл из Норвегии в Исландию и здесь узнал, что его отец ушел в Гренландию и обосновался там. Хотя Бьярне никогда не ходил в Гренландском море, он отправился искать усадьбу отца. Его настиг туман и северный ветер, и он много суток блуждал наугад.

Наконец Бьярне увидел незнакомый берег *без гор, поросший лесом, с низкими увалами*. Это описание отлично подходит к северному побережью Ньюфаундленда. Получается, что его отнесло на юг от Гренландии примерно на девять градусов по широте, и он прошел около 1350 морских миль от Эйрар в Исландии. Бьярне не захотел сойти на сушу, а оставил землю слева за бортом и повернул от берега. Они шли еще *двое суток* и увидели новую землю, *плоскую и покрытую лесом*, но Бьярне и тут не стал подходить к берегу. Район, где он теперь очутился, хорошо привязывается к области мыса Дикобраз на Лабрадоре. Здесь очень ровный рельеф и лес подступает к самому морю. Заметим также, что от северного берега Ньюфаундленда до этих мест около двухсот морских миль и на этот путь ушло бы примерно двое суток.

Затем они шли *трое суток* с попутным юго-западным ветром и увидели новую землю — гористую, с ледниками.

Земля оказалась островом. Возможно, речь идет о Локс-Ленде, лежащем по соседству с могучими ледниками Баффиновой Земли, или же об острове Резольюшен. От мыса Дикобраз до Локс-Ленда пятьсот морских миль, это расстояние вполне можно было пройти за трое суток.

И опять Бьярне не подходит к берегу, а плывет, увлекаемый сильным ветром, *четверо суток*, пока не достигает отцовской усадьбы Херьулфснес на юге Гренландии. От Локс-Ленда сюда около пятисот семидесяти миль, то есть примерно четверо суток хода.

Всего Бьярне шел от земли, которую увидел первой, девять суток. Если принять среднюю скорость сто пятьдесят миль в сутки, получается около 1350 миль. Предположим, что он шел по маршруту: северный берег Ньюфаундленда — мыс Дикобраз — Локс-Ленд — южная часть Аустербюгдена. Этот путь по карте равен примерно 1300 милям. Разница в расстоянии настолько мала, что мы вправе говорить об удивительном совпадении.

Плавание Лейва Эйрикссона

Поход Лейва Эйрикссона описан в двух сагах совсем по-разному. Скажем сначала о тех строчках, которые отводит великому открытию Лейва «Сага об Эйрике Рыжем». В ней только и говорится, что, возвращаясь из Трондхейма, от Улава Трюгвессона, в Гренландию, он долго скитался по морю и нашел новую землю, где росла дикая пшеница, винное дерево и деревья, называющиеся масур. В том же году он добрался до Гренландии, причем по пути спас людей, потерпевших кораблекрушение.

Мы видим сухое, сжатое сообщение, совсем не то, что подробный рассказ в «Саге о Гренландии», где, кроме того, говорится о наблюдении солнца, правдоподобность чего никто не оспаривает.

Версия «Саги об Эйрике Рыжем» отдает вымыслом. Возможно, изобразить Лейва миссионером понадобилось для того, чтобы укрепить престиж церкви. И вот король поручает ему обратить гренландцев в христианскую веру. Могло случиться и так, что подробности плавания Лейва постепенно стали для исландских сказителей менее интересными, чем рассказ о подвигах Карлсэвне.

В «Саге о Гренландии» плавание Лейва Эйрикссона — хорошо подготовленная исследовательская экспедиция. И руководит Лейвом естественный стимул: он, как это часто бывало, когда совершались большие географические открытия, примерно знает, где искать. Лейв использовал опыт Бьярне. Он купил его корабль и с командой в тридцать пять человек отплыл к новым землям. Он пошел путем Бьярне, но в *обратном направлении*, то есть начал с северной земли, которую Бьярне наблюдал последней.

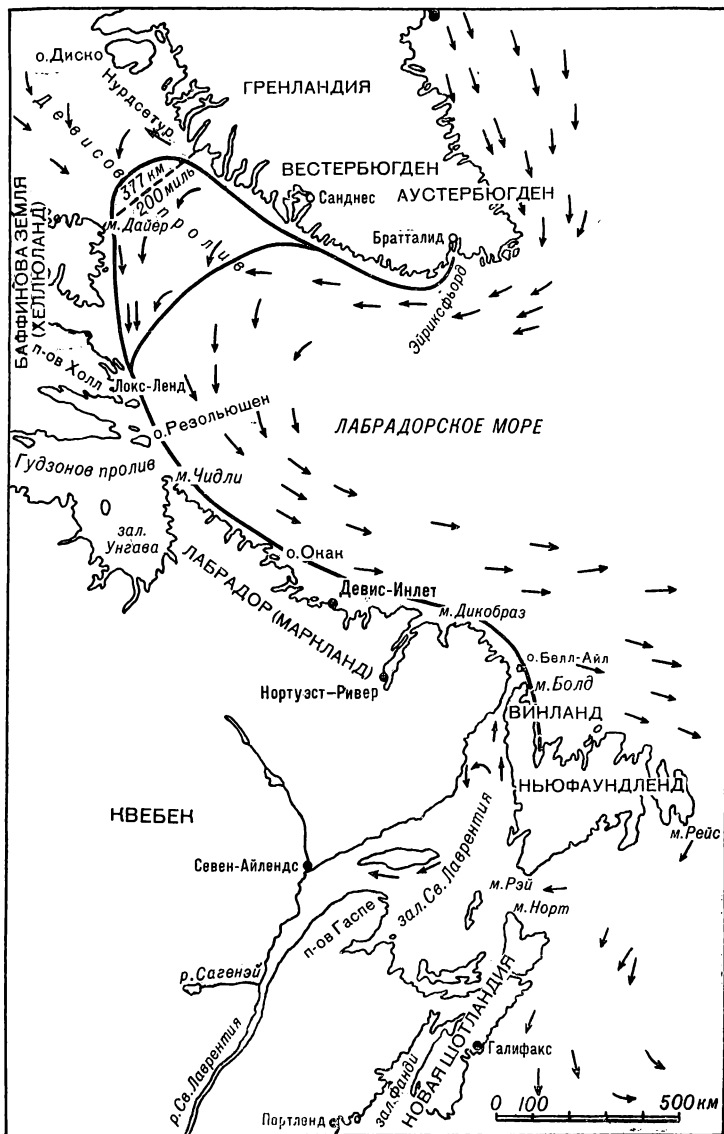
В этом краю травы не было, он увидел большие ледники, а между ними и морем — сплошной камень. И Лейв назвал землю *Хеллюланд*; вероятно, он подходил к южному берегу Баффиновой Земли.

Затем они пошли дальше и нашли *вторую страну*. Она была плоская, лесистая, с белыми песчаными берегами и обширными отмелями. Он дал ей имя *Маркланд* (лесная страна). Здесь все совпадает с описанием Бьярне, есть добавление о длинных ровных берегах. Это место вполне согласуется с описанием длинных берегов (Фюрдюстрендер) и Хельнесет в рассказе о Турфинне Карлсэвне. В. А. Манн²⁶ и В. Таннер²⁷ первыми указали, что таких берегов, как у мыса Дикобраз, нет больше нигде в Лабрадорском приморье; я и сам в этом убедился. Можно предположить, что сюда-то и подошел Лейв, тем более, что эти светлые берега видны издалека.

По сведениям, приведенным в этой саге, можно точнее определить расстояние до *третьей страны*, чем по описанию похода Бьярне. Дальше в саге говорится, что они пошли с северо-восточным ветром и через *двое суток* увидели землю. Как уже известно, от длинных берегов у мыса Дикобраз до Ньюфаундленда около двухсот миль; на этот путь требовалось примерно двое суток.

Затем Лейв подошел к острову, лежащему к северу от большой земли. Возможно, это был Грейт-Сакред-Айленд, а может быть Белл-Айл; и тот, и другой — хорошие ориентиры. Мы узнаем также про мыс, протянувшийся на север, про большие отмели там, где причалил корабль, про растительность — траву и лес. Позднее я покажу, как это описание подходит к Ланс-о-Мидоузу, где найдены остатки древнего жилья.

Только одно место в этой саге настораживает. Это сообщение о хупе — озере с рекой, куда они вошли в прилив. Ведь в «Саге об Эйрике Рыжем», в рассказе о вылазке

Предполагаемый маршрут (сплошная линия), которым Лейв Эйрикссон и другие винландцы ходили из норманнских поселений Гренландии в Винланд.

Карлсэвне на юг, есть точно такая же картинка. Трудно поверить, чтобы две экспедиции в разных областях Северной Америки встретили одинаковую обстановку и действовали совершенно одинаково. Многие говорят за то, что сообщение о хупе могло быть заимствовано из «Саги об Эйрике Рыжем».

Расстояние, вычисленное от точного ориентира, и все описание в целом позволяют привязать Винланд к северному берегу Ньюфаундленда, который, очевидно, и был *третьей* страной. Здесь Лейв и его товарищи снесли на берег кожаные мешки и устроили временное жилье, потом решили зимовать и построили *большие* дома. Лейв дал стране имя, отражающее ее природные богатства, назвал ее Винланд.

Поход Турвалда Эйрикссона

Я уже говорил, что в «Саге об Эйрике Рыжем» в числе участников экспедиции Карлсэвне упоминается Турвалд. Но в этом повествовании столько неправдоподобного, что более достоверным надо считать трезвый рассказ «Саги о Гренландии» о самостоятельном походе Турвалда.

Мы читаем, что его брат, Лейв Эйрикссон, одолжил ему свой корабль и посоветовал взять с собой тридцать человек. О первой части плавания, до домов Лейва в Винланде, как говорится в саге, рассказывать особенно нечего. Это примечательно: путь до северного побережья Ньюфаундленда и в самом деле прост, его можно описать в нескольких словах. К тому же с Турвалдом, наверно, шли «лоцманами» люди из команды Лейва.

Это был первый поход для занятия земли, ибо очевидно, что Турвалд целеустремленно исследовал край, задумав там обосноваться.

В первый год они разведали побережье в западном направлении. Увидели красивый лесной край и множество островов, причем море вдоль берегов было очень мелкое. Это описание вполне соответствует северному побережью Ньюфаундленда.

На следующее лето Турвалд на большом корабле пошел на восток вдоль северной окраины. Возле одного мыса их настиг крепкий ветер, они повредили киль, и пришлось заняться починкой. Мыс назвали Хельнесет. В рас-

сказе о плавании Карлсэвне тоже есть Хёльнес, но он расположен совсем в другом месте: у длинных берегов Марк-ланда, в двух сутках пути к северу. Вероятно, здесь произошло смешение, но нельзя исключать возможности, что два разных мыса были названы одинаково, так как оба напоминали киль корабля. Во всяком случае, тем курсом, которым, согласно саге, шел Турвалд, к Лабрадору на севере выйти нельзя.

Можно предположить, что северная окраина — это Кейп-Болд, самый северный хребет на Ньюфаундленде. Дальше говорится, что они обогнули страну с востока. Это можно истолковать так: Турвалд плыл вдоль восточного побережья, потом завернул в устье фьорда и пристал у мыса. Кругом был лес. Они сошли на берег, и тут землепроходец нашел то, что искал, и сказал: «Здесь хорошо, здесь я бы поселился».

Затем он встречает туземцев и завязывается бой. Турвалда поражает стрела, и его хоронят на мысе Корснесет. Экспедиция проводит еще одну зиму в домах Лейва. Насколько известно, Турвалд — первый европеец, встретивший коренных жителей Северной Америки.

Плавание Турфинна Карлсэвне

Если остальные исследователи Винланда были гренландцами, то Турфинн Карлсэвне был из Исландии. Сага сообщает, что он был знатного рода, богат и хороший моряк.

Дальше я буду в основном держаться «Саги об Эйрике Рыжем», изредка привлекая материал «Саги о Гренландии», которая во многом излагает события иначе.

Как показал Гэйтэрн-Харди²⁸, Турфинн Карлсэвне вышел из Братталида, вероятно, около 1020 г. У него было три корабля и сто шестьдесят человек, в том числе женщины, и среди них его жена Гюдрид (по «Саге о Гренландии», шестьдесят человек и пять женщин). Кроме того, они везли скот. Многие участники похода были гренландцы. Перед отрядом стояла смелая цель: учредить в новой стране норманнскую колонию.

Экспедиция сперва двинулась на север, в Вестербюгден, оттуда на Бьярнэй; что это за остров, точно установить

нельзя. При северном ветре они, очевидно, пересекли Девисов пролив и подошли к Баффиновой Земле. Переход длился двое суток, это вполне реально. Вряд ли экспедиция попала в то самое место, которого достигли Бьярне и Лейв, но это не так важно. Там, куда прибыл Карлсэвне, он нашел белых песцов и большие каменные плиты; он назвал этот край *Хеллюланд*.

При северном ветре они шли еще двое суток и увидели страну, где были большие леса и много зверя. Это мог быть только Лабрадор, причем скорее всего его северная часть; граница леса проходит около 57° северной широты. Звери, о которых идет речь, наверно, дикие олени. Карлсэвне назвал эту страну *Маркланд*.

Они плыли еще двое суток, достигли мыса, который называли *Хельнесет*, и песчаных берегов, которые называли *Фюрдюстрендер*, потому что они простирались очень далеко. Как уже говорилось, такие же берега описаны в рассказе о Лейве Эйрикссоне; можно поручиться, что подразумеваются протянувшиеся почти на шестьдесят километров песчаные берега южнее залива Гамильтон. Здесь далеко в море выдается мыс *Дикобраз*. Он напоминает опрокинутую лодку, и название *Хельнесет* к нему хорошо подходит.

Плавание продолжалось; очевидно, они шли на юг. Описание становится менее понятным. Особенно сбивает с толку сказочный сюжет о Хаке и его жене Хекье, которые находят виноград и дикую пшеницу. Дальше нам коротко сообщают, что Карлсэвне зашел в фьрд, который назвал *Страумфьрд*, и обосновался там. Что это за место?

Заметим, что когда корабли плыли мимо Лабрадора на юг, северную часть Ньюфаундленда было видно издали, она находилась, так сказать, прямо по курсу. Вероятно, мореплаватели избрали для стоянки место на северном берегу Ньюфаундленда в начале пролива *Белл-Айл*, из которого далеко выходит сильное течение. Найденный ими остров у большой земли мог быть островом *Сакред-Айленд* или *Белл-Айл*. Правда, сведения о горах, как будто, не подходят, но может быть они заметили высящуюся на юге гору *Уайт-Маунтин*. Слова о густом травостое можно отнести к северному побережью Ньюфаундленда, но не к суровому Лабрадору.

Описание холодной зимы и трудностей, перенесенных экспедицией (отчасти потому, что не была налажена охота

и рыбная ловля впрок*), тоже указывает на какой-то северный край. И мы видим, что тут не было винограда. Недаром Карлсэвне на следующий год отправился в дальнюю разведку на юг; в этом не было бы смысла, если бы он уже достиг теплых плодородных краев. Интересно сообщение о том, что он обогнул страну с востока и направился на юг. Эти слова звучали бы нелепо, если допустить, что он обогнул Лабрадоре. Очень примечательно его утверждение, что южнее страна будет *шире*. Выходит, Карлсэвне остановился в районе, где площадь невелика, а это вполне приложимо к северной части Ньюфаундленда, которая заканчивается длинным узким полуостровом. Часть побережья, обращенную к северу, он мог здесь обойти меньше чем за полдня.

В «Саге о Гренландии» Карлсэвне просит Лейва уступить ему дома в Винланде. Лейв разрешает пользоваться ими. И определенно сказано, что экспедиция Карлсэвне поселилась в домах Лейва. Странно, что в «Саге об Эйрике Рыжем» вовсе не упоминается о строительстве домов, хотя, наверно, расселить сто шестьдесят человек было серьезным делом.

«Сага о Гренландии» сообщает, что все экспедиции в Винланд останавливались в домах Лейва. А ведь когда Карлсэвне только с частью команды пошел в разведку на юг, жилье было не столь важно; и тем не менее мы читаем, что они построили дома, в саге рассказано даже, где эти дома стояли.

Может быть, тут виной тому соперничество, из-за которого исландские потомки Карлсэвне решили, что совсем не обязательно подчеркивать в саге, что он жил в домах первооткрывателя Винланда?

Все свидетельствует о том, что Карлсэвне остановился в домах Лейва на северном берегу Ньюфаундленда. Потом я подробнее расскажу, как мы в Ланс-о-Мидоузе, где были найдены остатки древнего жилья, нашли стеатитовое пряслице норманнского вида. Значит, там жили женщины; но мы знаем, что женщины участвовали в экспедициях Карлсэвне и Фрэйдис, а в отрядах Лейва и Турвалда их не было.

* В саге есть много такого, что заставляет критически смотреть на то, как руководили экспедицией: запасов на зиму не сделали, экспедиция разделилась и Турхалл ушел, и в конце концов начались стычки между участниками.

У нас нет навигационных описаний, которые помогли бы географически привязать плавание Карлсэвне с базы на юг. Как уже говорилось, он обогнул землю с востока и повернул на юг; очевидно, он шел вдоль восточного берега Ньюфаундленда. Сага сообщает, что в прилив он провел корабль по реке в озеро (хуп) и здесь построил себе дома, но таких мест на побережье Северной Америки много.

Приходится согласиться с А. В. Брёггером, что в поведении о Карлсэвне явно смешались разные источники, что в ней много путаных и противоречивых сведений. Так, мы читаем, что Турхалл Охотник решил возвращаться на север мимо Фюрдюстрендене и Хельнесет, чтобы там искать Винланд. Но это значит, что он предпринял двухдневное плавание северным курсом вдоль знакомых ему суровых и холодных берегов Лабрадора, где, как он знал, и травы-то стоящей не было. Столь же маловероятно, чтобы Карлсэвне направился по этому пути искать Турхалла через год. Увлекаясь филологическими исследованиями, нельзя забывать, что речь идет о людях опытных и деловитых, их прежде всего занимали богатства страны. В повествовании есть и другие маловероятные особенности. Таков эпизод с одноногим, убившим Турвалда выстрелом из лука; а в уста Турвалда вложены слова, явно заимствованные из рассказа о Турмуде Колбрюнаскалде в «Саге об Улаве Святом». Далее, «Хауксбук» сообщает, что горы в том краю вроде были те же, что у хупа, к которому Карлсэвне пришел, когда ходил с базы на юг. Нет никакого смысла и в том, что Карлсэвне после столкновения с одноногим, чтобы попасть в Страумфьорд, плывет обратно на север.

Главное, однако, что в основном саги сообщают как будто достоверные приметы. Они указывают на северное побережье Ньюфаундленда.

Плавание Фрэйдис

Один эпизод, связанный с Фрэйдис, вплетен в рассказ «Саги об Эйрике Рыжем» о Турфинне Карлсэвне. Это, вероятно, объясняется тем, что исландские сказители постепенно привлекали материал из других источников. Поэтому предпочтение следует отдать рассказу о Фрэйдис в «Саге о Гренландии». Там она предпринимает свою собственную

экспедицию вместе с Хельге и Финнбуге — братьями, пришедшими из Норвегии на своем корабле. И в Винланд вышли два корабля, на которых было шестьдесят пять человек, не считая женщин.

В повести о Фрэйдис много страшного. Видно, опасная была женщина, но такие и впрямь жили во времена викингов. Фрэйдис хочет поменяться кораблями с Хельге и Финнбуге, это приводит к раздорам, а кончается тем, что братьев и их людей убивают, не щадя даже женщин. Кровавые эпизоды во время экспедиций в дальние края часто дают повод для преувеличений. Естественно допустить, что в рассказе о Фрэйдис заложено фактическое зерно, которое для сказителей было чрезвычайно соблазнительным.

В центре этого рассказа — раздоры. Навигационного описания нет, о землях ничего не сказано, мы узнаем лишь, что экспедиция достигла домов Лейва и обосновалась там. И снова создается впечатление, что путь до Винланда был известен в те времена.

Если посмотреть навигационные описания и описания земель в различных сагах, то поражает их сходство во многом и соответствие действительности.

Плаванья совершались в три страны, очевидно, разделенные морем: *Хеллюланд*, *Маркланд* и *Винланд*. Все переходы настолько непродолжительны, что трудно представить себе что-нибудь кроме Баффиновой Земли, Лабрадора и северной части Ньюфаундленда. Пожалуй, особенно замечательно, что расстояние, вычисленное по сообщениям в сагах о длительности переходов, совпадает с измеренным по современной карте. Это прежде всего относится к плаванью Лейва Эйрикссона от длинных берегов (побережье у мыса Дикобраз) до Винланда.

Сопоставим все это с разрозненными данными в других источниках. Например, в древних исландских землеописаниях говорится, что от Маркланда недалеко до Винланда. Стоит также отметить, что Адам Бременский называет Винланд островом, и что остров Ньюфаундленд — будто простертая в море рука; идущие с севера корабли просто не могли его миновать.

Таким образом, навигационные описания и описания земель позволяют заключить, что норманны обосновались на северном берегу Ньюфаундленда и именно эта область была Винландом.

ОТ ВИНОГРАДА ДО СКРЕЛИНГОВ

Можно ли по другим сведениям в сагах определить, где находился Винланд? Указывают ли они, как и навигационные описания и описания земель, на то, что Винланд мог быть северной частью Ньюфаундленда, или противоречат такому толкованию?

Виноград и Винланд

На восточном побережье Северной Америки граница дикого винограда проходит примерно по 42° северной широты, то есть в Массачусетсе. В глубине материка она несколько поднимается к северу. Если норманны у своей базы в Винланде находили виноград, значит, они проходили не меньше двух тысяч морских миль от Баффиновой Земли, но такое плавание заняло бы недели две, если не больше. В этом случае мы должны были бы сразу отвергнуть все данные саг о коротких переходах, отвергнуть ту информацию, которую естественно считать основной в отчетах мореплавателей.

О винограде саги сообщают чрезвычайно странные вещи.

В разделе, посвященном экспедиции Лейва Эйрикссона, «Сага о Гренландии» рассказывает об одном участнике, который на какое-то время пропадает, потом возвращается захмелевший, будто бы от съеденного винограда. Этот человек, непохожий внешностью на других, говорит, что нашел винное дерево и виноград, и добавляет: «Это правда, потому что я родился в таких местах, где вдоволь и вин-

ного дерева и винограда». Мы читаем также, что его зовут Турок и что он не норманн, а родился на юге. Так и кажется, что этот южанин нужен как доказательство, ибо норманн не опознал бы виноград.

Дальше Лейв говорит: «Будем собирать виноград и рубить винное дерево и другой лес, чтобы было чем загрузить корабль». Сообщается, что виноградом доверху нагроузили лодку.

В рассказе о походе Турвалда («Сага о Гренландии») тоже говорится, что участники экспедиции собирали виноград и рубили винное дерево. Происходит это зимой.

К экспедиции Карлсэвне («Сага об Эйрике Рыжем») привязан удивительный рассказ о быстроногих шотландцах Хаке и Хекья, которые отправляются на разведку в глубь страны и через три дня возвращаются, неся виноград и дикую пшеницу. И здесь для опознания винограда потребовалось привлечь иноземцев. Причем его находят еще по пути на базу, судя по описанию, на холодном Лабрадоре, задолго до Страумфьорда, где винограда нет. Этот сюжет больше чем какой-либо другой похож на сказку.

В Страумфьорде Турхалл жалуется, что нет вина, и уходит. Но когда Карлсэвне, завершив экспедицию, отплывает в Гренландию, «Хауксбук» сообщает, что «они вышли из Винланда».

О разведочной вылазке Карлсэвне на юг до хупа говорится: «Они нашли поля дикой пшеницы в низинах, а по возвышенностям всюду росло винное дерево».

Странные сведения саг о винограде сами себя квалифицируют. Особенно красноречива рубка винного дерева. Критический разбор может привести только к одному выводу: тот, кто ввел в саги виноград, явно не представлял себе ни виноград, ни винное дерево. Но чем же все-таки объяснить, что виноград занял в сагах такое видное место?

Прежде всего, нельзя забывать о народных представлениях в старину о винограде, вине и дикой пшенице. Это были символы богатств новых стран, они сильно действовали на воображение народа. Примеров тому множество со времен «Книги Моисея». Фритьоф Нансен²⁹ подчеркивал это и указывал на повесть о счастливых островах Исидора (*Insulae Fortunatae*), где росли, в частности, дикий виноград и дикая пшеница. В ирландских легендах о заморских походах видную роль играет виноград, и люди, как Турок в саге, хмелеют, поев ягод. Самая знаменитая из

этих легенд — «Навигацио Санкти Брандани»³⁰, повесть о семилетнем плавании за море святого Брандануса, искавшего обетованную землю. Мы читаем в ней о счастливом острове с густыми лесами из винных деревьев. Покидая его, путники, как и Лейв Эйрикссон, нагрузили лодку виноградом.

Когда читаешь отчеты о первых путешествиях в Северную Америку, бросается в глаза, как преувеличивалось плодородие страны; виноград упоминают и там, где он есть, и там, где его быть не могло. Интересно, что в книге Вильяма Александра³¹ о Новой Шотландии (1624 г.) говорится о красных винных ягодах — вероятно, красной смородине или калине; винограда здесь не могло быть. Примечательно, что Никола Дени³², повествуя в 1672 г. о французской колонии в Канаде, сетовал на склонность людей плохо судить о новой стране, если в ней нет винограда для производства вина.

Такие вещи могли способствовать тому, что в сагах появились и виноград, и вино. Но вряд ли это объясняет все. Есть основания полагать, что в основе рассказов о винограде лежат и фактические данные.

Возьмем стих Турхалла Охотника в «Саге Эйрика Рыжего», явно составляющий один из ее исконных элементов. Турхалл жалуется, что ему сулили чудесный напиток, однако губам его не пришлось отведать вина. Простые, лишённые всяких гипербол слова звучат вполне достоверно. Но ведь о винограде ничего не говорится, Турхалл мог подразумевать вино из диких ягод.

Позже я скажу о множестве диких ягод, растущих на севере Ньюфаундленда, в частности по соседству с древним поселением в Ланс-о-Мидоузе. Винландцы могли готовить вино из красного крыжовника, из калины*, растущей гроздьями на кустах, из красной смородины и других диких ягод. Характерно, что в этих местах (и мы видим, как это отвечает рассказу о Турхалле) летом климат неровный, год на год не похож. Поэтому в одном году ягод может быть видимо-невидимо, в другом их почти не бывает.

* Вероятно, *Viburnum Pauciflorum*. Это вкусные красные ягоды, крупнее красной смородины. Их очень много на Ньюфаундленде, там из них делают вино. Они содержат валерьяновую кислоту, особенно хороши замороженные.

Естественно предположить, что на родине норманнов, в Норвегии, умели делать вино из диких ягод*. Известно, что во времена викингов алкогольные напитки были известны. Викинги пили брагу (из меда) и пиво; значит, они хорошо знали процесс сбраживания. Странно было бы, если бы они не использовали ягоды, которые в изобилии росли вокруг их дворов; тем более что не везде было легко достать сырье для браги и пива.

Источники XIII в. сообщают, что король Сверре³³ предлагал употреблять вино из диких ягод для причастия, но папа Григорий IX не разрешил. Вряд ли виноделие появилось только при короле Сверре; наверно, вино умели готовить и раньше.

Норманны, заселившие Исландию и Гренландию, вероятно, знали нехитрый процесс сбраживания. Кстати, Эйрик Рыжий (и, возможно, другие гренландцы) родился в Норвегии, а Лейв Эйрикссон провел там год.

Если винландцы в новой стране делали вино из диких ягод, они, конечно, рассказывали о столь интересном факте, тем более что многие ягоды были неизвестны в Гренландии и Исландии, где есть только черника, вороника и голубика. Такие вещи не могли не запомниться.

Из рода в род передавались саги о походах в Винланд, передавался и стих Турхалла, где говорится о вине, но не говорится, из чего его готовили. В более поздние времена сказители, до которых не дошли подробности этих походов, решили, что вино в незнакомом краю делали из винограда. Они не намеренно искажали истину, и разве не могло случиться, что через двести лет сказители, не знавшие винограда, добавили к увлекательному фольклорному сюжету свое объяснение, которое считали достоверным. Сыграли роль и ходившие в Европе заманчивые рассказы о винограде. Так по недоразумению искаженный рассказ приобрел устойчивую формулу и затем вошел в рукописи.

Кстати, Винланд можно поместить на севере и в том случае, если предположить, что винландцы делали вино из ягод, которые они *приняли* за виноград, например из калины, или же из ягод, которые они называли винными;

* В. Таннер сообщает, что индейцы насапи на севере Лабрадора тоже умели готовить хмельные напитки из диких ягод. «Акта Географика», Гельсингфорс, 1914, стр. 675.

ведь называют же красную смородину винной ягодой в Трёнделаге (Норвегия) и в Швеции, и wine-berries на севере Англии и Шотландии.

Некоторые исследователи в подтверждение того, что речь идет о винограде, указывают, что в рукописях написано «vínberg», то есть виноград. Но это значит всего-навсего, что переписчики писали так, как им казалось правильным. Откуда им было знать, что тут вкралась ошибка, что первоначально речь шла о диких ягодах и приготавливаемом из них вине. Если говорить о названии «Винланд», то исландские рукописи, исключая «Флатэйрбук», написанный уже около 1380 г., вовсе не толкуют его как «страна винограда». Ведь тогда следовало бы писать долгое «и» в слове Vínland, а мы видим короткое — Vinland, что можно перевести как Страна трав. Называет же Снорре Данию в «Хеймскрингле» Винэй.

У нас есть и еще один важный источник: хроника немца Адама Бременского, датируемая примерно 1070 г. (см. стр. 31). В ней мы читаем:

«Кроме того он упомянул еще один остров, который многие находили в этом океане и который называют «Винланд», потому что там растет дикий виноград и дает он наилучшее вино. Много там и дикой пшеницы, и это нам известно не из преданий, а по достоверным рассказам датчан... За этим островом, — говорит он, — в океане нет земель, пригодных для обитания; дальше идет сплошной лед и густой туман. Вот что говорит Марцианус: «В одном дне плавания за Туле море смыкается». В этом убедился король норвежцев, многоопытный Харалд Хардродде. Когда он задумал изведать на кораблях протяженность Северного океана, перед бездной на краю света его встретил такой туман, что он едва ушел живым от этой страшной бездны, взяв обратный курс».

Какой вес придавать словам о винограде в этом источнике? Во-первых, нужно сказать, что хроника Адама Бременского во многом недостоверна. Во-вторых, возможно, в Европу дошел слух, что Лейв Эйрикссон и другие делали вино в новой стране. И естественно было предполагать, что вино приготавливалось из винограда, а не из диких ягод.

Между прочим, в его же хронике есть место, опровергающее слова о винограде. Мы читаем, что за недавно открытым островом нет в океане земель, пригодных для оби-

тания; дальше идет сплошной лед и густой туман. Это относится и к Ньюфаундленду. Ньюфаундленд в самом деле остров, и к северу от него дрейфующие льды и густой туман над морем — типичное явление в тех краях. Если считать сообщение Адама Бременского о винограде правильным, то искать его остров надо гораздо южнее, в области распространения дикого винограда, к югу от 42° северной широты. Теперь представьте себе такие области, как Масachuset, Род-Айленд, Нью-Йорк и Флорида, — к ним описание Адама Бременского никак не подходит. Странно было бы изображать этот плодородный край, эти берега с богатой растительностью как полярную область с туманом и льдами.

Все это дает нам право не поверить Адаму Бременскому, когда он объясняет происхождение названия «Винланд». Тем более что его толкование других названий и фактов так же малоубедительно. Название «Гренландия» он объясняет тем, что у жителей страны синие-зеленые лица, «Квенланд» у него — страна женщин (квинне — женщина), слово «гунн» он производит от собаки (хунд) и так далее.

Чтобы понять происхождение названия «Винланд», важно учитывать образ жизни норманнов. Попробуем представить, чем стали бы руководствоваться норманны, давая имя новой стране. Речь идет о людях с практическим складом ума, об уроженцах сурового северного края, где надо упорно трудиться, чтобы жить. Главными занятиями норманнов были скотоводство, охота и рыбная ловля. Продукты, получаемые от скота, — молоко, мясо, шерсть — занимали центральное место в их жизни. И когда открывали новую страну, естественно было дать ей имя, говорящее о ее природных богатствах.

Вот немаловажные примеры, когда этот принцип соблюдался: Гренландия (Зеленая страна), Хеллюланд (бесплодная страна с каменными плитами), Маркланд (Лесная страна). И мы видим из саг, как важен был для винландцев травостой в новых землях; они все время думали о пастбищах для скота.

Это хорошо согласуется с толкованием слова «Винланд», которое дает шведский языковед Свен Сёдерберг³⁴. Он считает, что слог «вин» означает не виноград, что это древнее норманское слово, обозначавшее луга или пастбища, как, например, в названиях Винос, Винье.

Возражают, что слог «вин» в значении «луг», «травостой» вышло из употребления в Скандинавии еще до эпохи викингов. Однако такой авторитетный исследователь, как Магнус Ульсен³⁵ считает, что нет никаких оснований проводить временную границу. И он приводит слово «Винэй», которым сказитель Браге Старый в X в. называл Данию и которое есть в «Хеймскрингле» Снорре (около 1330 г.).

В Норвегии слово «вин» часто встречается в географических названиях: Виньяр, Винос, Хувин, Бьёргвин и так далее. То же можно сказать про Шетландские острова, где «вин» обычно составляет первый слог слов, обозначающих географическое название; и в Швеции есть области, где «вин» входит в местные названия. На Фарерских островах и в Исландии слога «вин» в топонимии нет. Сёдерберг полагает, что там просто не было мест, целиком отвечающих географическому понятию «вин» (могли сыграть роль и социальные условия). Но это не означает, что слово вовсе исчезло из языка.

Здесь стоит также напомнить, что отец Лейва Эйриксона, Эйрик Рыжий, был выходцем из Ярена в юго-западной Норвегии, где, как показал Магнус Ульсен, довольно много названий, включающих в себя слог «вин». Зная, как древние знатные роды дорожили традицией, мы вправе предполагать, что названия, связанные с вотчиной, не предавались забвению.

Между прочим, Сёдерберг считает, что Адам Бременский услышал название «Винланд» в Дании, но, не зная его смысла, дал толкование, естественное для немца.

Как уже говорилось в рассказе о походе Карлсэвне, край возле Страумфьорда, где находилась его база, называется Винланд, хотя совершенно ясно, что речь идет о северной области, где никакого винограда не было.

Примечательно также, что *нигде в сагах о Винланде и ни в каких других исландских источниках название «Винланд» не связывается с виноградом.* О Лейве Эйрикссоне «Сага о Гренландии» говорит: «Лейв дал стране имя, связанное с ее природными богатствами, назвал ее Винланд».

В тексте на исландской «Сколхолтской карте» (см. стр. 88; датируется примерно 1590 г.), видимо, основанной на древних источниках, читаем: «Здесь лежит Винланд, который за плодородие земли и другие блага назвали Винланд Благодатный».

Плодородные земли, хорошие пастбища, где норманны могли обосноваться со своим скотом, — вот что было важно.

Подведем итог. Норманны, ходившие в Винлад, вероятно, делали вино из диких ягод, которых на побережье Северной Америки очень много, притом разных видов. Рассказы об этом, да еще стих Турхалла могли привести к тому, что под влиянием древних сказаний про земли обетованные со временем в саги «попал» виноград. Далее, следует считать, что Свен Сёдерберг прав, объясняя происхождение слова «Винланд» от «пастбища». Таким образом, Винланд вполне мог находиться на севере Ньюфаундленда, на что указывают также навигационные описания и описания земель.

Дикая пшеница

В саге дикая пшеница упоминается одновременно с виноградом. Предполагалось, что речь идет о кукурузе или диком рисе, но американский ботаник М. Л. Фернолд³⁶ убедительно показал, почему оба эти растения отпадают. Напрашивается мысль о колосняке (*Elimus arenarius*), распространенном и на Лабрадоре, и на Ньюфаундленде. Он подчас занимает большие площади и издали напоминает хлебное поле, но его норманны знали хорошо, они даже делали из колосняка муку. Пожалуй, скорее всего ответ надо искать в том, что в древних сказах и богословских писаниях вино и пшеница часто стояли рядом. Недаром поздние исследователи Северной Америки «находили» вино и пшеницу там, где никакой пшеницы нет.

Наблюдение солнца

В тех главах «Саги о Гренландии», где речь идет о походе Лейва Эйрикссона в Винланд, приведены астрономические данные. Там сказано: «Сутки были ровнее, чем в Исландии и Гренландии. В день зимнего солнцестояния у солнца был эйктарстад и дагмоластад». Другими словами, в самый короткий день года солнце можно было

видеть над древними метками для обеда (около трех часов дня) и завтрака.

Достоверность этого примечательного сообщения всеми признана. У норманнов не было часов, они руководствовались положением солнца относительно гор, расселин, каменных башенок и прочих ориентиров, отвечавшим определенному времени дня, обычно трапезам.

Многие пытались определить координаты Винланда, исходя из этого наблюдения. Гюстав Сторм и Х. Геельмюйден³⁷ подошли к делу по-новому, они предположили, что эйктарстад обозначает не час, а определенную точку горизонта. Но что это за точка? Если установить это, астрономические расчеты помогли бы вычислить широту Винланда.

Исследователи опирались на обычаи норвежских крестьян, и особенно на два письменных источника. У Снорре в «Эдде» сказано: «Осень длится, начиная с осеннего равноденствия до тех пор, пока солнце не зайдет в эйктарстад». В исландском кодексе «Грогос» говорится: «Эйкт наступает, когда утсудрс этт делишь на три части и солнце прошло две трети, а одна осталась».

Но что такое «утсудрс этт»? Сторм и Геельмюйден заключают, что это — октант горизонта, в центре которого находится «утсудр», то есть юго-запад. «Эйкт» наступает, когда солнце прошло две трети этого октанта. Исходя из этого, Винланд, по рассказу о Лейве Эйрикссоне, находился на $49^{\circ}55'$ северной широты, то есть в северной части Ньюфаундленда. Позднее Алмар Несс³⁸ в своем превосходном труде пришел к тому, что «эйкт» соответствует азимуту 240° ; его расчеты привязывают Винланд к $36^{\circ}54'$ северной широты, то есть к Чесапикскому заливу.

Ранее исследователи тоже получали разные выводы: М. Вормшэльд считает, что Винланд был на 49° , К. К. Рафн и Финн Магнуссон — $41^{\circ}24'$, Т. Бюгге — $41^{\circ}22'$, Л. М. Тэрнер — $48^{\circ}75'$, Э. Тенгстрём — 31° , Я. Р. Холанд — около 42° , северной широты. Словом, расхождения немалые, северная граница Винланда проходит по самым различным точкам побережья, протянувшегося на тысячи километров от Джорджии до северной части Ньюфаундленда. Хотя теоретический подход некоторых исследователей правилен, вероятность ошибок велика, так как исходные данные получены не путем точных измерений, а основаны на народ-

ных примет. Ведь достаточно малейшей неровности горизонта, чтобы отклонение достигло нескольких градусов.

К тому же возможно, что наблюдение сделано не от домов Лейва, а в крайней южной точке, которую Лейв достиг во время разведок. Нам известен пример, когда наблюдение солнца в Гренландии было сделано в самой северной точке, достигнутой экспедицией³⁹, а не в колонии.

Итак, слишком рискованно полагаться на выкладки, основанные на примитивном наблюдении солнца, описанном в саге. Но само по себе это наблюдение очень важно как бесспорно достоверная деталь.

Туземцы — скрелинги

Турвалд первым встретил туземцев, и случилось это во время разведки на восток от домов Лейва. Он увидел три кожаные лодки, под каждой укрывалось по три человека. Норманны убили восьмерых, один ушел на своей лодке.

Кого они встретили — эскимосов или индейцев? Индейцы обычно делали лодки из бересты, поэтому упоминание о кожаной лодке*, как будто, указывает на эскимосов. Правда, сага записана через несколько сот лет после событий, и сказители могли использовать то, что они знали о лодках гренландских эскимосов. Три человека не могли уместиться под каяком. Другое дело женская лодка. Но ведь мы читаем, что один из уцелевших бежал на лодке, а в одиночку нельзя было быстро спустить на воду большую женскую лодку. Из старинных источников известно, что индейцы часто спали под своими берестяными каноэ. Но трое под одним каноэ — это многовато.

Турвалд увидел также на берегу в глубине фьорда какие-то бугры, которые принял за жилища. Возможно, речь идет об эскимосских домах из камня и дёрна. Потом завязался бой с туземцами, и он был ранен стрелой и погиб.

В рассказе о более раннем походе от домов Лейва на запад говорится, что люди Турвалда нашли деревянные

* Полагают, что тогда на Лабрадоре и Ньюфаундленде обитали дорсетские эскимосы, а у них каяк не известен.

вешала для сушки зерновых. Ясно, что речь идет не о хлебе, а о чем-то, что связано с бытом туземцев. Напрашивается мысль о составленных в пирамиду жердях от палаток индейцев.

Турфинн Карлсэвне тоже встретился с туземцами. По «Саге о Гренландии» первая встреча произошла в домах Лейва, по «Саге об Эйрике Рыжем» — у Хупа, во время вылазки на юг. В обоих случаях сообщается, что норманны торговали с туземцами, причем торговля эта описана очень правдоподобно. Туземцы предлагали шкурки белки, соболя (куницы) и всякие кожаные изделия. Это указывает на индейцев. Маловероятно, чтобы приморские жители — эскимосы охотились на куницу и белку вдали от моря.

И здесь мы читаем о кожаных лодках (о них я уже говорил выше). Сообщается, что туземцы, приближаясь на лодках, размахивали палками, в одном случае *по* солнцу, в другом — *против* солнца. Многие исследователи полагают, что палки были веслами, но это, как считает ГэйтэРН-Харди, не согласуется с текстом. Палки издавали стук, и Карлсэвне спросил, что это значит. Снорре Турбрандсон ответил: «Может быть, это мирный знак». Вряд ли опытные моряки не отличили бы весла от издающих необычный звук палок, явно предназначенных для чего-то другого.

Наконец завязался бой с туземцами. Здесь рассказывается, что туземцы надели на жердь большой иссиня-черный мяч и метнули в отряд Карлсэвне; когда мяч упал, раздался страшный звук. Г. Р. Скулкрафт⁴⁰ приводит очень сходное описание боевого оружия, применявшегося индейцами алгонкинами¹⁰².

Вот как описана внешность скрелингов: «Они были смуглые, некрасивые, волосы косматые, глаза большие, скулы широкие». Этих данных мало, чтобы определить племя туземцев. Но торговля шкурами типично лесных животных и описанное выше оружие позволяют предположить, что эти скрелинги были индейцами.

Идя от Хупа на север к базе у Страумфьорда, Карлсэвне застиг пятерых спящих скрелингов в кожаных кофтах. Он убил их и нашел деревянные сосуды, содержащие костный мозг, смешанный с кровью. Это достоверное сообщение, но оно не указывает на народность. Когда я жил среди индейцев Северной Канады, то узнал, что костный мозг и кровь — их любимое блюдо, и такое же блюдо я видел у эскимосов Аляски.

Возвращаясь из Страумфьорда в Гренландию, экспедиция Карлсэвне (очевидно, на Лабрадоре) встретила пятерых скрелингов; бородатого мужчину, двух женщин и двух мальчиков. Взрослые бежали, мальчиков взяли в плен и увезли с собой. Они назвали имена своих родителей (Ветильди и Увеги) и двух королей (Авалдамун и Авалдида) страны скрелингов (удовлетворительного лингвистического объяснения этих имен пока нет). Сага сообщает также, будто мальчики говорили о стране, где люди ходят в белых одеждах и носят белые флаги. Это можно отнести к области фантазии. Просто сказители пытались доказать, что легендарный Витманнланд существовал в самом деле (см. стр. 31).

Сообщение саг о скрелингах подтверждает, что винландцы встретили в Северной Америке туземцев. На побережье такой огромной протяженности им, наверно, попадались и эскимосы, и индейцы. Но вряд ли они различали их. Для них все были скрелингами, людьми со странной внешностью, людьми опасными.

На расселении туземцев в древние времена я подробнее остановлюсь дальше, а здесь скажу только, что, по данным последних археологических исследований, дорсетские эскимосы обитали и на берегах Ньюфаундленда, заходя довольно далеко на юг. В то же время индейцы летом, несомненно, откочевывали к тем самым берегам, на которых их встретили, когда Северная Америка была открыта вновь. Так что уж винландцы-то могли встретить на Ньюфаундленде и эскимосов, и индейцев.

Сведения о скрелингах свидетельствуют о достоверности саг, но плохо помогают представить, о каких именно областях идет речь.

ДРУГИЕ СЛЕДЫ. ПОСЛЕДУЮЩИЕ ПЛАВАНИЯ

До сих пор мы говорили об основных письменных источниках, повествующих о походах в Винланд. Эти источники указывают, что Винланд надо искать на северном побережье Ньюфаундленда. Но есть и другой интересный материал, о нем теперь пойдет речь.

Старые карты

Примерно 1590 г. датируется так называемая Сколхолтская карта⁴¹, начерченная исландцем Сигурдуром Стефаносоном. Оригинал утрачен, но сохранилась копия, сделанная епископом Турдом Турлакссоном в 1670 г. (см. стр. 88).

Большинство исследователей, подобно Гюставу Сторму⁴², считает, что эта карта, а также карта Ханса Поульсена Резена, о которой речь пойдет дальше, начерчены по описаниям, содержащимся в сагах, очень приблизительно и не представляют географической ценности. Но многое склоняет нас к другому предположению, и мы соглашаемся с Г. М. Гэйтэрном-Харди, что авторы карты знали некоторые области Северной Америки лучше, чем другие картографы того времени.

Не вдаваясь в детали, отметим, что на обеих картах в юго-западной части Гренландии показаны два фьорда, очевидно, подводющих к Аустербюгду и Вестербюгду. На карте Резена более северный залив назван «Вестербюгдофьорд», а более южный «Эриксфьорд», он находился в центре Аустербюгда. Это очень важно, потому что положение Аустербюгда потом было забыто и долгое время

считалось, что он находился на восточном побережье Гренландии. Очевидно, обе карты составлены по давней традиции.

На длинном мысу (внизу слева) написано: *Промонториум Винландиа* (*Promontorium Winlandiae*)¹⁰³. Невольно напрашивается сопоставление с сильно вытянутой, узкой северной оконечностью Ньюфаундленда. Правда, еще дальше на западе нанесен глубокий фьорд, но ведь и после повторного открытия этих земель прошло немало времени, прежде чем удалось выяснить, что Ньюфаундленд отделен от Лабрадора не фьордом, а проливом, который получил название Белл-Айл.

Карл Сёльвер⁴³ перечертил карту, привел ее в соответствие с координатной сеткой Меркатора и установил, что по современной морской карте древний путь до гренландских поселений, от Хернар в Норвегии до точки, расположенной чуть севернее южной оконечности Гренландии, равен 1373 морским милям; 1373 мили получается и по Сколхолтской карте. Поразительное совпадение! Не менее поразительно и то, что расстояние от южной оконечности Гренландии до мыса Болд на севере Ньюфаундленда по современной карте 640 миль, а по Сколхолтской 622 мили. Удивительно, что расстояния, исчисляемые по этой старинной карте, настолько близки к действительным.

Карта Ханса Поульсена Резена⁴⁴ начерчена в 1605 году. И на ней видим длинный мыс на западе с надписью: *Промонториум Винландиа*. Карта Резена родственна Сколхолтской, но не может быть ее копией — в латинском тексте на ней ясно сказано, что в ее основе лежит карта, которая на несколько сотен лет старше. Возможно, у обеих карт был общий источник.

Далее мне удалось получить новую карту (см. стр. 90) — единственную известную карту типа Сколхолтской и Резена. Интересно, что она найдена в Венгрии, или точнее в усадьбе архиепископа в Эстергоме на берегу Дуная. Во время второй мировой войны в усадьбе размещался немецкий штаб. Когда город был освобожден, во дворе усадьбы находили разбросанные карты, книги и старинные документы из архива и библиотеки архиепископа. Здесь-то и была найдена эта карта и затем попала в руки работника музея Гёзе Шепеши.

Многое свидетельствует о том, что карту начертили иезуиты в прежнем университетском центре Надьсомбат на

севере Венгрии. Мы видим, что чертеж и названия в основном перекликаются с Сколхолтской картой. Но есть в ней и новые важные особенности. Я назову только самые главные.

Бумага старинная, выработанная из тряпья, а не из древесной целлюлозы, чернила, по-видимому, бистр, то есть смесь уксуса и древесного угля; такой смесью широко пользовались в XV—XVI вв., но необходим химический

Исландская Сколхолтская карта приблизительно 1590 г. Начерчена ученым Сигурдуром Стефанссоном. Оригинал утрачен. Эта копия снята в 1670 г. епископом Тордом Турлакссоном. Длинный мыс с надписью «Promontorium Winlandiae», видимо, тождествен северной части Ньюфаундленда.

анализ, чтобы утверждать это достаточно определено. Титул, помещенный под розой ветров среди изображений парусного корабля, пушек, черепа и других рисунков, производит впечатление добавления, призванного увеличить престиж карты. Но год может быть и верен. Ведь был же у карты какой-то источник, и вряд ли копировщик стал бы менять год. Интересно, что цифра 1599 хорошо согласуется с датой Сколхолтской карты (1590 г.).

Местами (примечательный факт!) употреблены венгерские руны. Ими нанесено название через весь Атлантический океан и записаны слова на полях слева. Вот как профессор Кнют Бергсланд переводит эти руны.

Атлантический океан (середина карты) пересекает слово «тенгар», которое можно толковать как венгерское «тенгер», то есть «океан». Текст на полях слева толкуется так: «Северным морем, потом около (вдоль) северной части света (Европы?) и новой северной части света, оттуда в Йорк и Винландию».

Бергсланд считает язык надписи германским; некоторые слова, по его мнению, могут указывать на английский. Профессор Брюссельского университета А. Ван Луи, специалист по нидерландской и другим германским литературам, тоже ознакомился с текстом. Он сказал: «Мне кажется, мы видим тут элементы (языка моряков), указывающие на северо-запад европейского материка, то есть на Голландию или Северную Германию».

Цифры, обозначающие широты и долготы, на Венгерской карте те же, что на Сколхолтской карте, но на Венгерской расстояния между широтами не равны. В крайних северных областях на Венгерской карте мы видим сходные черты с Сколхолтской, но некоторых деталей на Сколхолтской карте нет. Это понять не трудно, так как было принято наносить на старые карты новейшие открытия.

На Венгерской карте Гренландия помещена примерно там же, где и на Сколхолтской, но изображена островом. Мы видим это и на других ранних картах: Джона Ди от 1552 г., Хемфри Джильберта от 1567 г. и карте мира Меркатора от 1569 г. Очертания восточного и западного берегов в основном те же, что на Сколхолтской карте; показаны бухты Аустербюргд и Вестербюргд. В южной оконечности Гренландии на одной карте написано «Йорк», на другой — «Херьулфснес». К северу от заселенной области на Венгерской карте есть две метки. Они могут обозначать

Эта карта обнаружена в Венгрии, в частном собрании бывшего директора музея, Гёзы Шепеш. Много существенных черт сближают ее с исландской Сколхолтской картой, но на этой карте нанесен маршрут до Винландии, помеченной черными пятнами. Текст отчасти написан венгерскими рунами. Размеры карты 29,8 × 21,5 сантиметров.

либо поздние экспедиции, либо Нурдрсетур — северные охотничьи угодья гренландцев.

В северо-западной части карты видим «Йорк»; возможно, это связано с экспедициями Мартина Фробишера в 1576—1578 гг. Углубление в береговой линии, направленное на запад, очевидно, Гудзонов пролив. Если следовать на юг вдоль побережья, можно встретить «Йорк» еще дважды; есть также разные пометки, может быть, относящиеся к следующим экспедициям.

Длинный мыс с надписью «Промонториум Винландиа» есть на обеих картах. Но бросается в глаза и интересное различие. На Венгерской карте северная оконечность мыса снабжена крупными черными метками. И название «Винландиа» находится как раз над ними, словно подчеркивается, что относится оно не ко всему мысу, а только к этой части (следы норманнского жилья были открыты в крайней северной точке Ньюфаундленда).

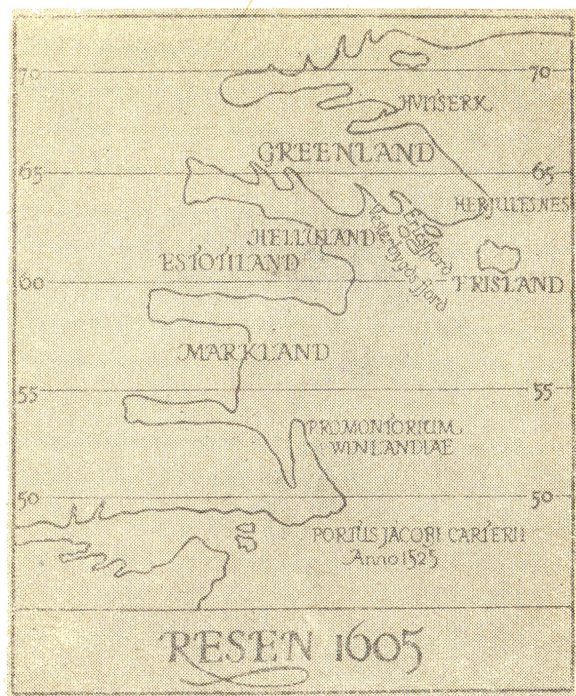
Затем мы видим начерченный маршрут, у которого написано слово «хойервег», что, вероятно, означает главный путь. Он идет от Англии до Норвегии, дальше на запад к Исландии, Гренландии, Хеллюланду, Маркланду и Винланду. Что это? Только догадка или нечто большее?

Словом, Венгерская карта задает много загадок. У нее есть очевидные недостатки — она явно нарисована любителем, скверно владевшим латинским языком и почему-то постаравшимся украсить карту (в частности он сделал рисованный титул). Но есть и примечательные черты, которые не могли быть измышлены позднее; кроме того, несомненно, что основой была карта типа Сколхолтской. Как бы ни толковались отдельные сомнительные вопросы, остается в силе интересный факт — перед нами единственная, кроме Сколхолтской, известная старинная карта этого типа. Может быть, она основывается на копии Сколхолтской карты, но скорее всего источник был другим, хотя и близким к исландскому.

Следует быть осторожным и не считать эту карту абсолютно верной; и все-таки она дает повод для размышлений. Как и письменные источники, она может быть свидетельством того, что в Европе знали норманские маршруты лучше, чем мы думали до сих пор.

Если сопоставить карты — Сколхолтскую, Резена и Венгерскую, создается впечатление, что в основе всех трех лежат утраченные карты, восходящие к древнему исланд-

скому корню. По ряду причин можно полагать, что Промонториум Винландиа тождествен северной части Ньюфаундленда.

Карта северных областей Ханса Поульсена Резена начерчена в 1605 г. Как и на Сколхолтской и Венгерской картах, на длинном мысу есть надпись «Promontorium Winlandiae». Эта карта — перерисовка.

(Копенгаген, Королевская библиотека).

После того как эта книга была сдана в набор (1965 г.), Йельский университет в США опубликовал важный материал, где речь идет, в частности, об одной карте Винланда. Я не успел тогда подробно проанализировать эту карту, но хочу отметить, что она как будто подтверждает основные пункты моей теории. Позднее я еще вернусь к этой теме, а пока ограничусь самым существенным.

Западная часть Винландской карты, опубликованной Йельским университетом, Нью-Хэвен, Коннекут. Приблизительно 1436 г.
(Фото Йельского университета)

Карта перекликается с картами атласа венецианца Андреа Бианко от 1436 г., но в ней есть и черты, которых нет на картах Бианко. Полагают, что она относится к доколумбовой поре, примерно, к 1440 г., автор ее и первоисточник неизвестны. На этой карте Исландия, Гренландия и Винланд показаны на севере и северо-западе. Винланд изображен большим островом и расположен к западу и юго-западу от Гренландии. На западном побережье расположены два глубоких залива, около более южного заметен длинный полуостров.

Возле северной части острова написано (по-латыни): «Остров Винланд, открытый совместно (?) Бьярне и Лейвом». Над Винландом и отчасти над Гренландией тоже есть текст (по-латыни): «По воле Господа, после долгого плавания с острова Гренландия на юг в самые удаленные области западного океана, идя сквозь льды, спутники (?) Бьярне и Лейв Эйрикссон открыли новую страну, чрезвычайно плодородную, и там растет также вишневое дерево, и этот остров они назвали Винланд. Эйрик (Хенрикус), посланник апостольской церкви и епископ Гренландии и прилегающих областей, достиг этой поистине огромной и богатейшей страны, во имя Всемогущего Господа и его наместника, нашего благословеннейшего отца (папы) Паскалы (II), провел там долгое время и летом и зимой, после чего вернулся на северо-восток в Гренландию и дальше (в Европу?), покорный воле своих повелителей».

На мой взгляд, ряд обстоятельств подтверждает подлинность этой карты и ее возраст, однако я пока воздержусь от ее датировки. Чрезвычайно убедителен рассказ о плавании гренландского епископа Эйрика Гнубсона в Винланд. Он дополняет скупое сообщение исландских летописей, где под 1121 г. записано: «Эйрик, епископ Гренландии, отправился на поиски Винланда». Важно также, что текст составлен сдержанно и деловито, хотя для описания столь выдающегося плавания напрашиваются более громкие слова.

Вокруг этой карты Винланда развернулась острая дискуссия, некоторые ученые сомневаются в ее достоверности¹⁰⁴. Но карта отражает очень глубокие исторические познания, которыми, на мой взгляд, вряд ли мог обладать какой-нибудь подделыватель. И почему он, блудя свою выгоду, не снабдил карту годом или каким-нибудь знаком,

указывающим на то, что она очень старая? Ведь возраст карты определен тщательным научным анализом.

Критики говорят, что Гренландия изображена как остров, а этого де не могло быть на столь старинной карте. Можно возразить, что известны четыре карты XVI в., где Гренландия показана островом (см. стр. 93). Говорят также, что подробности, с которыми изображена Гренландия, свидетельствуют о более позднем происхождении карты. На это вкратце можно заметить, что области, где видно сходство с современными картами, — именно, восточное побережье до пролива Скорсби и значительная часть западного. За несколько сотен лет гренландцы, наверно, хорошо изучили эти берега.

Если подытожить сведения об истории Гренландии за пятьсот лет, то естественно предположить, что немалая часть географических познаний гренландцев дошла и до европейцев.

Вспомним католическую церковь, которой принадлежали в Гренландии 17 церквей, 2 монастыря и епископство; постепенно она завладела также лучшими землями, в частности большим островом у восточного побережья, где велась охота на белого медведя. Церковь заботилась не только о вере, но и о своей выгоде — гренландцы платили ей десятину и поборы на крестовые походы. Так что вряд ли архиепископ, находящийся в Норвегии или в Ватикане, стал бы довольствоваться туманными представлениями о далекой арктической стране. Наверно, повелители церкви стремились узнать страну, чтобы представлять себе, где лежат церковные владения. Кстати, известны разные документы Ватикана, касающиеся Гренландии. И мы знаем имена многих гренландских епископов, большинство из них вернулось в Европу. Особенно интересно, что епископ Эйрик Гнубсон, судя по тексту Винландской карты, тоже вернулся в Европу. Он привез сведения о новых странах на западе и, конечно, хорошо знал Гренландию, где прожил много лет.

Любопытно также, что в 1360 г. один английский минорит¹⁰⁵ предпринял большое путешествие вдоль западного берега Гренландии на север. У него была с собой астролябия, позволявшая определить широту; этот прибор он оставил гренландскому священнику, вероятно, Ивару Бордсену, который замещал епископа в Гардаре.

Интересной особенностью Винландской карты является

то, что Винландом назван остров, и он помещен на севере. Два глубоких залива делят эту землю на три части. Возможно, это Хеллюланд, Маркланд и Винланд (начиная с севера). Узкий верхний проток, заканчивающийся широким заливом, можно сопоставить с заливом Гамильтон на Лабрадоре. Более широкий фьорд на юге может быть проливом Белл-Айл, а прилегающий к нему продолговатый полуостров, возможно, соответствует крайнему северному мысу Ньюфаундленда.

Мы не можем уверенно судить об этом, но примечательно, что на трех других старинных картах — Сколхолтской, Резена и Венгерской тоже показан такой фьорд и сильно вытянутый полуостров, названный «Промонториум Винландия», причем на Венгерской карте северная оконечность полуострова под самым словом «Винландия» снабжена черными метками.

Итак, сопоставление Йельской карты с тремя названными выше дает пищу для размышления.

Следы винландцев в Северной Америке?

Свидетельством норманнских посещений называют Кенсингтонский камень. Речь идет о камне с рунической надписью, найденном в Миннесоте в конце прошлого столетия. В надписи говорится о восьми шведах и двадцати двух норвежцах, которые вышли на разведку из Винланда на запад. В пути десять человек было убито; еще десятеро стерегли корабли, которые уже находились две недели в пути.

Ялмар Р. Холанд⁴⁵ не одно десятилетие отстаивал подлинность Кенсингтонского камня, но в таком вопросе нельзя не считаться с мнением руноведов. А виднейшие руноведы наших дней считают надпись подделкой.

Многие полагают, что Ньюпортская башня на Род-Айленде сооружена норманнами в доколумбовы времена. Скорее всего эта башня построена в годы колонизации, хотя есть основание привязать ее к средневековью. Об этой башне еще пойдет речь дальше.

Вблизи Бердмора, штат Онтарио, якобы найдены в земле изделия из железа, относящиеся к эпохе викингов⁴⁶. Изделия и впрямь принадлежат викингам, но обстоятельства находки вызывают сомнения. Здесь замешан нор-

вежец, который привозил древние предметы из Норвегии. Словом, дело слишком темное, и подлинность бердморской находки нельзя считать доказанной.

За норманнские выдавали и другие находки, особенно надписи на камне, но ни одна из них пока не выдержала научной критики.

В 1501 г., через одиннадцать дней после того, как Гаспар Кортереаль (Гашпар Кортириал) вернулся из экспедиции на Ньюфаундленд, венецианский посол при португальском дворе, Пьетро Паскуалиго⁴⁷, написал письмо в Италию своему брату. Он поведал о плавании Кортереаля, о пятидесяти семи туземцах, привезенных из новой земли, и продолжал:

«Язык, на котором они (туземцы) говорят, никому не ведом, хотя перебрали множество. В той стране нет железа, но они делают мечи из особого камня и из того же камня наконечники стрел. Сюда доставлен также обломок меча с позолотой, несомненно итальянской работы, а у одного ребенка в ушах были серебряные серьги, скорее всего из Венеции. Это заставляет меня думать, что их страна составляет часть материка, ведь очевидно, что будь это остров, к которому раньше подходили корабли, мы бы об этом знали...»

Слова эти, записанные сразу по возвращении экспедиции, звучат правдоподобно. Паскуалиго видел туземцев и разговаривал с возвратившимися моряками. Но нас озадачивает, что венецианский посол столь определенно называет обломок меча итальянским, а серебряные серьги даже считает венецианским изделием. Есть причины сомневаться в объективности этого заключения. Прошло всего девять лет после открытия Колумба, имя великого сына Италии было у всех на устах, а тут — другое открытие, сделанное конкурентом.

Спрашивается: к какой экспедиции можно отнести этот обломок меча и серебряные серьги? Вряд ли к экспедиции, предпринятой Кортереалем годом раньше (1500 г.), в этом случае никто не придал бы находке такого значения. Может быть, Джон Кабот в 1497 и 1498 гг. достиг Ньюфаундленда? Об этих его экспедициях известно очень мало. Установлено, что, вернувшись, он участвовал в 1501 г. в англо-португальском плавании в Гренландию. И ведь Паскуалиго не связывает открытие своего земляка Кабота,

о котором несомненно знали в Португалии и Италии, с открытием Кортерсеаля.

Словом, маловероятно, чтобы обломок шпаги и серьги остались после экспедиции Кабота, который первым ходил в эти области. Но, может быть, эти предметы — следы норманнов, побывавших здесь до повторного открытия Северной Америки? Речь идет о Ньюфаундленде, где мои экспедиции открыли норманнские поселения, датируемые примерно 1000 г. Мы знаем, что норманны сражались с туземцами и многие из них пали в бою. Кроме того, туземцы, наверно, собирали все ценное в заброшенных поселениях пришельцев. И как уже говорилось, не исключено также, что норманны и потом ходили в Северную Америку. Интересно, что Гренландия обезлюдела около 1500 г., то есть примерно в то время, когда вновь была открыта Северная Америка. Широкие возможности для догадок, но нельзя ничего сказать уверенно.

Прибрежный моллюск отправляется в Винланд? Речь идет о моллюске *Littorina littorea*, широко распространенном у западноевропейских берегов, в том числе у побережья Норвегии и Исландии. Раньше считали, что литорину доставили в Северную Америку корабли около 1840 г., но затем А. Г. Кларк младший и Дж. С. Эрскин⁴⁸ обнаружили моллюска на месте индейского стойбища у Галифакса, на полуострове Новая Шотландия. Радиоуглеродный анализ на C-14 показал возраст 700 ± 225 лет. Кларк и Эрскин заключили, что этот вид эндемический.

Норвежские геологи Кари Хеннингсмуэн⁴⁹ (участница моей экспедиции) и Нильс Спельднес считают, что радиоуглеродный анализ еще не дает основания для такого вывода. Они напомнили о норманнских плаваниях в Северную Америку, начавшихся около 1000 г. (это время хорошо согласуется с углеродной датировкой): возможно, моллюск уже тогда попал с кораблями в Новый Свет. Они называли также причины, по которым литорину вряд ли можно считать эндемической для Северной Америки, скорее она туда завезена из другого района.

Литорина — очень выносливый моллюск, способный жить на дне открытых судов. Правда, в Гренландии его тогда не было, но суда, ходившие в Винланд, были из Норвегии и Исландии, а литорина вполне могла перенести

трансатлантическое плавание. Так как на лежащем по соседству с Новой Шотландией острове Ньюфаундленд открыты норманнские поселения, авторы предположили, что винландцы, совершая вылазки на юг; могли завезти моллюска и в район нынешнего Галифакса.

Следы винландских походов в Гренландии?

В Вестербюгде, в самой глубине Амераликфьорда (Лисюфурдр) стояла на берегу крупная норманнская усадьба, которая около 1000 г., вероятно, принадлежала винландцу Турфинну Карлсэвне и его жене Гюдрид. В 1930 г. здесь вели раскопки датские археологи Поуль Нёрлюнд и Оге Русселл⁵⁰, они сделали очень интересные находки.

Одной из самых примечательных находок был кусок угля, извлеченный из глубоких слоев на месте главной постройки. Во всех очагах находили только древесную золу, и вообще в местах норманнских поселений в Гренландии никогда не находили уголь. Самое загадочное, что обнаруженный кусок был антрацитом, которого в Гренландии нет.

Попыток истолковать эту находку не было, а ведь загадка очень увлекательная. Откуда появился кусок угля, найденный там, где жил Турфинн Карлсэвне?

Источники говорят о постоянном морском сообщении с Исландией и Норвегией, но в Исландии угля нет, а в Норвегии он известен лишь на крайнем севере, да и то не антрацит. Найденный кусок угля лежал в слое, относящемся к ранней поре гренландской колонии; трудно представить себе, чтобы уже тогда в этот глухой уголок арктического острова заходили, скажем, английские или немецкие суда.

Вероятнее всего, уголь попал сюда из Северной Америки. Но есть ли в приморских областях Северной Америки месторождения, которые были бы досягаемы для винландцев? Исследования показали, что на восточном побережье Северной Америки известны только два месторождения антрацита и оба в Род-Айленде. Мог ли Турфинн Карлсэвне добраться туда? Это не исключено. Как уже говорилось, сага сообщает, что с северной базы он ходил далеко на юг и останавливался в плодородном крае.

Интересно, что эта находка перекликается с другой, сле-

ланной близости от жилища Турфинна Карлсэвне в Гренландии. В северо-западном углу кладбища обнаружен наконечник стрелы из кварцита, причем в обширном собрании изделий гренландских эскимосов наконечников такого вида нет. Датский археолог Ерген Мельдгорд⁵¹ решительно утверждает: «Это чисто индейский тип изделия». Другими словами, перед нами осязаемое доказательство плаваний в Винланд. Невольно вспоминаешь стычки со скрелингами, в которых было убито несколько норманнов. Может быть, наконечник стрелы попал в Гренландию вместе с одним из погибших, привезенным обратно для похорон в освященной земле?

Последующие норманнские плавания в Северную Америку

Итак, из различных источников известно, что около тысячи лет назад норманны ходили из Гренландии в Северную Америку.

Быстрые корабли с прямым парусом бороздили волны от Баффиновой Земли на севере до Ньюфаундленда на юге, и глазам моряков представляли чужие берега. Кое-где они причаливали, строили дома и зимовали, разведывали край.

Наверно, это было немалым событием для молодых мореходов. Новая страна, такая богатая, такая необычная... И то, что они рассказывали, возвратившись на свой арктический остров, было интересно другим. Правда, слова о скрелингах могли заставить призадуматься, но когда речь идет о приключениях в чужих землях, люди всегда склонны к великому оптимизму.

Гренландские норманны мечтали о пастбищах, о лесах (не так-то легко собирать вдоль берегов плавник для домов и кораблей), об обилии оленей, пушного зверя, моржей, тюленей и так далее. Переход короткий, путь простой и хорошо известный.

Трудно представить, чтобы гренландские норманны за пятьсот лет существования колонии не посетили Северную Америку. Более того, естественно предположить, что тяжелый труд в полярном крае опостылел им и они решили попытать счастья в богатой стране на западе.

Разрозненные сведения в источниках как будто подтверждают наши догадки, но общая картина туманна. Все гренландские первоисточники утрачены, а исландцев интересовали прежде всего из ряда вон выходящие события, касающиеся самой Исландии, ее церкви и знатных людей. Чем занимались рядовые гренландцы, для них было не столь интересно, к тому же в Исландии были не очень-то осведомлены об этом.

В исландских летописях под 1121 г. мы читаем интересное сообщение об епископе Эрике Гренландском, который отправился в Винланд. Как уже говорилось (стр. 32), у него, вероятно, была вполне определенная цель: найти поселившихся там норманнов.

В основанной на древних источниках летописи ученого епископа Гисле Оддсона (1637 г.)⁵² под 1342 г. сообщается: «Жители Гренландии по своей воле отказались от христианства и обратились к американскому племени». Возможно, что это указание на эмиграцию в Северную Америку, о чем пишет и П. А. Мунк⁵³.

Под 1347 г. исландские летописи рассказывают о корабле, который ходил в Маркланд (Лабрадор). Этот корабль пригнало штормом в Исландию (стр. 33).

Около 1350 г. епископ Гренландии Ивар Бордсон⁵⁴ отправился в Вестербюгден, чтобы изгнать скрелингов. Поселение оказалось покинутым людьми, но кругом бродил одичавший скот. Ни о каких признаках схватки с эскимосами не сообщается; и ведь эскимосы, наверное, зарезали бы скот ради мяса. Скорее всего жители Вестербюгдена эмигрировали, оставив скот.

Куда ушли люди? Будь их целью Норвегия или Исландия, они, конечно, зашли бы сперва в Аустербюгден. И вообще глава церкви Ивар Бордсон (да и другие) знал бы об этом и не ходил бы в Вестербюгден. Остается только одно правдоподобное объяснение: жители Вестербюгдена переселились в Северную Америку.

Есть сообщение о важной экспедиции, отправленной в 1355 г. норвежским королем Магнусом Эйрикссоном⁵⁵. Он поручил Полу Кнютссону из Унархейма идти в Гренландию. Было это вскоре после того, как корабль из Маркланда (1347 г.) пришел в Берген, вероятно, с ценным грузом. Больше мы ничего не знаем об экспедиции Пола Кнютссона. Можно только догадываться, что в его планы входило также побывать в Северной Америке.

В 1516 г. епископ Эрик Валкендорф⁵⁶ замыслил экспедицию в Гренландию и собирал сведения об этом крае. В его записках указано, в частности, что там водятся черный медведь и соболь (куница). Независимо от него сходные данные сообщает Абсалон Педерсен Бейер⁵⁷ в 1567 г. Он рассказывает, что в Гренландии есть соболь, куница, олени и обширные леса. Но ведь ничего подобного на арктическом острове нет, нет черного медведя и в Норвегии.

Как Валкендорф, так и Абсалон Бейер жили в Бергене, в центре гренландской торговли. Здесь, наверно, было много списков, в которых перечислялись товары, поступающие из Гренландии, ведь и король, и церковь взимали за них пошлину. Возникает мысль, что указанные выше сведения были почерпнуты из таких списков, не уточняющих, какие товары пришли через Гренландию из Северной Америки. Возможно, что некоторые норманны занимались пушным и другим промыслом в Северной Америке и сбывали свою добычу гренландским купцам.

В конце XV в. гренландская община исчезла, и вполне допустимо, что какая-то часть людей переселилась в Северную Америку.

Норманнские пути и повторное открытие Северной Америки

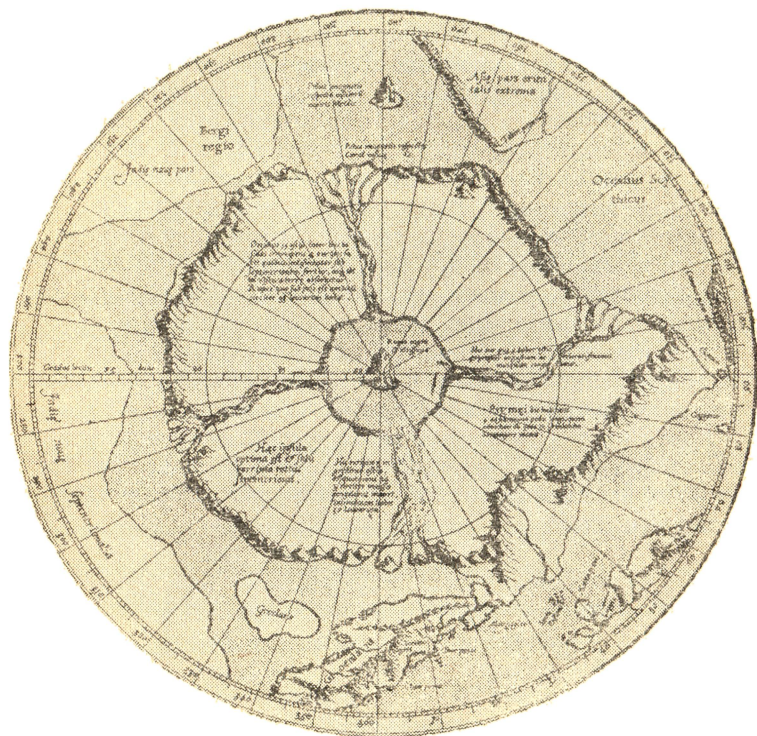
Наконец, несколько слов о повторном открытии тех областей Северной Америки, куда ходили норманны. Многие говорят за то, что в XV и XVI вв. моряки знали древние маршруты в северной части Атлантики куда лучше, чем можно судить по скудным источникам.

Известно, что английский монах, минорит из Оксфорда⁵⁸, вероятно Николай Линнский, в 1360 г. отправился в норманнские поселения в Гренландии. Оттуда он попытался достичь Северного полюса, а позднее написал о своих странствиях книгу «Инвентиио Фортуната», которая теперь утрачена. Очевидно, в Англии той поры знали о существовании Гренландии, знали и путь туда. А сочинение монаха помогло многим англичанам еще больше узнать о Гренландии и омывающих ее морях.

Начиная с 1412 г., каждый год к берегам Исландии ходила английская рыболовная флотилия; еще до этого ан-

гличане часто плавали в Берген. И в Исландии, и в Бергене несомненно помнили путь в Гренландию и дальше, в Северную Америку. Моряки встречались и толковали о морях и кораблях, свои знания передавали друг другу.

В 1476 г. норвежско-датско-португальская экспедиция с норвежцем Юном Сколпом в качестве штурмана⁵⁹, ве-

Область Северного полюса — карта Меркатора, 1569 г., составленная по сведениям экспедиции, предпринятой английским монахом и астрономом в 1360 г. из Аустербюгена. Это, вероятно, монах Николай из Линна.

роятно, добралась до Лабрадора. Почти одновременно, как полагают, норвежский дворянин Дидрик Пининг и Ханс Потхорст ходили в Гренландию.

И наконец в 1497 г. состоялась экспедиция Джона Кабота, положившая начало повторному открытию Северной Америки. Кабот вышел из Бристоля; мы знаем, что его

сын ходатайствовал о разрешении ловить рыбу у берегов Исландии, там ему могли подробно рассказать о западном маршруте.

Гренландия могла играть роль промежуточной базы. Весьма интересно, что норманнское население исчезло там примерно *в то же время*, когда начались плавания, приведшие к повторному открытию Северной Америки.

Видимо, в 1500 г. состоялось плавание Жоао Фернандеса в Гренландию. Годом позже туда же отправилась англо-португальская экспедиция. В 1501 г. Гаспар Кортереаль, вероятно, побывал у берегов Гренландии, откуда он пошел дальше, к Ньюфаундленду. Впрочем, хорошие карты той поры, например карта Кантино, позволяют предположить, что таких экспедиций было больше, чем мы перечисляли.

Очень интересный факт связан с плаванием Себастьяна Кабота между 1507 и 1509 гг. Сообщается, что он с командой в триста человек прошел *исландским маршрутом*⁶⁰ до мыса Лабрадор: так тогда именовали южную оконечность Гренландии. Вероятно, он достиг Лабрадора или Ньюфаундленда. Похоже, что понятие «исландский маршрут» был для моряков твердым, устоявшимся.

Итак, многое указывает на то, что от винландского похода Лейва Эйрикссона тянется цепочка к плаваниям гренландских норманнов на запад и к повторному открытию Северной Америки.

Выше я высказал многие из соображений, которые после Гренландской экспедиции 1953 г. изложил в книге «Страна под Путеводной звездой». Я сделал тогда заключение, что северный Винланд находился, видимо, на Ньюфаундленде, и ссылаясь также на старые исландские карты, ориентирующие нас на север острова. Дальше говорилось, что, наверно, можно будет найти остатки жилищ винландцев, если провести *основательные и систематические* исследования с моря и с воздуха.

Такова предыстория моих экспедиций в Северную Америку в 1960—1964 гг., во время которых были открыты и раскопаны остатки норманнских жилищ доколумбовой поры на северной оконечности Ньюфаундленда.

Прежде чем рассказать об этих экспедициях, повторю вкратце мои главные доводы, почему я считал, что Винланд надо искать на севере Ньюфаундленда.

Название «Винланд» следует толковать как «страна лугов» или «страна пастбищ», оно не связано с виноградом и вином. Страна эта находилась севернее области распространения дикого винограда.

Навигационные описания саг в основном нужно считать верными. Так как переходы были короткие, их можно привязать к Баффиновой Земле, Лабрадору и северному побережью Ньюфаундленда, которые, очевидно, соответствуют Хеллюланду, Маркланду и Винланду. Сведения о кораблях и морских путях — разве не их в первую очередь сохранит в своих преданиях мореходный народ?

Упомянутые в саге длинные берега Маркланда — очевидно, берега в районе мыса Дикобраз на Лабрадоре. Они

служат также опорной точкой для расчета дальнейшего двухдневного плавания Лейва Эйрикссона до Винланда, соответствующего расстоянию до северного побережья Ньюфаундленда.

Описание базы Турфинна Карлсэвне на берегу Страумфьорда в Винланде указывает на северный край. О походе Карлсэвне на юг сага говорит: он считал, что «чем дальше на юг, тем страна будет шире». Очевидно, база находилась в районе с небольшой площадью; это похоже на узкий мыс на севере Ньюфаундленда. Несмотря на длинные изрезанные берега, маршрут от Гренландии до Винланда был чрезвычайно прост. Пересек Девисов пролив — иди вдоль Лабрадора на юг, пока прямо по носу не покажется берег Ньюфаундленда. Разные экспедиции вполне могли добраться до одного и того же места — как об этом рассказывают саги.

Старинные карты — Сколхолтская, Ханса Поульсена Резена, а также во многом Венгерская, очевидно, основаны на древней исландской традиции. Длинный мыс на картах назван Промонториум Винландиа; по многим признакам этот мыс тождествен северной оконечности Ньюфаундленда.

Исландские землеописания XV в. сообщают, что от Маркланда недалеко до Винланда; это хорошо подходит к Лабрадору и северному берегу Ньюфаундленда. Адам Бременский называет Винланд островом. Ледовая обстановка у западного побережья Гренландии и особенно в районе, где проходит Лабрадорское течение, очевидно, вынуждала норманнов сравнительно поздно выходить в Винланд. Люди сведущие и искушенные, они на первых порах не стали бы забираться слишком далеко в чужую страну, а обосновались бы в подходящем месте, чтобы построить дома и запастись провиантом на зиму.

Очень важно представить себе ход мыслей молодых мореходов, которые тысячу лет назад плыли на юг вдоль берегов Северной Америки. Что они искали в чужих странах? В какой земле предпочитали остановиться эти люди с психологией северян, представители культуры, которая исстари развивалась в условиях севера?

Они искали новых земель для своего рода; для мужчин и женщин, живших на арктическом острове, наряду с дичью и рыбой важнее всего были пастбища для скота и лес для строительства кораблей и прочего. И когда северяне очутились в краю, где все это было, где они чувствовали

себя как дома, им незачем было стремиться в более теплые края, где многое было им чуждо.

В северной части Ньюфаундленда, которую они вряд ли могли миновать, были не только пастбища и леса, но и всякий зверь и птица, в реках лосось, в море тюлени и моржи, огромные косяки трески. Условия в этом краю были несравненно лучше, чем в Гренландии. Мы вправе думать, что мореходам богатства этой страны пришлось по душе, они бросили якорь и построили здесь свои дома.

А потом уже пытливые и жадные до приключений норманны могли ходить с разведкой далеко на юг, о чем и рассказывает сага.

Моя теория о местоположении Винланда и замысел искать остатки норманнских поселений были встречены с изрядным скепсисом. И это понятно, ведь в многочисленных трудах видных ученых в течение примерно двухсот лет утверждалось, что Винланд лежал на юге, в краю дикого винограда. Это уже стало своего рода аксиомой. Не удивительно, что мои планы исследовать берега Северной Америки в поисках следов тысячелетней давности называли «поисками иголки в стоге сена». Конечно, задача сулила немалые трудности, но мне казалось, что теория опирается на достаточно прочное основание, что настойчивый труд и толика удачи помогут найти искомое.

И были другие авторы, которые считали, что Винланд надо искать на севере Ньюфаундленда. Особенно интересна небольшая, малоизвестная статья ньюфаундлендца В. А. Манна⁶¹. Это не научная работа, но автор здраво мыслит и хорошо знает местность. Он полагал, что Винланд находился в глубине залива Пистолет на северном побережье Ньюфаундленда. К тому же выводу пришел выдающийся финский ученый В. Таннер. Позднее Э. Мэллери⁶² и Ёрген Мельдгорд⁶³ вели там полевые работы, но не нашли никаких следов норманнов.

В 1960 г. я начал поиски вдоль берегов Северной Америки. Первое время путешествовал один, но на последнем, самом важном этапе со мной ходила моя дочь Бенедикта.

Я решил стартовать весной и довольно далеко на юге, чтобы познакомиться сперва с местами, к которым столько видных исследователей привязывало Винланд. Сюда входил и Род-Айленд, особенно интересный еще и потому, что

там есть месторождения антрацита, а в доме Турфинна Карлсэвне в Гренландии был найден кусок такого угля.

Мне казалось, что, продвигаясь на север, я составлю представление о берегах, которые могли посетить либо сами винландцы во время своих вылазок с базы на севере, либо их потомки в последующие пятьсот лет существования гренландской общины. Во время путешествия у меня сложится связная картина земли и вод вплоть до северной части Ньюфаундленда, где, по-моему, был Винланд. Туда я приду, когда отступят дрейфующие льды и зазеленеет трава, и там начну основные работы.

В теплый весенний день я ехал на автобусе по дорогам Род-Айленда, маленького штата к югу от Бостона. Яркое солнце освещало зеленые косогоры с пестрым цветочным ковром, старые развесистые деревья и голубое море, которое всюду находило лазейки, чтобы проникнуть в сушу. Чудный край, южные ароматы...

И вот я в Ньюпорте, приморском городке с традициями, уходящими в далекое прошлое. Здесь стоит башня, по мнению некоторых, построенных норманнами в доколумбову эпоху. В местном отеле «Викинг» повеяло норвежской стариной. В столовой на стенах висели большие картины — корабли с драконьими головами на форштевне рассекали пенящиеся волны, а грозные бородатые викинги заносили окровавленные мечи над головами уважаемых постельцев.

Я направился в красивый городской парк, где в окружении старых каштанов высится знаменитая башня. Это и в самом деле необычный памятник, совсем не похожий на все, что известно в других частях Северной Америки. Башня сложена из камня, скрепленного известковым раствором, высота ее восемь метров, форма цилиндрическая, круглые колонны образуют восемь сводчатых портиков. Прежде был второй этаж, но теперь настил исчез, а следы лестниц остались. Из четырех окон три смотрят в море. В стенах кое-где есть узкие отверстия, а изнутри — маленькие квадратные ниши. На полу — открытый очаг.

Сколько жарких споров вызвала эта башня! Одни относят ее к поре колонизации, считают, что она построена в XVII в. либо англичанами, либо голландцами, либо португальцами. Другие утверждают, что она сооружена норманнами до Колумба. Город Ньюпорт основан в 1639 г., башня впервые упоминается в 1677 г. Ее назначение?

Мнения расходятся: сторожевая башня, ветряная мельница, церковь.

В 1948 и 1949 гг. археолог Уильям С. Годфри⁶⁴ производил раскопки у башни; найденные им следы относятся к поре колонизации. Однако результаты умяляются тем, что около ста лет назад на этом месте уже занимались раскопками. Профессор Юханнес Брэнстед⁶⁵ указывает, что сходную кладку можно увидеть на Шетландских островах. Башня несомненно имеет средневековые черты (романские). Нёрлюнд пишет: «Эти средневековые черты настолько очевидны, что если бы башня стояла в Европе, вряд ли кто-нибудь стал бы оспаривать ее возраст». Но раскопки Годфри как будто свидетельствуют о том, что башня сооружена в годы колонизации, вероятно, в начале XVII в. и скорее всего англичанами.

Теперь надо было добраться до угольного месторождения. Родайлендский уголь представляет собой мета-антрацит, переходящий в графит. В прошлом здесь местами велась добыча, но ее прекратили из-за плохого качества угля.

Я приехал в Уиллоу-Лейн, километрах в десяти от Ньюпорта, где, как мне сказали, находились старые копи. К морю спадал пестревший полевыми цветами косогор, а внизу, где он выравнивался, торчали причудливые развалины заброшенных сооружений. Все было покрыто мхом и травой, по обломкам вверх тянулась как будто виноградная лоза. Да ведь я в краю дикого винограда!

Я пошарил среди травы и кочек и заметил что-то блестящее. Уголь... Словно замороженный, глядел я на черный комок с металлическим отливом, такой тяжелый на ладони. Вспомнился другой кусок антрацита, обнаруженный в гренландской усадьбе Турфинна Карлсэвне.

Не сюда ли Карлсэвне добрался во время южного разведочного похода, не здесь ли был хуп, который так расхваливает сага? Я перевел взгляд на залив Наррагансетт — белые паруса на синей глади, приветливые островки, пышная зелень берегов, говорящая о щедром солнце и тучной земле.

Но нет ни реки, ни озера, которые были бы похожи на хуп Карлсэвне. Я взял несколько кусков угля, чтобы сравнить их с куском, найденным в Гренландии, и сделать анализ.

Поколесив по Род-Айленду, я неспеша двинулся на север, к полуострову Кейп-Код, а оттуда вдоль побережья

к Бостону, Нью-Гемпширу, Мэну. В пути занимался исследованиями. Большинство ученых именно сюда помещает Винланд. Возможно, норманны со временем и впрямь проникли так далеко на юг, но не верится, чтобы они сразу одолели весь путь от Гренландии. База, наверно, была где-то севернее.

Как бы то ни было, разыскивать следы древнего жилья в этих южных районах — дело почти безнадежное. Если жилые слои не заросли совсем, то уничтожены поздней застройкой или плугом пахаря.

Странствуя по берегам Северной Америки, я снова и снова восторгался масштабами и красотой этой страны: леса, луга, озера, реки, горы без конца и края. И я думал о первых переселенцах, которые пришли сюда, когда все здесь было девственным. Было на что подивиться людям из густонаселенной, переживающей всякие трудности Европы, и, конечно, их радовала возможность выбирать место на этой тучной земле по своему вкусу.

Я представлял себе индейцев, вольных людей, хозяев этого края, я видел крадущихся в лесу охотников в одеждах из шкур, метких стрелков из лука, видел берестяные каноэ на реках, палатки, лениво вьющийся кверху дымок... Целый мир погиб здесь, и не так давно.

Из страны дикого винограда я перебрался на Новую Шотландию. На меня дохнуло севером: другая растительность, холодок с моря... Сильно изрезанный берег протянулся далеко на северо-восток.

У южной оконечности полуострова лежит Ярмут, где найден нашумевший камень якобы с рунической надписью. Возможно, метки и в самом деле нанесены на камень рукой человека, но рунами их никак нельзя назвать.

Осмотрев разные части побережья, я поехал в Галифакс — оживленный портовый город, пахнущий морем и судами. Здесь я встретил уроженца Норвегии Карла Карлсена. Ему подчинена целая флотилия, занимающаяся рыболовством и боем китов и тюленей. И мало кто знает приморский край так, как он. Карл Карлсен и потом оказывал мне ценную помощь. Приятно было наконец встретить человека, который верил в мои планы, верил, что можно найти следы норманнских поселений. Недаром он родился в Сюнмёре, откуда в древности вышло столько викингов.

В своем классическом труде о походах в Винланд Гюстав Сторм⁶⁶ настойчиво предлагает искать Винланд в Новой

Шотландии, точнее, на восточном берегу острова Кейп-Бретон. Он считает, что Хельнесет — это мыс Бретон, а длинные берега и Винланд находились несколько южнее. Его теория принята многими учеными.

Я отправился в этот район и осмотрел побережье, но не нашел признаков, позволяющих привязать его к сагам. В частности, я не видел длинных или вообще приметных берегов, в которых можно было бы узнать ориентир норманнских мореходов.

Но природа здесь хороша, особенно у старинного форта Луисбург, сыгравшего важную роль в истории Канады в середине XVIII в., когда решалось, кому владеть далекой новой страной, и в поединке между Францией и Англией последняя взяла верх.

Старые валы, поросшие темно-зеленой травой, повествуют о былом. На огражденных ими ровных площадках теперь почти пусто, но когда-то тут плотными рядами стояли дома и жило множество людей. Рядом простиралась Канада; отдельные пионеры проникли в ее дебри, но огромные области оставались дикими и не знали закона, а на море заправлял сильнейший. Ощетинившиеся пушками фрегаты входили в маленькую бухту у форта, и моряки торопились на берег в надежде найти ром и женщин.

В Луисбурге проводились раскопки, и в маленьком местном музее можно найти прелестные вещи французской поры колонизации.

Если согласиться с Гюставом Стормом в том, что норманны обосновались в Новой Шотландии, то, на мой взгляд, здесь есть район, куда более подходящий, чем названный им. А именно, длинная северо-западная оконечность острова Кейп-Бретон. Если допустить, что винландцы шли через пролив Белл-Айл на юг, естественнее всего для них было бы направиться к мысу Норт на севере острова.

Изучая край, я попал в маленький рыбацкий поселок Дингуолл на восточном берегу, чуть южнее мыса Норт. Несколько разбросанных домиков составляли свой собственный уединенный мирок. Жители, встречая меня на пристани или на дорожках возле домов, снимали шапку и приветствовали учтивым «Хау ду ю ду, сэр». Старинная шотландская культура еще жива.

Интересно было в этом глухом уголке встретить название Дингуолл (Dingwall). Оно норвежского происхождения и означало «место сходов» (tingvoll). Как и многие назва-

ния шотландского приморья, оно связано с эпохой норвежских викингов. Переселенцы привезли его с собой в новую страну.

Меня приютила Маргарет Сили, пожилая гостеприимная женщина. Она могла служить образцом старых пионеров. Годы высушили и ссутили ее, но Маргарет сохранила живость и бесстрашие. Однажды ночью в ее сарай забралась молодая грабительница. Хозяйка услышала шум, схватила два старых пистолета, выскочила и открыла пальбу.

В углу гостиной стояла сабля; Маргарет рассказала мне, что с этой саблей сражался ее прадед в битве при Ватерлоо. Много увлекательного поведала она и о первой, трудной поре освоения. Я ярко представил себе, как тревожно жилось людям во время франко-английской войны. Маргарет вспоминала французские семьи, которым приходилось бросать свои усадьбы и подолгу прятаться в горах.

Из Дингуолла я делал вылазки на юг, чтобы осмотреть восточный берег острова. В одном месте я буквально получил шок: на Уайт-Пойнт мне встретились следы жилья, на первый взгляд очень похожего на гренландское. Скорее всего тут жили французы. Впрочем, жилые слои достаточно старинные, чтобы стоило их раскопать, — можно узнать что-то новое о периоде освоения Северной Америки.

Растительность края во многом напоминает некоторые приморские области Норвегии. Хороший травостой, но условия для земледелия плохие. В это время цвели рябина и дикая черешня, и казалось, к синему морю подступают белые сады.

Я принялся изучать северный участок, вплоть до мыса Норт. В одном месте берег был песчаный с причудливыми заливчиками, однако не такой приметный, чтобы можно было отождествлять его с «удивительными берегами» саг. Жители Новой Шотландии уверяют, что «повторный открыватель» Северной Америки Кабот именно здесь ступил на берег в 1497 г., но кто не хочет подчеркнуть свою связь с великим человеком... И вот мыс Норт — довольно высокая гора, которую, наверно, видно с моря издали. Однако следов древних поселений я на ней не нашел, не слышали о них и здешние люди.

Пришла пора проститься с Маргарет. Опираясь на палку, она вышла во двор и долго смотрела мне вслед.

Я пересек поросший сосной невысокий (около 600 м) горный хребет и двинулся вдоль западного побережья длинного мыса. Осмотрел несколько мест и убедился, что берег здесь слишком открыт и беден гаванями, чтобы привлечь викингов.

Мой маршрут закончился в городе Сидни. Позади остались изученные мной южные области, куда другие исследователи «помещали» Винланд и куда вполне могли прийти норманны, совершая вылазки с предполагаемой северной базы. А на севере лежал могучий остров Ньюфаундленд, где, по моей теории, остановились и построили себе дома винландцы.

Улыбнется ли мне судьба?

Ньюфаундленд — своеобразный остров, самая крайняя восточная часть Северной Америки. У него причудливые очертания, словно прихотливая природа задумала создать абстрактное произведение искусства: на юге будто огромное распластанное туловище с самыми неожиданными вырезами, от него на север, как рог, тянется длинный выступ.

Площадь острова около 110 673 квадратных километров, то есть он несколько больше Исландии. Ньюфаундленд расположен между $46^{\circ}36'$ и $51^{\circ}40'$ северной широты, что соответствует Северной Франции. Рельеф волнистый, обширные леса состоят из сосны, ели, пихты и лиственных, есть отдельные не очень высокие горные хребты. Самый длинный и высокий из них — Лонг-Рейндж на северном полуострове. Множество озер и речек оживляет ландшафт. Пролив Белл-Айл отделяет Ньюфаундленд от Лабрадора. Во все времена для индейцев, эскимосов и европейцев этот узкий пролив с сильным течением играл большую роль как путь сообщения и как место промысла и рыбной ловли.

Климат здесь морской, зима намного мягче, чем в более западных частях Канады. Вдоль восточного побережья на юг устремляется холодное Лабрадорское течение; оно порой несет изрядное количество льда, а это влияет на климат. Но и Гольфстрим действует здесь на погоду.

Ньюфаундленд нельзя назвать земледельческим краем, однако здесь есть красивые фермы. Вдоль берега и на банках очень много трески; со времен повторного открытия этих областей она занимает видное место в хозяйстве. Во-

дится и другая рыба. Кроме того, в море есть киты, гренландский тюлень, большие лежбища которого известны у Лабрадора и в бухте Святого Лаврентия.

Лесные богатства разрабатываются, эта отрасль — одна из главных в экономике края. Среди эндемических животных внутренних областей назовем оленя, черного медведя, рысь, выдру, куницу, бобра, ондатру, лису и зайца, однако их теперь меньше, чем было прежде. Местами много птицы, в реках водится форель и лосось.

Первыми обитателями края были индейцы беотуки, но их совсем не осталось. На побережье в прошлом можно было также встретить эскимосов.

После открытия Америки Колумбом Новый Свет стал реальностью, которая манила попытать счастья королей и купцов, моряков и авантюристов. Им рисовался путь в Индию, семь обетованных городов Сиболы и прочие чудеса.

Повторное открытие северных областей Северной Америки было, в частности, подготовлено норвежско-датско-португальской экспедицией, в которой штурманом был норвежец Юн Сколп. Как уже говорилось, по источникам получается, что экспедиция примерно в 1476 г. достигла Лабрадора.

В 1497—1498 гг. Джон Кабот из Бристоля доходил, вероятно, до Ньюфаундленда. Затем в 1500 и 1501 гг. в Северную Америку плывал португалец Гаспар Кортереаль. В последний раз он, очевидно, достиг залива Нотр-Дам. Высокие деревья, из которых можно было делать самые большие мачты, обилие трески, лосося и сельди, множество дичи — все это поразило путешественников. Край называли Терра Верде (Зеленая страна). Больше всего португальцы обрадовались многочисленным туземцам, которых можно было продать в рабство. Они привезли в Лиссабон пятьдесят семь человек — мужчин, женщин и детей. Во время последней экспедиции корабли Кортереаля исчезли. Два года спустя его сын Мигель вышел на трех судах искать отца — и тоже пропал.

Затем корабли сплошным потоком хлынули в новые страны. Особенно привлекали европейцев морской зверь и рыба, а также пушнина. Поразительно скоро у берегов Ньюфаундленда развернул деятельность большой рыболовный и китобойный флот, были освоены воды у Лабрадора и бухта Святого Лаврентия. Промысловики многих

стран участвовали в промысле, но преобладали французы, англичане, баски и португальцы.

Ньюфаундленд стал опорной точкой для исследования областей, лежащих на западе и севере. Мы не будем вдаваться в подробности, но назовем хотя бы плавания Жака Картье в 1534, 1535 и 1541 гг. Через пролив Белл-Айл он входил в бухту Святого Лаврентия, а по реке Святого Лаврентия поднялся до стойбища ирокезов¹⁰⁶ Хочелага, где теперь расположен Монреаль.

Кроме того, создавались экспедиции, искавшие Северо-Западный проход и предполагаемый путь в Индию. Упомянем три экспедиции Мартина Фробिशера (1576—1578 гг.), три экспедиции Джона Девиса (1585—1587 гг.), плавания Джорджа Веймута (1602 г.) и Джеймса Холла и Джона Найта (1606 г.).

Сведения об истории Ньюфаундленда и Лабрадора сразу после повторного открытия скудны и подчас малонадежны. Корабли многих стран шли к новым землям, чтобы ловить рыбу, промыслять китов и тюленей, покупать у туземцев пушнину, вести исследования, заниматься пиратством. Яркая была пора и жестокая; царило беззаконие, каждый старался побольше наgrabить. Рыбаки и промысловики предпочитали держать в тайне район своих походов, чтобы никто не проведал о богатых местах. Вот почему пора освоения как бы теряется во мгле.

О XVIII в. мы знаем больше, особенно потому, что между Францией и Англией возникло соперничество из-за суверенитета. Вопрос о Ньюфаундленде решился в 1713 г., когда был подписан договор, отдавший остров англичанам.

Продолжая путешествие, я попал в столицу Ньюфаундленда — Сент-Джонс, город, который искони связан с рыболовством и мореплаванием. Надо было сориентироваться в незнакомом краю. Хотя я считал, что Винланд следует искать на севере острова, важно было обследовать и восточное побережье. По саге, и Турвалд Эйрикссон, и Турфинн Карлсэвне совершали вылазки на восток; и другие, неизвестные нам норманнские экспедиции могли пройти по их стопам.

Обследуя восточное побережье, я вскоре убедился, что в этом краю, где столько фьордов, заливов и островов, не легко искать древние следы. Рыбацкие поселки на этих

берегах, открытых всем ветрам Атлантики, разбросаны по укромным бухтам. Бесхитростная жизнь, радушные люди...

Снова разговариваю с местными жителями, расспрашиваю про следы древних поселений и прочее. Но никто ничего не знает, и подчас мне казалось, что невозможно заставить их хотя бы на время забыть о рыбе и поразмыслить о странных вещах, занимающих чужеземца. Мои вопросы вызывали разную реакцию: одни удивлялись, другие явно видели во мне помешанного — ищет следы людей, живших тысячу лет назад, вместо того чтобы заняться делом.

В одном рыбацком поселке я увидел на пристани плечистого мужчину, который осматривал сети. Подойдя к нему, я стал задавать свои обычные вопросы.

Он посмотрел на меня:

— На что тебе это старье?

— Буду раскапывать, — ответил я.

— Брось, мне голову не заморочишь.

Я не понял, что он хочет этим сказать, но рыбак тут же сурово объяснил:

— Здешний клад мы уж как-нибудь сами отыщем.

Мне предстояло еще не раз слышать о кладах на этом побережье. Местные жители твердо в них верят, многие даже ходят с киркой и лопатой искать старинные сундуки или котлы, будто бы набитые золотом и серебряными дукатами. Чаще всего клады приписывают пиратам, которые орудовали в этих водах в старину. Рассказы о сокровищах полны таинственности: пираты непременно причаливали к берегу темной ночью, переносили на сушу тяжелую кладь и зарывали ее в землю. После этого корабль уходил неведомо куда. Рассказчики почти точно знали, где зарыто сокровище. Если я выражал недоверие, следовали убедительнейшие подробности, сообщенные тем или иным умершим родственником или знакомым. Клад есть, никакого сомнения!

Я возвратился в Сент-Джонс, чтобы встретить Бенедикту, выехавшую из Норвегии. Она должна была участвовать в завершающей, самой важной части моего путешествия. Сперва мы благодаря любезной помощи властей Ньюфаундленда пролетели на самолете над большей частью восточного побережья. Я получил общее представление о крае. Фьорды, множество островов, деревушки, и вдали — безбрежные леса...

Потом мы направились на север на теплоходе «Бакальё». Места эти очень похожи на побережье Северной Норвегии, с той разницей, что здесь живут проще и видишь много непривычного. Пассажиры, ехавшие кто на Лабрадор, кто на Ньюфаундленд, были типичными представителями здешнего населения. Худой, с тонкими чертами лица католический священник в черной сутане, веселая молодая эскимоска из Батл-Харбора на Лабрадоре, эскимос из еще более северной области, суровый охотник за пушным зверем, торговец, молчаливый индеец и другие. Настоящие северяне.

Мы заходили в уединенные рыбацкие поселки, где появление теплохода было событием. Толпа на пристани явно знала большинство наших спутников. Одни поднимались на борт перекинуться словечком с друзьями, выпить кофе, послушать новости, другие в это время занимались погрузкой, и никто не спешил.

Мы сошли на берег в Сент-Антони, деревушке, которая находится в пятидесяти километрах к югу от северной оконечности Ньюфаундленда. Здесь сходятся нити «Миссии Гренфелла» — организации, которая выполняет полезную работу на Лабрадоре и в северных районах Ньюфаундленда.

На рубеже нашего столетия отношения между индейцами, эскимосами и сеттлерами* на Лабрадоре были хуже некуда. Многочисленные обитатели огромного побережья часто становились легкой добычей негодяев, которые продавали им ром и выманивали у них пушнину и рыбу. Медицинской помощи коренные жители не получали. Голод и болезни косили людей.

Увидев во время инспекционной поездки эту горестную картину, шотландец Уилфред Гренфелл был так потрясен, что оставшиеся годы своей жизни посвятил заботе о здешнем народе. Он начал в 1892 г., можно сказать, на пустом месте и сумел благодаря своей энергии и организаторским способностям создать международный фонд, основанный на частных взносах. В Сент-Антони и Нортуэст-Ривере в глубине залива Гамильтон возникли современные больницы, а вдоль побережья — поликлиники и пункты первой помощи. Потом появилась авиация, и теперь, если в глухом

* Так обычно называют на Лабрадоре всех неиндейцев и неэскимосов. Как правило, они смешанного происхождения¹⁰⁷.

далеком селении кто-нибудь заболит, достаточно послать вызов по радио, и самолет доставит пациента в больницу. Для многих северных областей эта организация могла бы послужить образцом.

И поныне много делается для эскимосских и индейских детей, есть школы и профессиональные курсы. Руководит работой врач Гордон Томас. Он разносторонний специалист и очень много сделал для этого края.

Я пришел к доктору Томасу. Он меня совсем не знал, но живо заинтересовался моими планами и сказал, что охотно поможет нам. И в самом деле, доктор Томас очень много сделал для нас за пять лет экспедиции.

Я объяснил ему, что хочу обследовать северное побережье острова и затем зафрахтовать бот у рыбаков. Но доктор сообщил, что больница имеет катер «Альберт Т. Гулд», который дня через два пойдет на север. Почему бы мне не воспользоваться им? Медицинская сестра едет делать прививки, катер будет заходить в каждый поселок, и у меня будет время осмотреться. Превосходно!

И я отправился на «Гулде», славном суденышке длиной 44 фута. Капитаном был ветеран Нормен Смолл, команду составляли кок и механик. Медицинская сестра, англичанка Памела Свит, была молода и очаровательна, к тому же ее заинтересовала наша работа. Мы жили словно одна семья.

Сначала — короткая вылазка на юг до залива Хэйр, длинного фьорда, окаймленного лесистыми берегами. На севере была видна гора Уайт-Маунтин — ее высота около 300 метров, на юго-западе мы различили хребет Лонг-Рейндж. Я подумал о винландцах. Если они действительно жили в северной части Ньюфаундленда, то во время своих вылазок на восток они просто не могли не заметить залива Хэйр. Густые леса, кишашие лососем реки — заманчивый край.

Мы посетили два рыбацких поселка, и я впервые увидел, как живут здесь, на севере. Горстка беспорядочно раскиданных домиков, огороды с картофелем и овощами, дремлющие псы, ожидающие зимы тяжелые сани эскимосского типа (кометик), низкие вешала для вяления рыбы, шхуны у пристаней, вездесущие ребятишки. Народ здесь молчаливый, но радушный, гостей встречают улыбками. Лов трески самодельной снастью с маленьких ботов — невесть какое доходное дело, но люди как будто довольны жизнью.

И наконец мы пошли на север, в район, который я отождествлял с Винландом. Многие говорили о том, что именно там Лейв Эйрикссон построил свои «большие дома». Оправдаются ли мои догадки?

Восточное побережье было безлесным, и край казался неприветливым, но стоило зайти во фьорд, как впечатление изменилось. Мы заходили во все поселки подряд. У Памелы было много работы, так что у меня было время поговорить с людьми и осмотреть окрестности. Меня прежде всего интересовал травостой, пастбища — то, что было так важно для винландцев. Однако на восточном побережье, к моему разочарованию, не было ни одного по-настоящему зеленого уголка... И местные жители не знали никаких следов древних поселений.

Пройдя через узкий пролив у острова Кирпон, горы которого служат отличным ориентиром, а мыс Болд считается северной оконечностью Ньюфаундленда, мы, не останавливаясь, пошли вдоль северного побережья на запад до залива Пистолет. Позади осталось несколько рыбацких поселков, в том числе Ланс-о-Мидоуз; сюда мы зайдем на обратном пути.

С моря было удобно обозреть северное побережье. Ровная местность с небольшими горками, лишь кое-где невысокие гряды. Леса мало, однако еще недавно (как я покажу позднее) он доходил до самого моря. Вспомнилось, как Бьярне описывал первую увиденную им землю, вероятно, тождественную Винланду Лейва Эйрикссона. «Гор в этой стране нет, но есть леса и низкие увалы». Вдоль берегов тянулись острова и шхеры. Да, похоже на рассказ о разведочном походе Турвалда из домов Лейва на запад. Дальше всех в море забрался остров Грейт-Сакред-Айленд, он и размерами выделялся среди других.

Мы шли слишком далеко от берега, чтобы я мог судить о растительности, однако равнина у Ланс-о-Мидоуза показалась мне очень заманчивой.

А пока что мы ее миновали, и перед нами открылся фьорд Пистолет, обращенный к северу словно разверстый зев. На восточном берегу, недалеко от горловины фьорда, в глубине бухты Ха-ха очень уютно расположился рыбацкий поселок Рейли. Мы причалили. Я увидел низкорослый лес, неплохие луга — местные жители держали коров. Но никто из них не слышал, чтобы тут и вообще на берегах залива Пистолет находили остатки древних поселений.

Как уже говорилось, В. А. Манн и В. Таннер отстаивали теорию, по которой винландцы обосновались в заливе Пистолет, однако полевые поиски не обнаружили следов норманнов. Вместе с двумя боевыми мальчишками, Хорвеем и Авелем, я прошел по восточному берегу фьорда. Прогулка была интересной, ребятам не терпелось показать, чем богат их край. Они тащили мне причудливые раковины и больших крабов, находили в траве гнезда, тянули к кустам крыжовника, красной смородины и калины. То и дело нам попадался колыхавшийся на морском ветру колосняк, который издали вполне можно было принять за пшеницу.

Так мы дошли до чудесного маленького озера, обрамленного елью, камышом и редкой травой. Его соединяла с морем короткая речушка, правда, слишком мелкая, чтобы по ней (во всяком случае в наши дни) можно было провести корабль викингов. Выше лежали озера побольше, в них заходит лосось.

Но и здешние пастбища показались мне скудными, вряд ли винландцы стали бы останавливаться в этом краю. То же можно сказать о лесистых берегах в глубине залива Пистолет, которые я исследовал потом.

Начав изыскания от штата Род-Айленд на юге Северной Америки, я прошел вдоль берегов пешком, пролетел на самолетах и проплыл на судах несколько тысяч километров. Всюду меня ждали разочарования. И вот похоже, что на северном берегу Ньюфаундленда, на который я возлагал столько надежд, мне тоже не посчастливится. Я еще раз перебрал в уме все доводы в пользу норманнского поселения и решил, что древняя исландская карта не может обманывать. Слабое утешение...

И вот тут-то, машинально задав очередному встреченному мной ньюфаундлендцу вопрос, с которым я обращался ко всем на североамериканском побережье, я услышал...

— Следы поселений? — Он почесал затылок. — Говорят, вроде бы есть что-то такое в Ланс-о-Мидоузе. Но точно об этом знает только Джордж Декер, он тамошний староста.

У меня было такое чувство, словно я подсек лосося. Правда, многообещающие сведения уже не раз обманывали меня, но здесь ведь предпосылки были другими. Мало того, что Ланс-о-Мидоуз лежит на северном берегу острова, так я еще по пути заметил, как заманчива тамошняя равнина. А само название «Мидоуз»! Это по-английски

«луга» — то самое, чего искали викинги. На обратном пути «Гулд» зайдет в Ланс-о-Мидоуз и у Джорджа Декера я узнаю о следах. Но уже и сейчас слова рыбака были для меня как луч солнца, пробившийся сквозь тьму.

Сперва мы направились в Шип-Коув на западном берегу залива Сакред-Бей, у самой его горловины. Эта маленькая рыбацья деревушка очень привлекательна — зеленые холмы, уютные домики. Здесь я познакомился с чудесной женщиной, Бертой Декер. Ей 94 года, она слепа, но обрамленное густыми серебристыми волосами тонкое лицо выглядит удивительно молодо. Старая рыбацка держалась с большим достоинством, ее признали бы в любом обществе.

У Берты Декер бесподобная память. Она подробно рассказывала про свою молодость, о соперничестве английских и французских рыбаков, об охоте на тюленя, белого медведя и песцов, которых весной приносили дрейфующие льды, об ужасных кораблекрушениях, об эскимосе Маггишу, некогда жившем у Сакред-Бэй. Насколько известно, Маггишу и его семья были последними эскимосами на севере Ньюфаундленда. Берта Декер тоже слышала про следы древних поселений в Ланс-о-Мидоузе. Они были известны здесь еще до приезда первых европейцев.

— Но никто не знает, чьи это были дома, — добавила она.

И вот мы обошли все северное побережье, остался только Ланс-о-Мидоуз.

Пробираемся между островов, шхер и отмелей, и я замечаю, насколько пейзаж здесь отличен от всего, что мы видели до сих пор. Перед нами зеленая равнина, на севере оканчивающаяся мысом. Вдали от берега рельеф волнистый, кое-где торчат утесы, высятся пригорки.

Рыбачий поселок лежит на восточном краю равнины, куда мы и подошли. Я насчитал восемь-девять домиков. Глухое место — дорог нет, рейсовый катер сюда не заходит. Маленькая община живет лицом к лицу с морем.

...Навстречу мне идет крепкий, коренастый мужчина лет пятидесяти. Это Джордж Декер, бородатое лицо сурово, но в глазах мелькает веселая искорка. Он держится уверенно.

Спрашиваю про следы старых поселений и слышу четкий ответ:

— Есть следы, возле речки Черная Утка.

— А кто-нибудь там занимался раскопками?

— Их никто не видел, кроме здешних. И без моего ведома никто не сходит на берег в Ланс-о-Мидоузе, — говорит он голосом человека, который привык, что с ним считаются.

По узкой тропе идем через равнину на запад. Вижу пасущихся коров, на бугре — стадо овец.

Десять минут, и мы у залива Эпаве. В самом деле, тут очень мелко: сейчас отлив, и обнажились большие участки дна. В море впадает речушка с красивым названием Черная Утка. Поблескивая, извивается она среди вереска, кустов и травы на равнине.

Недалеко от бухты выступом к речке изогнулась невысокая — около четырех метров над уровнем моря — древняя береговая терраса.

— Пришли, — говорит Декер.

Замечаю на террасе какие-то возвышения, почти исчезающие в траве и вереске. Никакого сомнения — следы жилья, причем очень давние. Я выделяю пять участков, но их может быть и больше, потому что кое-где проступают еще неровности, которые могут оказаться следами построек.

— А кто тут жил? — спрашиваю Декера.

Он качает головой:

— Этого никто не знает. Бугорки эти были здесь до того, как рыбаки поселились в Ланс-о-Мидоузе и в других местах побережья. А мой род сюда первым пришел.

— Может быть, в старину тут останавливались китобои и рыбаки?

Он показывает на бухту, на оголившееся дно:

— Что же они, совсем не соображали? Кто будет строить там, где и причалить-то нельзя! Или они шли к берегу вброд и тащили кита на себе?

Обвожу взглядом равнину, потом смотрю на север, где в море раскинулись острова. Вдали виднеется Белл-Айл, голубеют берега Лабрадора, мимо которых шли на юг винландцы.

Где-то я уже видел что-то похожее... Да, Ланс-о-Мидоуз во многом напоминает мне окрестности норманнских усадеб в Гренландии: зеленый луг, журчащая речушка, ровные просторы, вид на море и, пожалуй, еще что-то неуловимое. Люди с арктического острова должны были чувствовать себя здесь как дома.

Но это пока одни догадки, лишь раскопки дадут ответ.

РАЗВЕДОЧНЫЙ ПОЛЕТ НАД ЛАБРАДОРОМ

Осень еще не кончилась, можно было успеть кое-что сделать до археологической экспедиции, которую я наметил на следующий год. Через год я приду на своем судне; на собственном транспорте я смогу осмотреть другие районы, в частности, побережье Лабрадора. Людей будет достаточно, можно провести такое исследование без ущерба для раскопок. Берега и прибрежные воды Лабрадора особенно интересны, ведь там проходил маршрут винландцев и находился их ориентир — Фюрдюстрандир, там они добывали лес, и, возможно, даже селились в приморье.

Но не мешало бы заранее составить представление об этом огромном крае. И я совершил увлекательное путешествие, позволившее мне увидеть приморье с воздуха. Нам помогла в этом «Миссия Гренфелла», кроме того, Управление охраны лесов и животного мира на несколько дней предоставило нам свой самолет. Словом, ко мне отнеслись чрезвычайно предупредительно.

Площадь Лабрадора около 1,3 миллиона квадратных километров, это в четыре раза больше Норвегии. Полуостров расположен между 51 и 61° северной широты, что соответствует в Европе области между Лондоном и Шетландскими островами. Идущее вдоль берега на юг холодное Лабрадорское течение заметно влияет на климат.

Солнечным днем мы вылетели на север, где, омываемая морем, лежала обширная дикая земля. Лабрадор с птичьего полета — замечательное зрелище. Теряющиеся вдали берега, изрезанные множеством фьордов, нескончаемая цепочка островов, стаи птиц, могучие дрейфующие айсберги

и редкие признаки жилья... Береговая полоса казалась голдой и неприветливой, но в глубине полуострова бескрайним зеленым ковром простирался лес. Тут и там виднелись большие болота, горные гряды, озера, и все пронизывала сеть сверкающих рек, которые извивались такими причудливыми петлями, что едва не завязывались в узел.

В Сэндвич-Бее мы получили самолет в полное распоряжение и принялись изучать побережье, летая совсем низко, чтобы получше рассмотреть заливы и берега.

Однажды мы приземлились у озера Мускусная Крыса, расположенного в истоках богатой лососем реки Орлиной. Здесь стояла палатка, в которой жили три сторожа; они следят за пожарами — бичом лабрадорских лесов. Нас приняли радушно. Возле палатки была растянута для сушки свежая шкура черного медведя, и один из сторожей возмущенно рассказывал, что этот медведь по ночам повадился ходить на помойку, это бы еще ничего, но он затеял царапать палатку, не давал спать! Такого безобразия нельзя было терпеть.

Мы решили проверить клёв в озере Мускусная Крыса. И убедились, что другого такого рыбного места надо поискать! Только забросишь, а на крючке уже лихо бьется форель, да какая — от одного до трех килограммов.

Отсюда мы направились дальше на север. Заметно выделялись берега у мыса Дикобраз, которые нам в следующем году предстояло исследовать подробнее; словно широкий и длинный белый бордюр тянулся вдоль леса. Местность казалась сверху особенно плоской.

...Летим над огромным заливом Гамильтон до лежащего в самой глубине городка Нортвэст-Ривер. В центре жилого массива стоит больница «Миссии Гренфелла». Руководит больницей доктор Пэден, ветеран, много лет жизни отдавший северу. Он предложил нам воспользоваться на следующем этапе экспедиции самолетом миссии.

Но сперва мне хотелось поговорить с людьми, выяснить кое-что, что могло пригодиться нам во время путешествия, намеченного на следующий год.

Мы остановились у Сиднея Блейка, бывшего заготовщика пушнины, который занялся теперь ловом лосося. Он был известный охотник, много лет зарабатывал на этом деле хорошие деньги. В лабрадорских лесах водится куница, бобр, мускусная крыса, норка, рысь, медведь, лиса, олень

карибу и другой зверь. Еще не так давно здешние охотники поставляли ежегодно до тысячи шкурок бобра и много тысяч шкурок куницы и норки⁶⁷.

В низкорослом лесу за рекой белели палатки. Мы наведались туда. Кругом стояли вешала, на которых вялился лосось; старая женщина сидела на корточках у костра; рядом лежали тощие собачонки. Индейское стойбище для меня не новинка; я быстро разговорился с его обитателями. Смуглые девочки окружили Бенедикту. Получился своеобразный контраст: белокурая норвежская девушка среди юных лесных жительниц с длинными волосами цвета воронова крыла.

Жители стойбища принадлежали к племени монтэнь¹⁰⁸, исстари обитающему в этом крае. Прежде они кочевали, каждую осень поднимались на каноэ вверх по рекам и зимовали в глубине полуострова. Тогда важнейшую роль в их жизни играл олень. Но времена меняются, сюда проникла цивилизация, и былой энергии нет и в помине. Об индейцах всячески заботятся, однако недаром говорят: плохо, когда не помогают индейцам, еще хуже, когда им помогают чересчур.

Из Нортуэст-Ривера мы вылетели на северо-восток, к морю. Под нами простирался лесной край с болотами, с мозаикой озер и могучими реками. Местами лесная подстилка была словно светло-желтый ковер — это устилал землю лишайник. Отчетливо выделялись звериные тропы.

Самолет сел в Макковике. На пристани стояли улыбающиеся эскимосы. Бросилась в глаза довольно резкая разница между молчаливыми индейцами, детьми леса, и людьми, населяющими приморье. Не только по поведению, но и по духовному складу эти народы совсем непохожи друг на друга, и можно понять их исконную вражду.

В этой области действует «Моравская миссия». Она начала свою работу на севере Лабрадора еще в 1752 г., когда условия жизни были совсем примитивными и европейского поселенца подстерегали всякие опасности. Миссия выстроила вдоль побережья посты, и эскимосы собирались вокруг них. В последние годы самые северные посты в местах, где была лучшая охота, закрылись (Киллинек, Рамах, Хиброн и Окак). Причин для этого много; насколько я понимаю, главным является расхождение во взглядах на то, как обращаться с коренным населением.

Мы встретились с Кетти Хетташ, дочерью покойного миссионера Пауля Хетташа, завоевавшего добрую славу своей многолетней работой. Она познакомила нас с эскимосами. Самыми интересными были недавно переселенные с севера хиброны¹⁰⁹. Они сохранили какую-то первобытную силу. Для них построили домики в ряд по-городскому, и теперь молодые и старые слоняются бесцельно по поселку. Они не мерзнут, не голодают, но искра радости в них словно погасла. Я разговаривал с одним стариком — с каким жаром вспоминал он свою страну на северном побережье, охоту на тюленей... Как и все эскимосы, хиброны смирились с судьбой, но тоска по родине прочно засела в их душе.

И мне вспомнился случай в Гренландии, когда мы с женой объезжали древние норманнские поселения. На утесе перед своим домом, глядя в море, сидел эскимос. Просто сидел и глядел. Мы разговорились; он сказал, что его родина далеко на севере, но власти переселили всех жителей стойбища на юг. Речь коснулась войны, он о ней кое-что слышал. Моя жена рассказала, как враги схватили ее отца и долго держали в тюрьме. Эскимос не знал, что такое тюрьма, но смысл уловил и истолковал этот эпизод как худшее, что может случиться с человеком. Он тихо вымолвил:

— Его переселили...

Наш собеседник поведал мне много интересного о крае, рассказал о развалинах на месте старых приморских поселений. При этом он говорил о следах жилья, которые, по его мнению, явно принадлежали другому народу — вероятно, туннитам. Старые предания о туннитах я слышал и в других местах побережья. Полагают, что это — дорсетские эскимосы, своеобразное племя, с которым, вероятно, встречались винландцы, но которое затем исчезло. Дальше я еще вернусь к ним.

Прежде на северных берегах Лабрадора было гораздо больше эскимосов. Они называли себя красивым именем — серкинермиут (народ, живущий на солнечной стороне, то есть на берегу, обращенном к востоку). Было много племенных групп. От болезней, распространенных в цивилизованном мире, погибло немало эскимосов. В 1918 г. от испанки только в стойбище Окак из 310 человек умерло 216. В последние годы жизнь эскимосов наполнилась новым содержанием. Немалую роль сыграло то, что они занялись

ловом трески. Продолжается бой тюленей, но их стало очень мало. Осенью эскимосы ловят арктического гольца, большими косяками идущего в реки. На оленя почти не охотятся. Время каяков миновало, эскимосы обзавелись моторными лодками, однако сани с собачьими упряжками сохранились, сохранилась и лабрадорская собака — выносливое, красивое животное. Новые времена повлекли за собой много перемен, но душа эскимоса прочными нитями связана с прошлым.

Летим дальше на север, в Нейн. Внизу вереницей тянутся острова и отмели. Это — характерная черта побережья, начиная от Белл-Айла. Наверно, норманны держались подальше от опасных шхер и подходили к неизвестному берегу только там, где фарватер был относительно свободным.

Обозревая с самолета море и изрезанный берег, я думал о винландцах и о маленьких открытых судах, которые давным-давно шли здесь на юг. Искушенные мореходы пытливо всматривались в проплывающую мимо чужую землю: годится она или надо идти еще южнее?

В приморье лес утвердился лишь в немногих защищенных уголках, но на запад простирались сплошные массивы. Далеко в сушу врезались фьорды, в них впадали богатые рыбой реки Каипокок, Канарикток и другие. По берегам фьордов стоял лес, но травы было маловато. На лабрадорском побережье достаточно мест, где гренландские норманны могли заготовить нужный им лес. И если они зимовали здесь, скажем, чтобы добыть ценные шкурки куницы и бобра или заготовить моржей и тюленей, то прокормиться им было во всяком случае не труднее, чем на родине. В море — треска, в реках — форель, голец и лосось, в лесах — сколько угодно оленя.

Внизу промелькнул Девис-Инлет, красивое селение в лесу, прикрытое с моря большим островом Укасиксалик. Здесь обитают самые северные индейцы — наסקапи (позже я гостил у них). Мы различили на опушке несколько палаток.

И вот Нейн — горстка домов и церковь под горой, густой ельник по склонам. Уже появились дрейфующие льды, и летчик не сразу высмотрел подходящую полынью для посадки. Севернее Нейна на лабрадорском берегу теперь нет эскимосов.

Мы снова познали гостеприимство лабрадорцев. Много важного и полезного рассказал нам о приморье Фред Груб, руководитель местного отделения «Моравской миссии». Немало поведал и «лесной человек» Э. П. Уилер. Вместе с женой он как раз собирался идти на лодке в северную глушь, где задумал зимовать.

Уилер — геолог.

— Я выбрал эту профессию, — рассказывает он, — потому что только она позволяет жить в делях и в то же время приносить людям пользу.

Почти тридцать лет он странствует в северных районах Лабрадора, куда никто не забредает, если не считать случайных эскимосов. Участвуя в их санных переходах, Уилер научился говорить по-эскимосски. Но чаще всего он путешествовал один; теперь его сопровождает жена. За много лет он провел геологическую съемку на огромной неизведанной территории.

Уилеру по душе такая жизнь, об этом говорит его заразительный смех и неизменно веселое расположение духа. Ему сейчас около шестидесяти, жена немногим моложе его, но ходит она легко и отлично управляется с веслом. Они два года проводят в делях, год — в цивилизованных краях. Дом Уилеров находится в штате Нью-Йорк, там они принадлежат к светскому обществу.

— Когда муж возвращается из очередного странствия, — говорит, улыбаясь, миссис Уилер, — он пьет только лучшие вина и непременно из хрустальных бокалов.

Я познакомился также с эскимосом Исаком. Добродушный старик охотно отвечал на все мои вопросы. Рассказал мне про приморский край, про остатки жилья, которые показались ему необычными. Постараюсь как-нибудь их исследовать... Скорее всего, там жили эскимосы, но когда ищешь в диком краю, стоит осмотреть все следы. Тем более что в лабрадорском приморье было очень мало раскопок.

Воздушная рекогносцировка, которая началась на Ньюфаундленде, дала мне хорошее общее представление о южном маршруте винландцев. К тому же я увидел и услышал многое, что должно было пригодиться мне на следующий год, когда часть экспедиции отправится на север, чтобы работать на Лабрадоре.

Поздняя осень. Похолодало... Треска ушла в море. Высоко в небе на юг широким клином летели дикие гуси. Скоро нагрянет зима: лед вдоль побережья, снежные заносы в лесу. Жители Нейна надолго будут отрезаны от внешнего мира. Помчатся по льду собачьи упряжки.

По примеру диких гусей мы с Бенедиктой полетели на юг. И вот опять под нами северный берег Ньюфаундленда. Вот раскинулась широкая равнина вокруг Ланс-о-Мидоуза, вот извивается Черная Утка, вот терраса, где мы нашли остатки древнего жилья. Какую тайну хранит земля?

**НА „ХАЛТЕНЕ“
ВДОЛЬ
СЕВЕРНЫХ БЕРЕГОВ
ЗАЛИВА
СВЯТОГО
ЛАВРЕНТИЯ**

Наше судно называлось «Халтен». Это была заслуженная норвежская спасательная шхуна, длина сорок семь футов, крепкие шпангоуты, прочная обшивка. Колин Арчер, построивший «Фрам» для Фритьофа Нансена, и тут создал настоящий шедевр. Четкие линии, гордая осанка — сразу виден твердый характер. Шхуна была рождена для единоборства с самыми сильными волнами. Когда у норвежского побережья бушевал шторм, разбивая рыбацьи боты, как раз такие спасательные суда поднимали паруса и пробивались к ним на помощь сквозь непогоду. Наша шхуна в чужом порту резко выделялась среди других кораблей, и моряки подолгу любовались ею. Крепкое, надежное судно. Правда, качало на «Халтене» сильно.

Прежний владелец поставил на палубе каюту. Уменьшилась парусность, зато размещалось больше людей. Кроме моей жены Анны Стины и меня, на борту были капитан Пауль Сёрнес, уроженец Сюннмёре, хорошо знающий воды Шпицбергена и Гренландии; доктор Одд Мартенс, мой друг детства, с которым мы много раз летом ходили в походы по горам Норвегии; Эрлинг Брюнборг, совершивший кругосветное плавание на спасательной шхуне того же типа, что «Халтен», фотограф, превосходный моряк и мастер на все руки; и, наконец, моя дочь Бенедикта.

Мы решили перебросить шхуну через океан до Монреала на грузовом пароходе. Оттуда спуститься на ней по реке Святого Лаврентия, плыть вдоль северного берега залива Святого Лаврентия на восток, пройти через Белл-Айл, добраться до Ланс-о-Мидоуза на северной оконеч-

ности Ньюфаундленда и приступить к раскопкам жилых слоев, найденных мной годом раньше. В пути мы осмотрим северный берег залива Святого Лаврентия, так как многие исследователи считали, что винландцы доходили туда. Мы знали, что из-за дрейфующих льдов в проливе Белл-Айл в Ланс-о-Мидоуз нам не попасть раньше июня.

...Майским днем «Бюклефьорд» осторожно пробирался по черным полыньям среди льдов, запрудивших бухту Святого Лаврентия. Под солнцем кругом сверкали плавучие льдины. «Халтен» стоял на задней палубе «Бюклефьорда» — необычно высокий и какой-то унылый, словно раздетый — и явно тосковал по воде.

Мы вошли в реку и поднялись до Монреалья, города с миллионным населением, выросшего там, где некогда находилось крупное стойбище ирокезов — хочелага. Мощный кран поднял в воздух «Халтена». Мы с беспокойством следили за полетом нашего судна. Но вот раздался громкий всплеск, и борта старушки шхуны вновь ощутили прикосновение волн. Мы облегченно вздохнули.

В Монреале мы закончили приготовления. Тут живет немало норвежцев и канадцев норвежского происхождения, и нас принимали исключительно радушно, всячески помогали нам. Правда, нерушимая вера новых друзей в то, что мы непременно найдем поселение Лейва Эйрикссона, несколько смущала меня. Все еще так неопределенно, и я уже столько раз разочаровывался...

Десятого мая «Халтен» отчалил. Исчезла вдали пристань с толпой провожающих, а затем и весь город. Мы шли вниз по реке Святого Лаврентия. Наконец-то в пути!

На юге простиралась равнина с небольшими селениями. На севере высились горные гряды, и на склонах одной из них эффектно расположился Квебек. Яркое полыхнула на солнце медная крыша. Навстречу плыли огромные пароходы — только что началась навигация к Великим озерам. Все-таки удивительно — большие суда могут спокойно заходить в самое сердце материка!

Далеко в реку вдавались изгороди. Позднее мне рассказали, что их ставят для лова угрей. Здесь вообще много разной рыбы, но прежде, судя по описаниям, ее было куда больше. Картье, ходивший сюда в 1534—1535 гг., а также в 1543 г., сообщает: «В реке столько рыбы, что никто не видел и не слышал ничего подобного». Особенно интересны его слова о том, что киты, дельфины, тюлени, моржи и

белухи поднимались по реке до «Канады», то есть до Квебека.

По берегам тогда жили ирокезы. Они выращивали кукурузу, но занимались также рыболовством, умели бить гарпуном китов. Картье первый столкнулся с коренными жителями края. Он описывает стойбища и полуобнаженных индейцев, которые подходили на каное с товаром для обмена. Они боязливо смотрели на большой корабль и странных чужеземцев, готовые в любую секунду обратиться в бегство.

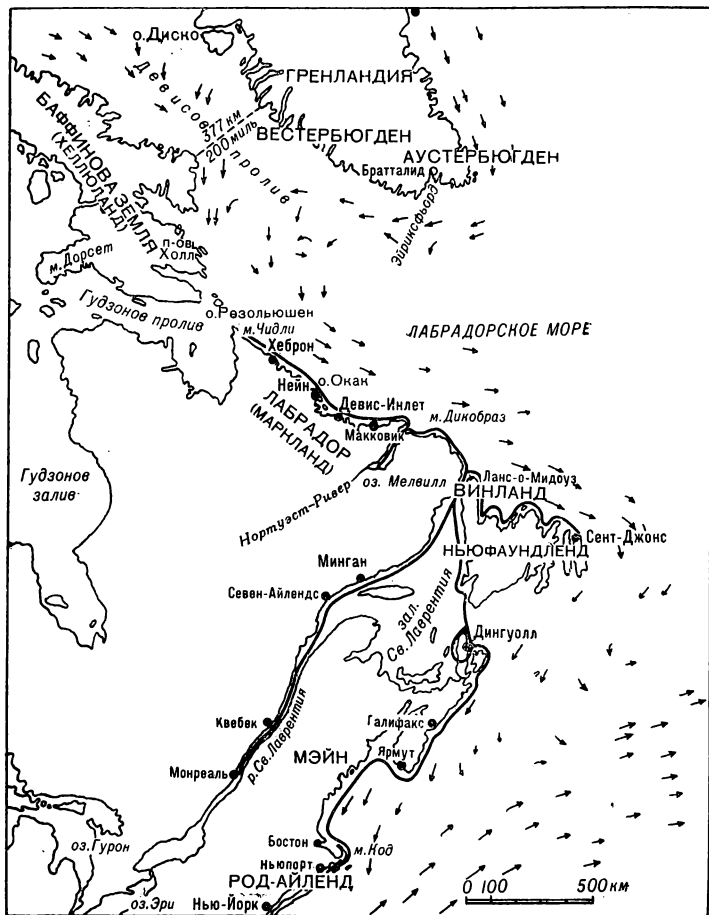
Граница винограда проходит здесь севернее, чем в при море. Картье рассказывает: «По обе стороны мы видели лучшие и красивейшие земли, какие только можно себе представить, с великолепнейшими деревьями, и вдоль берегов было столько виноградной лозы, осыпанной гроздьями ягод, что казалось, виноград не дикий, а посажен людьми. Но так как он не культурный и не привитый, ягоды не такие крупные и сладкие, как у нас». Впрочем, Картье порой сильно преувеличивал, описывая открытые им страны. Я разговаривал с одним французом, знающим оба берега реки как свои пять пальцев, — он нигде не видел дикого винограда.

За большим островом Орлеан река так раздалась вширь, что напоминала фьорд. Стаи уток и других водоплавающих кружили у островов и длинных отмелей. Возле острова Иль-о-Кудра мы заметили в воде что-то белое, сперва поодаль, потом ближе и со всех сторон. Это шли белухи — маленькие киты, которые водятся в арктических водах. Белухи лениво всплывали, набирали воздух и опять погружались, порой возле самой шхуны.

Косяк был немалый; наш капитан, опытный полярник, прикинув, сказал, что китов не менее четырехсот-пятисот. Старые источники сообщают, что индейцы охотились на белуху, они поражали ее гарпуном, потом добивали стрелами. Когда добычу вытаскивали на берег, «созывали всех вождей, и они пели от радости».

Я вспомнил об эскимосах, у которых белуха и особенно ее богатая витаминами кожа — матак — любимое блюдо. Вот бы они порадовались! Возможно, именно белуха побудила их проникнуть так далеко на запад. Известно, что эскимосы доходили до Мингана, для них это был пустыковый переход.

Мы завернули в деревушку Сен-Симон, лежащую напротив вытянутого Заячьего острова. Датский профессор Стенсбю считает, что здесь была база Турфинна Карлсэвне (Страумфьорд). А Заячий остров — Страумэй. Я обследо-

Маршруты экспедиций автора к берегам Северной Америки.

вал местность, но мне показалось, что этот край не мог привлечь норманнов. Травы мало, река слишком мелкая, чтобы в нее могли войти корабли, нет ни одной закрытой бухты.

Миновали устье реки Сагенэй, зажатой между крутыми стенами из гнейса и гранита. По Сагенэй можно подняться довольно далеко на больших судах. Картье сообщает, что здесь проходил путь в индейское «королевство и землю Сагенэй».

Потом шхуна направилась к городу Севен-Айлендс. Шли ночью. Погода была бурная, море светилось — от винта за кормой тянулся мерцающий шлейф. Вспарывая носом волны, «Халтен» разбрасывал в ночи каскады пламени.

Севен-Айлендс — своего рода современный Клондайк. В лабдорских дебрях найдена железная руда. Месторождение огромное, разрабатывать его легко, и американский крупный капитал развил кипучую деятельность. Быстро проложили железную дорогу на север, и там, где прежде индейцы ставили свои палатки, теперь вырос город с пятнадцатью тысячами жителей, большими магазинами, джазом и жевательной резиной. В год добывается около двенадцати миллионов тонн руды, за сезон в порт заходит пятьсот — шестьсот судов.

Исстари здесь обитали индейцы монтэнье, ветвь племени алгонкинов, родственная другим индейцам, населяющим северное побережье залива Святого Лаврентия и полуостров Лабрадор. В прошлом индейцы летом разбивали лагерь у Севен-Айлендса, а осенью уходили на своих каноэ вверх по рекам, в страну оленей. Там они проводили зиму и весну, а после ледохода опять спускались к стойбищу у соленой воды.

Как они живут теперь? Бурный рост города и промышленности словно раздавил их. В центре для индейцев отведен особый район, несколько жалких домов. Уныло выглядят и люди. Дальним странствиям в дебрях пришел конец. Участок, занимаемый индейцами, сильно поднялся в цене, и городские власти уговаривают их переселиться, предлагают выстроить новые дома. Не тут-то было. Индейцы умеют стоять на своем: здесь они когда-то ставили свои палатки и здесь хотят жить впредь.

Из Севен-Айлендса мы ходили вдоль побережья и на кишашие птицами острова. На них живут странные бакланы. Они, в отличие от других бакланов, гнездятся не на скалах, а на макушках елей. Поглядишь — сидят, будто глухарки, на деревьях длинношее мамыши.

Один раз нас застиг шторм. Я волновался: Анна Стина, Бенедикта и Брюнборг отправились на экскурсию в малень-

кой пластмассовой лодке с подвесным мотором. Боясь беды, мы пошли на «Халтене» искать их. Приметили на одном островке костер и, когда шхуна свернула в бухту, увидели пляшущую на гребнях скорлупку. Они основательно промокли и продрогли, но не пали духом.

Пошла мойва. Миллиардные косяки этой небольшой рыбы устремились к побережью, и волны выбрасывали ее на сушу. Рыбаки радовались: значит, треска недалеко. Население приморья живет ловом трески, и появление мойвы праздновали по старому обычаю. Вечером вдоль берега загорелись костры. Собралась молодежь, поминутно кто-нибудь бежал к воде, зачерпывал сачком блестящую рыбу и нес к огню. До поздней ночи царило веселое оживление.

Идем дальше вдоль берега на восток... Полчища птиц — чистики, гаги, чайки, утки; одни кружили над шхуной, другие проносились мимо, целые стаи качались на волнах. Иногда из воды высывалась черная спина кита и вверх взлетал фонтан. Далеко на юге голубела полоска суши — огромный остров Антикости.

Приморье выглядело однообразно, почти сплошь камень, утесы, лесистые пригорки; в устьях рек рельеф поровнее. Здешнее население — белые и индейцы — живет уединенно, как на Луне. Главное занятие — лов трески; кроме того, развит пушной промысел. Заработки невелики.

Интересно было заходить в эти поселки — все равно что попасть в далекое прошлое. Время в этом краю будто стояло на месте. Самое важное лицо в поселке — патер в черной сутане. Язык — что-то вроде древнефранцузского; живущие дальше на западе канадцы французского происхождения с трудом его понимают. История этих поселений восходит к тому периоду, когда множество европейских судов приходило в залив Святого Лаврентия ловить рыбу, промыслять тюленей и китов. Кое-кто из моряков женился на индейских девушках и осел на берегу. Потом появились еще переселенцы. Многие не помнят своих предков, но мне кажется, что здесь немало выходцев из Северной Франции.

Люди тут радушные, нас охотно приглашали в дом. В комнатах царили чистота и порядок, на почетном месте красовались семейные реликвии. В одном доме я увидел антикварные часы из Нормандии, в другом — старинные французские стулья красного дерева. Один торговец рассказал мне про рыбака, у которого есть скрипка Стради-

вари, но он не хочет ее продавать: реликвия. Спиртных напитков мы нигде не видели. На гулянье, устроенном молодежью, подавали кока-колу, и всем было очень весело.

— Здесь совсем не танцуют? — спросил я пожилую женщину.

— Почему же, танцуют — на свадьбах, — ответила она.

В числе первых деревушек, которые мы посетили, была Минган, расположенная в очень красивой местности на берегу реки. На опушке стояли палатки индейцев. Мы быстро подружились с ними, особенно с вождем, которого звали Дамиен Мечутакаче. Он оказал мне большую честь — напел на магнитофонную ленту индейские песни. Босые черноволосые малыши, носившиеся по стойбищу, были неотразимы, особенно девчушки — обаятельные и прелестные, как лесные зверьки.

Эти индейцы показались нам энергичнее встреченных в приморье. Они по-прежнему осенью уходят на каноэ в глубь страны, хотя и не так далеко, как в старину. Зимой ездят на санях, причем на тобоггане обычного канадского типа, а не на тяжелых эскимосских кометиках, используемых рыбаками на морском льду. Собаки мелкие и тощие, как почти у всех индейских племен.

Точно установлено, что эскимосы доходили на западе по крайней мере до Мингана. А торговец Джордж Мелони и индейский вождь уверяли, что их можно было встретить и у Севен-Айлендса, и даже в нижнем течении реки Святого Лаврентия.

Существует много сказаний о битвах индейцев с эскимосами в районе Мингана. Эскимосы долго успешно соперничали с индейцами. Но потом, говорит предание, индейцы получили на одном французском фрегате кремневые ружья за пушнину. Это дало им преимущество, так что на Пойнт-Морте и Эскимо-Айленде эскимосы были разбиты наголову. Впоследствии, очевидно в XVII в., они постепенно ушли из этой области.

Жизнь на борту «Халтена» текла по заведенному порядку, но бывали и неожиданности. Капитану Сёрнесу не давала скучать машина — старый злоредный полудизель. Между ним и Сёрнесом возникла непримиримая вражда, которая не прекращалась до конца экспедиции. Вот «Халтен» весело бороздит волны, и капитан, стоя за штурвалом, напевает моряцкую песенку... Но машина решает, что пора испортить ему настроение. Подавилась выхлопом, презри-

тельно фыркнула раз-другой и заглохла, оставив «Халтен» во власти ветра. Капитан ныряет в машинное отделение, а там мотор, как назло, постарался напустить побольше дыма. Сёрнес яростно набрасывается на чудовище. Через несколько часов заклятый враг наконец укрощен. Весь в саже, измученный, но как всегда неунывающий, капитан садится на диван в салоне, берет гитару и поет о Ледовитом океане с таким чувством, что оперный певец позавидовал бы.

Наш кок, доктор Мартенс, стряпал так увлеченно, что казалось — именно в этом его призвание. Круглые сутки он ходил в поварском колпаке, а на ноги надевал гремучие деревянные босоножки с одним ремешком — и уверял, что это полезно. Просто чудо, что в такой обуви он в качку не вылетал со скользкой палубы за борт вместе с картофельными очистками. Больше всего Мартенс гордился своими пудингами, которые ставил студить на форпике. Но Брюнборг частенько прыгал за чем-нибудь в носовой люк, и тогда на пудинге появлялись отпечатки ног. Понятно, что кок ему спасибо не говорил.

Брюнборг, фотограф и путешественник, был изрядный оригинал. Для него корабли и море — самое главное в жизни. И моряк он первостатейный, не может сидеть на месте, по реям карабкается, как обезьяна, и всегда чем-нибудь занят. Натура у него спартанская, как у индейца. Мы находили его спящим на бухте каната, а то и просто на палубе в салоне, где он свертывался калачиком.

Нелегко женщинам в дальнем плавании на таком суденышке. Но Анна Стина и Бенедикта в любую погоду были веселы и никогда не жаловались.

А «Халтен»... Нет, я ничего дурного не могу сказать о нашей заслуженной шхуне, но качало на ней изрядно. Качало в тихую погоду, крепко качало при свежем ветре, ну а в шторм — сами понимаете.

— Треску не видели? — спрашивали нас первым делом в селениях.

Обычно она подходит к побережью в конце мая или в начале июня, но в этом году еще не показывалась, а ведь от нее зависело благополучие многих. Капитан Сёрнес — старый рыбак, время от времени он эхолотом нащупывал косяки. Тогда мы останавливались и забрасывали блесну. Пойманную треску мы развешивали на мачтах и штагах, словно какие-нибудь редкостные фрукты, и шли к ближай-

шему поселку. Люди дивились, завидев рыбу. Мы раздавали наш улов, и сразу устанавливался контакт, завязывался оживленный разговор.

В поселке Гавр-Сен-Пьер я отыскал Гектора Виньо, о котором мне сказали, что лучше него никто не знает историю края. Это был немногословный старик лет восьмидесяти, с красивым лицом. О развалинах он мало слышал, зато без конца мог рассказывать о былой жизни рыбаков, зверобоев и индейцев.

Виньо дал мне прочесть дневник своего отца, исторический документ, из которого можно узнать, как жили люди на берегах залива Святого Лаврентия лет этак сто назад. Дневник повествует о рыбной ловле и бое тюленей (тогда промысел велся гораздо интенсивнее), о езде на собаках, о кораблекрушениях и о многом другом. Я остро ощутил, как жестока была тогда борьба за существование. В дневнике подробно рассказано о страшной трагедии у острова Антикости. Там разбилось судно, на котором было девятнадцать человек. Припасов не хватало, и они стали умирать от голода. Мулат-силач убивал ослабевших и ел человеческое мясо. Дневник сообщает, что его нашли мертвым возле полного котла: видно, погиб от обжорства.

В Наташкуане (Медвежья река) мы встретили патера Фортина, энергичного молодого человека. Мне говорили, что по соседству с поселком живет группа индейцев, и я хотел расспросить их о крае, об остатках древних поселений и так далее.

— Пожалуйста, поезжайте за мной, — сказал патер, оседлал старый мотоцикл и помчался по тропе.

Надо было видеть, как он летел по заболоченной местности, скользил на больших камнях и подпрыгивал на ухабах. Встречный ветер развеивал черную сутану, четки болтались в воздухе.

Но с этими индейцами я не нашел общего языка.

...Снова на восток. Гляжу на берег и все время прикидываю: если винландцы заходили сюда, то какой район мог их привлечь настолько, что они решили строить дома? Я пытался проникнуться психологией моих предков-мореходов, представить себе, что стою на носу норманнского корабля.

Как только какое-нибудь место обращало на себя наше внимание, мы бросали якорь и на моторной лодке шли к берегу. Но при близком осмотре всюду оказывались

скудные земли, даже маленький клочок луга был редкостью.

Впрочем, попадалось и немало интересного. Мы знакомились с рыбаками, охотниками, индейцами. Или забирались в глушь — в царство животных. Ходили на лодке вверх по рекам в гущу леса, где бродит медведь и скопа ныряет за рыбой в заводь. Осматривали каменные сооружения эскимосов или индейцев, следы поселений рыбаков и охотников, остатки китобойных баз.

Кегаска — первый на нашем маршруте рыбацкий поселок, жители которого говорили по-английски. Оттуда мы пробились между все чаще встречающимися мелями и островами. Трудный фарватер для судна с осадкой девять футов. Один раз мы наскочили на мель, но все обошлось хорошо. Наступил конец мая, а погода еще стояла прохладная. Хотя мы были на широте Ла-Манша, листва не распустилась, — так сильно влияет холодное Лабрадорское течение на температуру и климат залива Святого Лаврентия.

И вот впереди Белл-Айл — узкий пролив между Лабрадором и Ньюфаундлендом. Пройдем? Или Белл-Айл, как это часто бывает, закупорен льдом? Мы облегченно вздохнули, увидев голубую гладь с редкими айсбергами.

Но сперва мы завернули в бухту Брэдор. На ровном берегу — несколько рыбацких домиков. Лет двести пятьдесят тому назад картина была совсем другой. Это здесь француз Огюстин Легардер, сеньор де Куртеманш, около 1704 г. учредил первое постоянное поселение колонистов на Лабрадоре. От губернатора Новой Франции он получил привилегию на область между 52 и 53° северной широты. Некогда здесь был форт. Следы многих из двухсот жилых строений сохранились до наших дней. То была пора беззакония. Китобои, рыбаки, торговцы и пираты бесцеремонно грабили край. Хуже всего приходилось индейцам и эскимосам, их угнетали и убивали. Они, как умели, давали отпор.

Сеньор де Куртеманш был человек недюжинного ума, ему удалось добиться мира в приморье. Он наладил торговлю с коренным населением, нанимал индейцев для промысла пушнины.

В поселке Блан-Саблон, лежащем недалеко от пролива, нам рассказали, что в прошлом году они убили белого медведя. На этой широте у берегов Лабрадора и Ньюфаундленда регулярно убивают единичных белых медведей. Судя

по старым преданиям, прежде полярный мишка частенько забирался довольно далеко на юг.

Пролив Белл-Айл по-своему замечателен. Как уже говорилось, он долго играл огромную роль и как морской путь и как промысловый район, необычайно богатый рыбой и морским зверем.

По нему совершались ежегодные миграции рыбы, тюленей, дельфинов, моржей, китов и белых медведей. Белл-Айл — ворота в залив Святого Лаврентия с его благоприятнейшими условиями для полярных животных. Холодное арктическое течение богато планктоном, реки тоже несут в море питательные вещества.

Следы палаток и развалины показывают, что этот район исстари привлекал индейцев и эскимосов. А после повторного открытия Америки сюда зачастили рыбаки и промысловики из многих стран. Нам сегодня просто трудно представить себе, сколько морского зверя проходило через пролив в те годы, когда край еще был девственным.

Особенно важное значение придавалось промыслу гренландского тюленя. В конце сентября он начинает миграцию от Гренландии и Баффиновой Земли и в ноябре достигает пролива Белл-Айл. В начале марта на постоянных лежбищах в заливе Святого Лаврентия появляется потомство, а в апреле — мае тюлень возвращается на север.

Наконец «Халтен» вошел в пролив. Мы придиричили осматривали берега, ведь многие исследователи считают, что сюда направлялись винландцы. Как я уже говорил, мне не очень-то верилось, чтобы норманны стали отклоняться от естественного курса — к северному берегу Ньюфаундленда и вместо этого пошли вдоль побережья, которое не сулило им никаких благ. Больше того, мы убедились, что берега Белл-Айла, если только винландцы заходили так далеко на юго-запад, должны были скорее отпугнуть их, чем привлечь. Кругом угрюмые голые скалы — с моря не видно даже клочка травы. В начале XVI в. Картье, проходя здесь, писал: «Это та земля, которую бог даровал Каину».

Миновав пролив, мы очутились в Лабрадорском море и пошли на восток вдоль северного берега Ньюфаундленда. В один из первых дней июня «Халтен» бросил якорь у Ланс-о-Мидоуза. На зеленой равнине паслись коровы и овцы. Сразу видно плодородный край — совсем не то, что мы наблюдали до сих пор на нашем долгом пути сюда.

ЛАНС-О-МИДОУЗ РАСКОПКИ НАЧИНАЮТСЯ

Глядя на освещенный солнцем Ланс-о-Мидоуз, идем на лодке в глубь залива Эпаве. Сейчас отлив, и последний отрезок пути до устья реки приходится преодолевать вброд и тащить лодку на руках.

Я снова на древней береговой террасе. А вот и следы жилья, еле видимые в траве. Тут и там возвышаются бугорки, и я глажу их рукой. Что расскажут нам эти следы? Какие люди здесь жили?

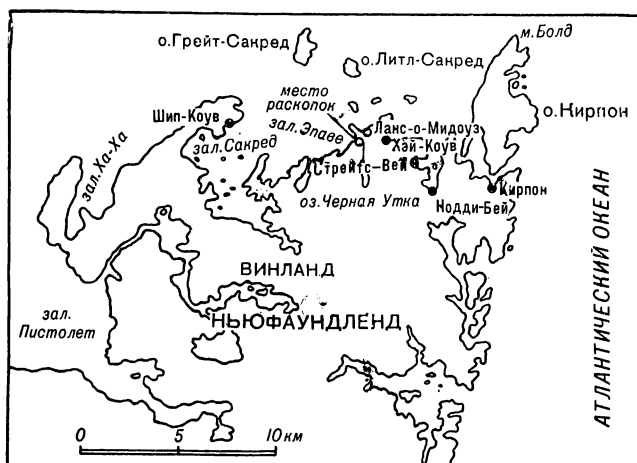
Старая знакомая — Черная Утка весело извивается на лугу и прыгает с небольшого уступа в море. Ветерок с моря колышет траву. Воздух прозрачнее, чем в прошлый раз, и острова видно очень четко. Возле самого дальнего — Грейт-Сакред-Айленда сидит на мели могучий айсберг; тут и кончится его чересчур смелое путешествие. На севере видны Белл-Айл и уходящие вдаль берега Лабрадора.

Стая уток проносится над низким увалом к западу от реки. Должно быть, они летят с одного из озер, многочисленных на юге, где на десятки километров простерлась равнина. Коровы щиплют траву на лугу, овцы бродят на холмах. Да, хорошо и красиво здесь в Ланс-о-Мидоузе.

Вскоре на тропе, ведущей из рыбацкого поселка за мысом, появляются люди. Джордт Декер, кто же еще, со своим верным псом Орвилем, и следом — гурьба ребятишек.

Начинаются раскопки. Мы волнуемся. Кто оставил следы? Возможен любой из трех вариантов: следы оставлены эскимосами или индейцами; китобоями или рыбаками, ходившими сюда после повторного открытия Северной Америки около 1497 г.; наконец, норманнами, которые побывали здесь до Колумба.

Приступаем к работе на небольшом участке возле реки, где довольно явственно проступают дерновые стены, образуя прямоугольник размером приблизительно $4 \times 3,5$ метра. Больше всего нас волнует, найдем ли мы каменные орудия или обломки, то есть предметы, обычные для тех мест, где обитали индейцы и эскимосы. Медленно углубляемся в культурный слой: нет, ничего похожего!

Северо-восточная часть Ньюфаундленда. Ланс-о-Мидоуз, где открыто и раскопано норманнское поселение доколумбовой поры.

У западной стены мало-помалу обнажается очаг — большой плоский камень на дне, стенки тоже выложены камнем. Он сделан очень тщательно. Рядом с очагом выстланная шифером яма, в которой сохранилось много древесного угля. Очевидно, она служила для приготовления пищи.

В восточной части помещения Анна Стина раскопала кострище; глинистая земля кругом порыжела. А у одной из длинных стен показывается небольшое возвышение, видимо, нары, на которых люди сидели и лежали.

Копаясь в земле рядом с кострищем, Анна Стина вдруг, поворачивается ко мне и спрашивает:

— Что ты дашь мне, если я найду что-нибудь, знакомое нам по Гренландии?

— Кольцо, которым ты так любовалась в Монреале, — отвечаю я, не раздумывая.

Она продолжает осторожно скрести и обнажает небольшое углубление площадью приблизительно 25×17 сантиметров. Оно сделано очень аккуратно, дно и стенки выложены шифером.

Но ведь это угольная камера — сюда сгребали угли и засыпали их золой, чтобы утром не разводить огонь заново. Такие камеры известны и в Исландии, и в Гренландии; их находили, раскапывая усадьбы Анавик, Хербулфнес, Валсэй и дом Лейва Эйрикссона — Братталид.

Закончив работу на этом участке, мы перешли на следующий. Используя светлые летние дни, археологи медленно зарывались в землю. На первых порах мы заметили следы пяти построек; размеры самой крупной были приблизительно 11×4 метра. Потом оказалось, что постройка больше.

Одна маленькая площадка заметно отличалась от остальных. Нас заинтересовала яма у края террасы. Что бы это могло быть? Доктор Мартене расчистил площадку, частично врытую в террасу и обращенную к реке. Между большой, поставленной торчком плитой и валуном был очаг. Кругом лежало много обожженных камней величиной с кулак и поменьше.

Возможно, раскаленные камни использовали для варки? Но малые размеры площадки и необычное расположение ее на террасе с выходом к реке подсказывало и другой ответ: это могла быть баня. У нас слишком мало оснований утверждать это, однако мы знаем, что в поселениях Гренландии были бани и что их как раз отличают груды обожженного камня.

Стоит заметить, что радиоуглеродный анализ дал 1030 год ± 70 лет. Это пора походов в Винланд.

На площадках, которые мы исследовали, нет ничего грандиозного; судя по следам, постройки были простыми. В плане они представляли собой более или менее правильный прямоугольник. Пол земляной; местами сохранились остатки дерновых стен и ясно видны пласты. Камень здесь не применялся, и это легко понять, так как поблизости можно найти только круглые валуны. Очевидно, основу конструкции составляли дёрн и бревна. Теперь здесь леса нет, но прежде (я постараюсь показать дальше) он несомненно подступал почти к самому морю.

При раскопках мы не находили никаких каменных орудий или обломков их, которые указывали бы на пребывание здесь индейцев или эскимосов. Не было также ни крючков, ни пенковых трубок, ни керамики, ни каких-либо других предметов, типичных для тех мест, где поселялись китобои и рыбаки. Вообще находок было мало. В числе самых важных назову несколько изъеденных ржавчиной железных гвоздей и кусок шлака. Шлак в глухом уголке на северной оконечности Ньюфаундленда! Это была неожиданность, она давала пищу для размышлений. Может быть, люди, жившие в этих домах, выплавляли железо из болотной руды? Дальнейшие открытия сделали эту находку еще более интересной.

Скудость материала объяснить просто. Во-первых, рыхлая кислая почва береговой террасы меньше всего способствовала сохранности каких-либо остатков. Мы убедились, что всюду, кроме мест, обожженных огнем, даже кости истлели или превратились в порошок. Железные гвозди почти сплошь изъела ржавчина.

Но этим объяснение не исчерпывается. Что могло остаться после винландцев, если они и впрямь жили здесь? Тысячу лет назад утварь была нехитрая, а в дальнее плавание вообще брали с собой лишь самое необходимое. Часть предметов, вероятно, была из дерева, но дерево давно истлело. Железные изделия представляли большую ценность для людей из страны, где железо вообще было редкостью. Меч, нож, молоток они, конечно, старались держать при себе.

И даже если бы они оставили что-то, индейцы или эскимосы, наверно, подобрали бы все или почти все. Лансо-Мидоуз лежал как раз у них на пути; идя вдоль побережья на каяках или каноэ, они заметили бы дома или развалины домов. Всякий, кто знаком с индейцами и эскимосами, знает, с каким жадным любопытством они относятся ко всему незнакомому, что появляется в их обособленном мире. Они мастера отыскивать предметы — глаза у них, как у коршуна. Разве могли они пройти мимо домов или развалин; для индейца или эскимоса кусочек железа был все равно что для белого золота. Несомненно, они основательно потрудились.

Известно, что, например, в Гренландии вдоль всего побережья, от южных областей до Туле и острова Элсмира на севере, в эскимосских стойбищах найдены норманнские

изделия. Причем не только железные и другие предметы, представлявшие практическую ценность, но и шахматы и прочая мелочь, которая могла стать игрушкой для детей или своего рода сувениром.

Характерный пример. Норманнская усадьба Валсэй, наверно, одна из богатейших в Аустербюгдене. Люди жили здесь около пятисот лет; во всяком случае, мы знаем, что в 1410 г. в местной церкви собралось много народу на свадьбу. А найдено тут очень мало. Доктор Оге Русселл⁶⁸ пишет: «Странно, даже непостижимо, что, раскапывая большой дом в Валсэй, мы нашли так мало предметов, притом совсем примитивных. Географическое положение, замечательная церковь и обилие построек делают Валсэй одной из самых больших и богатых усадеб всей колонии...»

Это нужно помнить тем, кто будет раскапывать эскимосские и индейские стойбища на Ньюфаундленде. Может быть, попадутся предметы, принадлежавшие тем, кто жил в домах Ланс-о-Мидоуза.

Мы наняли себе в помощь людей из рыбацких поселков. Под руководством Анны Стины они стали отличными рабочими археологической экспедиции; Карсон Блейк и Джоб Андерсон помогали нам каждый год. Интересно, что в роду Андерсона были норвежцы. Его дед Торстейн, уроженец Бегнадалена в Валдресе, эмигрировал в Канаду и попал в эскимосский поселок Макковик на севере Лабрадора. Он работал бондарем в компании «Гудзон Бей». Женился на эскимоске, которая родила ему уйму детей. Путешествуя вдоль берегов Лабрадора и Ньюфаундленда, я встречал невероятное количество Андерсонов. Этот норвежец, как говорится, оставил много следов.

По утрам, как только начинались работы, появлялся Джордж Декер. Громко стучала палка, на которую он опирался из-за больной ноги; по пятам за ним трусила его собака. Еще не дойдя, он начинал рассказывать очередной, нередко грубоватый анекдот, и сам же первый громко хохотал. Этот северянин отличался удивительной энергией и жизнерадостностью, к тому же он был неисчерпаемым источником не только анекдотов, но и всяких преданий о людях, животных и родной земле. В этом с ним никто не мог потягаться. Недаром его прадед был одним из первых поселенцев на острове.

Мы прозвали Джорджа Декера Биг Чиф (Большой Начальник) и эта кличка ему понравилась. Незаурядный

человек... При первой встрече в нем легко было ошибиться: смуглое морщинистое лицо с вызывающе задранным подбородком казалось довольно сердитым. Он и впрямь умел сердиться, когда что-нибудь было ему не по нраву, но нам он запомнился своей душевностью и тактом. Этот старый рыбак был настоящим джентльменом.

Джордж Декер держался с достоинством, не робел даже перед министрами и членами парламента, когда они нас навещали. В глухом уголке на северной оконечности Ньюфаундленда протекала вся его жизнь, здесь он сам поставил дом, вместе с сыновьями построил лодку, изготовил рыболовные снасти. Кроме того, у него было старое дедовское ружье и еще кое-какая мелочь. Больше он ни в чем не нуждался и чувствовал себя ровней любому. Редко я встречал таких независимых людей, как Джордж Декер.

Я уделил здесь столько места Биг Чифу не только потому, что он стал нам хорошим другом, но и потому, что он принес много пользы экспедиции. Теперь его нет больше, Биг Чиф недавно умер.

Погода улыбалась нам, часто выпадали солнечные дни, настолько теплые, что можно было работать без рубашки и купаться в реке. Летали комары, но это были пустяки по сравнению с теми роями, к которым я привык в других частях Канады. Болото за площадками побелело от цветущей морошки, на откосах террасы цвела земляника. Мы нетерпеливо ждали, когда распустит бутоны ирис. Наконец он расправил свои причудливо торчащие лепестки — и местами словно расстелились голубые ковры. Рыбаки были довольны: в море установилась нужная температура и косяки трески пришли к островам.

Дрейфующего льда не было, лишь изредка течение приносило одиночный айсберг. Великан, севший на мель у Грейт-Сакред-Айленда, уменьшался на глазах. Ежедневно около полудня мы слышали грохот — это откалывался очередной обломок. Сверкающая гора льда, словно белым бордюром, была оторочена полосой из обломков.

«Халтен» стоял на якоре довольно далеко от Ланс-о-Мидоуза — мели не пускали его ближе. На борту в гордом одиночестве пребывал капитан. Он редко сходил на берег, для него естественной средой было море, а земля — местом, куда навешиваются при крайней необходимости. Впрочем,

капитан следил за нашими делами. Весь день он не выпускал бинокль из рук и, если замечал, что кто-нибудь ленился, устраивал нерадивому на борту хорошую головомойку.

В уютном местечке на берегу реки, под прикрытием террасы, мы поставили палатку, где закусывали и отдыхали. Мимо нас проходили мальчишки с удочками. Чаще всего в заводях попадалась форель, но иногда рыболов мог похвастаться лососем. Вообще Черная Утка довольно богата лососем, особенно осенью, когда нам удавалось ловить его руками. В море рыбаки нередко брали хороший улов, и рыба, как правило, была крупнее арктического гольца, которого ловят в Гренландии. И мы вспоминали, что рассказывала сага о пребывании Лейва Эйрикссона в Винланде: «И в реке, и в озере было много лосося, притом такого крупного, какого они прежде не видели».

А затем пошла мойва. Миллионными косяками она устремлялась для нереста на мелководье. Ребятишки бегали с ведрами и сачками и черпали рыбу, сколько душе было угодно. Волны выбрасывали мойву на берег, и он казался посыпанным мишурой.

В эти дни мы заметили, что Брюнборг затеял что-то странное. Заберется в лодку, оттолкнет ее от берега, ляжет на борт и смотрит в воду. Мы давно привыкли к его причудам, но все-таки спросили, что он высматривает.

— Камбалу, — ответил Брюнборг.

В самом деле, в мелкой бухте скапливалось множество мелкой камбалы. Сотни плоских рыб буквально выстилали дно. Рыбаки говорят, будто камбала подходит к берегу полакомиться икрой мойвы. Интересное наблюдение, особенно если вспомнить, что рассказывает «Сага Эйрика» о походе Турфинна Карлсэвне в Винланд. «Там, где суша и море встречались в прилив, они рыли ямы, и когда море отступало, в ямах оставался палтус».

Насчет палтуса тут ошибка, потому что это глубоководная рыба; скорее всего, речь идет о похожей на него обыкновенной камбале. Способ лова, о котором говорит сага, применяли раньше и в Северной Норвегии, а В. Таннер сообщает, что лабрадорские эскимосы ловят так морскую форель.

Люди, некогда жившие на береговой террасе, наверно, не меньше нашего дивились рыбе, которая скапливалась, можно сказать, у самого их порога. Разве плохо добывать

свежую рыбу, просто вырывая ямы в песке! Впрочем, так ли это просто на самом деле? Однажды мы поступили по примеру Карлсэвнэ. В отлив за полчаса вырыли на берегу три длинные ямы. А в следующий отлив в этих ямах лежали три крупные камбалы.

Временами нас навещали киты. Зайдут в бухту, не спеша сделают круг, словно проверяя, чем мы тут заняты, и снова уходят в море. Как не вспомнить рассказ «Саги об Эйрике Рыжем» о ките, прибитом волнами к берегу. Наверно, это случилось в те времена, когда китов было неизмеримо больше. Да и в наши дни у берегов Ньюфаундленда известны такие случаи. В 1963 г. в проливе Белл-Айл дрейфующие льды загнали кита в мелкую бухту, где он оказался совсем беспомощным. Это был финвал длиной около тридцати метров. Турхалл Охотник, чернявый силач, служивший у Эйрика Рыжего, тоже говорил о китах. Недовольный тем, что нет вина, он решил идти на своем корабле обратно в Гренландию, предоставляя другим «варить кита».

Время от времени мы откладывали в сторону лопатки и шли изучать окрестности. Пониже террасы, возвышающейся метра на четыре над уровнем моря, к устью реки тянулась широкая впадина, и мы гадали: может быть, в прошлом, когда уровень моря был выше, тут была лагуна или большая заводь, в которой мог укрыться корабль?

Мы отыскивали все новые следы обитавших здесь людей, в том числе большие ямы. Одна из них особенно заинтересовала нас своим странным расположением. Она находилась на гребне террасы возле самой реки.

— Вот и кузница, — сказала Анна Стина, но мы восприняли ее слова как шутку.

Искали кругом, нет ли погребений, однако ничего похожего не обнаружили. Было ясно, что этот год — только начало длительной работы.

Сходили к истокам Черной Утки. В пути видели кусты красной смородины, крыжовника и малины, на болотах густо росла морошка. Ягоды только-только завязались, но похоже, что урожай будет обильный. Километрах в трех от моря, красиво обрамленное густым тальником, лежало озеро Черная Утка. Здесь-то и начинается речка, сюда поднимается осенью лосось. По соседству есть другое озеро — Скин-Лейк, в нем рыбаки вымачивают тюленьи шкуры, чтобы отстал волос.

Однажды мы решили осмотреть гряду пятидесятиметровой высоты, спускающуюся к морю чуть западнее Черной Утки. Может быть, там есть каменные вышки? Нашли четыре развалившиеся пирамидки. Две из них почему-то стояли почти рядом, в каких-нибудь пяти метрах друг от друга.

Осыпавшиеся камни лежали беспорядочно, большинство обросло черным мхом. По всему видно, что вышки были сложены очень давно.

Нет ли рун на каком-нибудь из этих камней? Далеко на севере, у западного побережья Гренландии, на острове Кингигторссак, как уже говорилось, были найдены три обвалившиеся вышки. На одном камне были изящно высечены имена трех норманнов и сообщение, когда они сюда добрались. Есть на них и магические знаки.

Мы тщательно осмотрели все камни, но рун не увидели.

Но почему все-таки две пирамидки стояли так близко друг к другу? На Кингигторссаке было три вышки, и в рунах упоминается трое; очевидно, на каждого по вышке. И в других местах Северной Америки находили парные вышки, возможно, сооруженные норманнами. В частности, у пролива Джонса ($76^{\circ}30'$) и на острове Вашингтона Ирвинга, лежащем к востоку от острова Элмира (около 79° северной широты) ⁶⁹.

Для чего были построены эти вышки и кто их соорудил? Они стоят не на вершине, их трудно различить с моря; значит, это не ориентиры для кораблей. Зато, если смотреть с некогда обитаемого участка, они четко выделяются на фоне неба на юго-западе.

Вряд ли вышки сооружены постоянно живущими здесь уже около 175 лет рыбаками. Никто о них ничего не знает, и, кроме того, вышки обросли черным мхом — признак большого возраста. Да и какой толк рыбакам от вышек, которых не видно из деревни. Может быть, их воздвигли временные гости — китобои или эскимосы и индейцы? Вряд ли. Скорее всего, эти вышки были нужны тем, кто некогда жил в полукилометре от них.

Возникает мысль, что пирамидки как-то связаны с исчислением времени. Нам известно, что норманны часто определяли время по солнцу, используя разные ориентиры — вершины гор, седловины, каменные осыпи или вышки. Надо было следить, когда начинать трапезу, когда ее заканчивать и приступать к работе. Любопытно, что если

смотреть от раскопов, солнце около трех часов дня стоит над двумя пирамидками, которые расположены близко друг к другу, примерно на юго-западе. Вспоминаются астрономические данные в рассказе «Саги о Гренландии» о пребывании Лейва Эйрикссона в Винланде. В частности, там говорится об эйктарстаде — видимо, метке между юго-западом, над которой солнце находилось в обед; в Исландии обед означал 15 часов.

О вышках в Ланс-о-Мидоузе нельзя сказать ничего определенного, но стоит заметить, что такие сооружения — типично норманнская черта. В Норвегии, Исландии, Гренландии на возвышенностях у древних усадеб часто можно найти пирамидки.

По мелководному заливу мы отправились обследовать многочисленные здесь острова. Посетили маленький Флинт-Айленд с россыпью коричневого кремня на берегу, потом низкий и плоский Грин-Айленд, где есть отличная трава с пятачками лютика и фиалками; раньше здесь гнездились гаги. Наконец подошли к Грейт-Сакред-Айленду. Северный берег острова крут и обрывист, на южном раскинулись зеленые косогоры с низкой порослью. Дальше к северу до самого Лабрадора простиралось море, а на юге мы видели плоскую равнину Ланс-о-Мидоуз. Грейт-Сакред-Айленд — превосходный ориентир для мореплавателей. Кто правил на него, не мог не заметить Ланс-о-Мидоуз.

...Раскопки шли своим чередом. Шустрые ребяташки из рыбацкого поселка неизменно сновали около нас. Славный народ! Таких воспитанных детей в городе редко увидишь. По воскресеньям нас навещали принарядившиеся жители ближайших поселков. Они дивились на странных чужеземцев, которые уже не первую неделю рылись в земле. Возвращаясь с охоты, заглядывал к нам сын Биг Чифа Ллойд: связка морской птицы за плечом, в руке старинное ружье, на груди пороховница. А мы все копали и копали.

СТРАНА И ЕЕ НАСЕЛЕНИЕ

Ланс-о-Мидоуз лежит на $51^{\circ}36'$ северной широты и $55^{\circ}32'$ западной долготы, то есть примерно на широте Лондона. Это на девять градусов южнее Аустербюгда в Гренландии.

Климат здесь типично морской, во многом определяется идущим на юг холодным Лабрадорским течением и ветвью Гольфстрима. Средняя летняя температура $10-15^{\circ}\text{C}$. Зима сравнительно мягкая; по словам рыбаков, температура редко опускается ниже -15 , -20°C . Характерно, что год на год не похож, за жарким летом может последовать прохладное, а зимой нередки долгие оттепели, когда почти весь снег сходит.

У побережья море замерзает в декабре. Обычно зимой образуется прочный припай, и по нему можно пешком дойти до островов. Таяние льда начинается в мае, а в первых числах июня вода у побережья свободна от льда. Впрочем, бывает, что иной год плавучие льды в июне еще осаждают берега.

Северо-восточную часть полуострова к северу от Сент-Антони отличает ровный, слегка волнистый рельеф. Возвышенности не больше ста метров. На юге от Ланс-о-Мидоуза простирается равнина с буграми, болотами и множеством озер. Густо растут мхи, вереск и тальник, местами встречаются заросли низкого, угнетенного ветром ельника, на прикрытых от ветра участках зеленеет трава. Граница леса проходит теперь километрах в двенадцати к юго-западу от Ланс-о-Мидоуза, ближе к заливу Пистолет. К югу от этого залива возвышается гора Белая (Уайт-Маунтин).

Если следовать вдоль побережья на запад, то у самого

Ланс-о-Мидоуза можно увидеть луга, здесь даже есть сеновал. Потом в сушу врезается залив Сакред-Бей, в глубине его к берегу спускается низкорослый лес. Дальше к западу, от Шип-Коува до Рейли в заливе Пистолет есть еще много хороших лугов.

Тропа, идущая на юго-восток, соединяет Ланс-о-Мидоуз с лежащим поблизости маленьким рыбацким поселком Хэй-Коув (Сенная бухта). Название показательное, в этом районе в самом деле богатый травостой. От Шип-Коува четверть часа хода до селения Стрейтс-Вью, расположенного в излучине Нодди-Бей. И тут довольно много зелени. Далее на восток мы видим только поселок Кирпон. Он стоит на берегу узкого пролива и больше подвержен ветрам.

В этом районе условия для растительности намного лучше, чем на Лабрадоре, в частности благодаря тому, что почва здесь образовалась при выветривании палеозойских пород. В самом Ланс-о-Мидоузе и на прилегающем побережье трудно точно определить площадь лугов, потому что местами трава перемежается с вереском, но на мой взгляд здесь 7,5—10 гектаров. Так что вдоль берега и в глубине острова можно пасти довольно много коров, не говоря уже об овцах. Однако рыбаки держат мало скота, промысел не оставляет времени для других занятий.

Еще одна важная особенность местной растительности — обилие разных диких ягод.

Как я уже говорил, лес не так давно доходил почти до самого моря, но рыбаки постепенно вырубали его, а какая-то часть его, вероятно, погибла от пожаров. Переруб — обычное явление для многих приморских районов Ньюфаундленда и Лабрадора, из-за него граница леса все время отступает.

Джордж Декер рассказывал, что в годы его детства лесные урочища находились недалеко от найденных нами остатков жилья. Когда его дед ходил в Стрейтс-Вью, тропа почти все время шла через высокий лес. Теперь там не осталось ни одного дерева, зато есть много участков с высокой травой. Мы и сами в этом убедились. В приморье часто встречаются пни; во время раскопок мы тоже наталкивались на пни и толстые корни. Вырубка леса должна была многое изменить. На безлесных участках легче образуются болота, от ветра пропадает трава. Другими словами, раньше ландшафт был другим, а условия — более благоприятными для человека.

У исчезнувших обитателей Ланс-о-Мидоуза был еще один, более доступный источник топлива и строительных материалов: плавник. Каждое утро мы видели на берегу детей, усердно собиравших его. За лето и осень они набирают столько плавника, что у семьи Колборнов, например, хватает топлива почти до весны. Если подует сильный ветер с севера или северо-запада, «улов» особенно богат, причем больше всего плавника скапливается в заливе у террасы, где некогда стояли дома. Этот залив — настоящая ловушка.

Часть плавника доставляет Лабрадорское течение, но и со стороны Белл-Айла плывут большие деревья, вынесенные реками в залив Святого Лаврентия. Правда, в проливе Белл-Айл господствует южное течение, но ветры вносят поправку. Известен случай, когда затертое во льдах промысловое судно, дрейфуя, обогнуло северную часть Ньюфаундленда и очутилось в Уайт-Бее.

Девственные северные берега с выброшенным на них плавником — любопытное зрелище. За много веков штормы и ледоходы соорудили за чертой прилива огромные валы из бревен. В Арктике плавник сохраняется сотни лет; подолгу не гниет он и в таких прохладных районах, как Ланс-о-Мидоуз, тем более что бревна пропитаны солью и все время проветриваются в штабелях.

Словом, у давних обитателей Ланс-о-Мидоуза возле самого дома был, так сказать, склад топлива и строительного материала.

Животный мир беден. Причин для этого много: лес исчез, долго велась хищническая охота, немалую роль сыграло, вероятно, и то, что дороги и дома строились на перешейке в начале полуострова, а это было препятствием для проникновения животных на полуостров.

Другое дело море. Треска большими косяками подходит к берегу, между островами пролегают пути миграции гренландского тюленя, еще встречаются киты. В марте на льдинах приносит на юг детенышей гренландского тюленя, иногда за ними следуют песцы и даже белые медведи.

Чтобы судить, какие ресурсы были в распоряжении тех, кто некогда жил в этих местах, нужно представить себе тогдашние условия.

Был ли климат другим тысячу лет назад, во времена винландцев и позже? Вопрос сложный и спорный. На-

сколько мне известно, на Ньюфаундленде и в соседних областях не собрано никаких данных об этом, но показательны исследования, проведенные в Гренландии. Фритьоф Хансен⁷⁰ считал, что климат Гренландии существенно не изменился со времен Эйрика Рыжего. Шведский гляциолог Ханс В. Альман⁷¹ полагает, что гренландский климат X—XII вв. мало отличался от нынешнего, однако со второй половины XIII по XV в. он ухудшался. Важные данные получил, исследуя цветочную пыльцу из Вестербюгдена, датский ботаник Ю. Иверсен⁷². Выходит, что в XI—XII вв. в Гренландии господствовал сравнительно мягкий и влажный климат. В XIII—XIV вв. он был суше и континентальнее. Но летняя температура, считает Иверсен, за тысячу лет почти не менялась. Говоря о последних столетиях, К. Л. Вебек⁷³ подытоживает выводы ученых: примерно с XVI в. климат стал ухудшаться; это длилось вплоть до начала нашего столетия, затем он опять улучшился. С 1000 по 1600 г. климат Гренландии изменялся незначительно.

Мы вправе думать, что климат на Ньюфаундленде колебался примерно так же, как в Гренландии. Для нас важен период от походов в Винланд (около 1000 г.) до исчезновения гренландской колонии (около 1500 г.). Анализ пыльцы и другие методы исследования позволяют предположить, что в этот период климат на Ньюфаундленде существенно не отличался от теперешнего.

Но животный мир, наверно, был гораздо богаче. Достаточно обратиться к старым источникам. Так, про экспедицию Гаспара Кортереала в 1501 г. его современник Паскуалиго⁷⁴ писал:

«...Зерна там вовсе нет, но люди той земли рассказывают, что кормятся рыболовством и охотой на зверя, которым изобилует страна, и есть там крупное рогатое животное с очень длинной шерстью, и шкура этого животного идет не только на одежду, но и на жилища, и на лодки. Кроме того, есть волки, лисы, тигры (рысь) и соболь. Замечательно, на мой взгляд, их утверждение, что соколов там — как у нас воробьев, я сам видел таких соколов, и они на редкость красивы».

В другом месте мы читаем про обилие трески и лосося, а также всякой птицы. Наверно, много водилось бескрылой гагарки, которая теперь истреблена. Ее били палками и камнями, с некоторых островов привозили полные лодки.

И пушного зверя было множество, однако среди наземных животных для коренного населения важнее всего был олень. Вблизи Ланс-о-Мидоуза, как и на всем Ньюфаундленде, ходили немалые стада карибу. Еще в конце прошлого столетия охотники одного английского спортивного клуба застрелили на острове около двух тысяч оленей.

И все-таки главную роль играли богатства моря — огромные косяки трески, стада китов, тюленей, моржи.

Уже по этим данным можно судить, каковы были условия существования в Ланс-о-Мидоузе, когда винландцы ходили из Гренландии на юг. Норманнов ожидала девственная страна, где охотились индейцы и эскимосы, вооруженные луком и стрелами, копьем и гарпуном, и природа с лихвой возмещала то, что они потребляли. На суше было много дичи, в море — разного зверя. В Ланс-о-Мидоузе лес подступал к самой воде, по берегам грудями лежал плавник. Прикрытые лесом от ветра пастбища были тучнее, чем теперь. И была тьма ягод.

Словом, Ланс-о-Мидоуз был благоприятным краем для норманнов, всей своей жизнью приученных использовать такие возможности, какими обладал этот северный край.

Соседи винландцев

Как уже говорилось, саги рассказывают о том, что винландцы видели коренных жителей (скрелингов) в Марк-ланде и Винланде, и рассказ этот кажется вполне достоверным.

Кем было заселено побережье, о котором идет речь? Какие племена могли встретиться винландцам, когда они плыли на юг, и кто был их соседом в Винланде?

До нас дошли интересные разрозненные сведения, относящиеся к XVI в., когда состоялось повторное открытие Северной Америки. Похоже, что в лабрадорском приморье, от мыса Чидли на севере до Мингана (северное побережье залива Святого Лаврентия) на юге, жило много эскимосов. Вероятно, это были туле. Жили тут также индейцы, по-видимому, наскапи и монтэнье. Зимой и весной они охотились на оленя в районах, граничащих с тундрой, а летом спускались следом за стадами к морю.

На Ньюфаундленде европейцы тоже застали коренных жителей, и, наверно, их было немало. Некоторые описания как будто указывают на эскимосов, но в большинстве явно подразумеваются индейцы. Здесь обитали беотуки*, или краснокожие индейцы; так их называли, потому что они красили тело охрой.

В связи с плаванием Гаспара Кортереала к восточным берегам Ньюфаундленда в 1501 г. его современник Альберто Кантино⁷⁵ писал о туземцах, которых привезли в Португалию как невольников:

«...Они силой привезли сюда около пятидесяти мужчин, женщин и детей. Я видел, трогал и изучал этих людей и хочу сказать об их телосложении: они несколько выше нашего среднего роста, конечности стройны и соразмерны росту. Мужчины носят длинные волосы, как у нас, с кудрями, лица их раскрашены крупными узорами, как у (восточных) индейцев. Глаза у них зеленоватые, и, когда они направляют на вас свой взгляд, лица их полны отваги. Речь непонятная, но не грубая, а скорее человеческая. Держатся они очень приветливо, много смеются и явно довольны жизнью. Это — о мужчинах. У женщин маленькие груди, кожа скорее белая, тогда как мужчины заметно смуглее. В целом, если отвлечься от чрезвычайно сурового вида мужчин, они как будто во всем подобны нам. Ходят почти нагишом, только детородные органы прикрывают шкурой упомянутого рогатого животного. У них нет оружия, нет железа, но трудясь и изготавливая что-либо, они режут острейшими камнями, которыми могут расколоть пополам самое твердое вещество».

Описывая свое плавание в 1534 г., Жак Картье⁷⁶ сообщает о встрече с коренными жителями у Блан-Саблона на берегу залива Белл-Айл, в одном дневном переходе от Ланс-о-Мидоуза:

«В этой стране живут великолепно сложенные люди, но они дикие варвары. Волосы на голове они собирают в пучок, будто клоч сена, и в этот пучок воткнута палочка или еще что-нибудь, к чему прикреплены птичьи перья. Мужчины и женщины одеваются в шкуры животных, причем у женщин они более плотно облегают тело, чтобы было теплее. Они красят себе тело бурой краской. У них есть лодки из бересты, на которых они выходят в море, и с этих

* Их, как и лабradorских индейцев, относят к алгонкинам.

лодок бьют много тюленя. От них я услышал, что они приходят сюда из теплых краев, чтобы добыть тюленей себе на пропитание».

Есть у нас и более поздние сведения о беотуках, но очень скудные, археологических же работ в этом районе проведено мало.

Эти индейцы зависели от охоты на оленя во внутренних частях — Индиен-Лейк, Иксплойт-Ривер. По всей вероятности, они поднимались и севернее. Здесь, как и в других странах, олени весной идут в приморье для отела и в поисках подножного корма. Позже они откочевывают в более высокие места. И в наши дни можно видеть идущие на север вдоль хребта Лонг-Рейндж стада, правда, не такие большие. А когда оленей было много, они, наверно, доходили до побережья около Ланс-о-Мидоуза.

За оленями спускались к морю индейцы. Здесь они, кроме того, могли ловить рыбу, собирать яйца, бить птицу, тюленя. Осенью они вместе с оленьими стадами возвращались внутрь острова и зимовали там.

Оружием индейцев были лук и стрелы, копье; тюленей били гарпуном. Свои пирамидальные палатки (типи) они покрывали берестой. Передвигались на изогнутых в виде полумесяца каноэ из бересты, сшитой тонкими корешками ели*. Покойников хоронили в пещерах или на деревянных помостах.

Как только сюда явились белые, началось притеснение коренных жителей, причем в этом отчасти помогали индейцы племени микмак¹¹⁰, приходившие через пролив Кабота из Новой Шотландии. Беотуков угоняли в неволю, безжалостно убивали. Они пытались дать отпор, но это приводило только к еще более жестоким расправам. В начале XIX в. исчез последний беотук. Был истреблен целый народ.

Как делили между собой описываемую территорию индейцы и эскимосы, где жили те и другие за пятьсот лет до повторного открытия, в период, когда сюда плыли с севера винландцы? Кого здесь встретили норманны?

Что касается индейцев, то они, конечно, исстари кормились охотой на оленей, огромные стада которых водились на Лабрадоре и Ньюфаундленде. Иначе и не могло быть,

* Есть старинные сведения о том, что каноэ делались также из кожи, но такой способ вряд ли был распространен.

судя по тому, что мы знаем об использовании природных ресурсов первобытными народами. Кто именно населял тогда Лабрадор — насапи или монтэнье, нельзя сказать, но это были представители древней оленьей культуры. Да и про беотуков на Ньюфаундленде нам не известно ничего определенного. В течение столетий племена, наверно, перемещались, но многое свидетельствует о том, что беотуки обитали на Ньюфаундленде очень долго.

Теперь об эскимосах, своеобразном народе, который много веков кочевал по огромным просторам Арктики от Аляски до Гренландии. Их культура делится на четыре основных периода⁷⁷: преддорсетская, восходящая на Аляске к 3500 г. до нашей эры*, дорсетская — VIII в. до н. э. — XIV в. нашей эры, культура туле — X—XVIII вв. и, наконец, современные эскимосы, происходящие от группы туле¹¹¹.

Дорсетский период примерно совпадает со временем норманнских походов в Винланд. Культура этих эскимосов была неизвестна, пока канадский археолог Даймонд Жене не определил ее на мысе Дорсет на Баффиновой Земле (1925 г.). Потом ее проследили в обширной арктической области от острова Мелвилл на западе до Восточной Гренландии. Для нас важно, что дорсетские эскимосы тоже спускались вдоль лабрадорского побережья на юг и следы их найдены на Ньюфаундленде.

Дорсетская культура во многом отличается от сменившей ее культуры туле. Вот некоторые самобытные черты: особого типа мелкие, изящно обработанные орудия труда; своеобразное искусство; отсутствие предметов, хорошо известных у поздних эскимосских культур, — лучного бура и женского ножа (улу); отсутствие указаний на то, что они употребляли собачьи упряжки; менее совершенные дома из дёрна и камня. Кое-кто из исследователей обнаруживает в дорсетской культуре следы индейского влияния.

Полагают, что тунниты, о которых среди эскимосов ходят любопытные предания, и есть дорсетские племена.

Эти племена исчезли на рубеже XIII—XIV вв. Их ассимилировали обладающие более развитой культурой эскимосы туле, которые, идя на восток, достигли Гренландии,

* Кремневый комплекс мыса Денби.

вероятно, около 1100 г. и затем медленно двигались вдоль западного побережья на юг. Гренландские норманны соприкасались с ними.

Итак, гренландцы встречали эскимосов двух групп: дорсетской, когда ходили в Винланд, и туле, когда охотились к северу от обжитых областей Гренландии. Позднее туле появились на территории самой колонии.

Остановимся на расселении дорсетских эскимосов на Ньюфаундленде, куда, очевидно, доходили винландцы. Археологи мало работали в этом районе и, все-таки следы дорсетской культуры были найдены в нескольких местах⁷⁸, преимущественно на севере острова. Некоторые находки сделаны гораздо южнее, на мысе Рэй⁷⁹ — юго-западной части Ньюфаундленда. Возле Пор-о-Шуа на берегу Белл-Айл доктор Эльмер Харп⁸⁰ начал раскапывать группу домов. В Ланс-о-Мидоузе мы нашли дорсетские орудия труда. Это доказывает, что на этих берегах было довольно много эскимосов, и винландцы вряд ли могли избежать встречи с ними.

Какую роль играл район Ланс-о-Мидоуза для кочующих индейцев и эскимосов? Пастбища для них, естественно, не представляли никакой ценности, они искали места для охоты и промысла. Разумеется, вблизи Ланс-о-Мидоуза водились всякие звери, но туземцам, знавшим край как свои пять пальцев, издавна были известны более богатые уголья, куда они, как правило, и направлялись. На Ньюфаундленде можно назвать много особенно богатых промысловых районов, например, пролив Белл-Айл, через который шли сотни тысяч тюленей, или оленье переправы, рыбные реки и острова, которые были настоящей кладовой благодаря бескрылым гагаркам.

Конечно, обилие птицы на островках, тюлени, карibu и прочие блага Ланс-о-Мидоуза могли соблазнить индейцев и эскимосов, их семьи могли разбить на время свои палатки на зеленых берегах реки. Но скорее всего они не задерживались здесь, так как знали лучшие уголья, где хлеб насыщенный давался легче.

И как же дивились, вероятно, первые индейцы или эскимосы, пришедшие сюда после того, как винландцы обосновались в Ланс-о-Мидоузе! Наверно, переполошились, заговорили наперебой, показывая на террасу возле реки, где появились невиданные большие дома и ходили незнакомые люди...

Рыбачий поселок

Мы часто наведывались в рыбачий поселок на восточном берегу мыса и скоро сдружились с его жителями. Одинадцать семей — около шестидесяти человек живет в этом глухом уголке, откуда лишь одна тропа ведет в соседнее селение и где рейсовый катер видят издали раз в неделю, да и то если видимость позволяет.

Джордж Декер рассказал, что первым сюда прибыл его прадед Вильям, англичанин родом, до того живший в Концепшн-Бее. В ту пору на всем полуострове не было постоянных жителей, исключая Нодди-Бей, где поселился со своей семьей англичанин Геддерсон. Одного сына Вильяма звали Авель. Он основал поселок в Шип-Коуве, но сначала некоторое время жил в Нью-Хэвене на восточном берегу Сакред-Бея. Второй сын, тоже Вильям (дед Джорджа), остался в Ланс-о-Мидоузе.

Джордж хорошо помнил своего деда, настоящего богатыря. Это от него он столько узнал про старину. При жизни прадеда в лесах у Ланс-о-Мидоуза еще жили беотуки; очевидно, здесь было одно из их последних стойбищ, так как белые повсюду вытесняли индейцев. «Им нигде не было покоя, — говорил Декер. — Сегодня поставят палатки, а завтра уже уходят. Ну и хитрые были они! Залягут на берегу, накроются водорослями, а потом внезапно бросаются на зазевавшегося рыбака».

Я спросил Декера, как он думает, откуда пошло название «Ланс-о-Мидоуз», но он не мог ничего сказать. Первое слово «Ланс» — французского происхождения. В значении «залив» его можно найти в других названиях ньюфаундлендского и лабрадорского побережья. Второе слово — английское «мидоуз», означает «луга, пастбища».

На старейших картах селение никак не обозначено, поэтому можно предположить, что оно находилось не в районах рыболовного и китобойного промысла. По данным доктора Р. Сири⁸¹, впервые Ланс-о-Мидоуз появляется на французской карте 1862 г. как «Анс-а-ла-Меде». Истолковать это название трудно, я не буду даже пытаться. Но каким бы ни было происхождение франко-английского Ланс-о-Мидоуз, оно очень метко, так как означает «Залив у лугов».

Жизнь поселка зависит от лова трески. Он начинается в первой половине июня и заканчивается в октябре. Мест-

ные жители сами строят лодки; причем небольшие — девять-десять метров, так как не забираются далеко в море, чаще всего даже не выходят за островки. Летом используют большие самодельные ловушки, осенью ловят на перемет и блесну. Когда мы приехали, здесь еще не знали нейлоновой снасти. Блесну отливали из свинца, и сверкающая шведская «рыбка», которую мы им подарили, произвела большое впечатление.

Треску засаливают и вялят на длинных низких вешалах. В этой работе участвует вся семья, от только что научившихся ходить малышей до почтенных старушек. Лосось тоже иногда ловится хорошо. Часто мы видели у берегов большие косяки макрели, но она не интересует местных жителей, как и сельдь, которая временами подходит к полуострову.

Улов трески в разные годы неодинаков. Похоже, что в холодное лето она держится дальше в море. Плавающие льды и айсберги часто рвут снасти. Рыбакам приходится срочно выходить в море, чтобы отогнать льдины от ловушек.

Бывает, что к побережью в большом количестве идет спрут. Рыбаки охотно его ловят для наживки, да и сами не прочь полакомиться. Мы наблюдали подход спрута в Нодди-Бее, куда пришлось увести «Халтена» из-за сильных штормов.

Дело было вечером, с усеявших залив лодок рыбаки непрерывно вытягивали из воды спрутов. Особенно усердствовал Брюнборг. Он ловил до полуночи и вернулся очень довольный, до половины нагрузив лодку совершенно не нужными нам спрутами. Сам ловец был так забрызган «чернилами», что напоминал огромную кляксу.

У рыбаков Ланс-о-Мидоуза свой способ ловить омаров. В отлив, вооружившись длинными палками с крюком на конце, они ходят по мелководью и проверяют норы под камнями. Если выглянет омар, они его выковыривают и подставляют палку, чтобы он впился в нее клешнями.

Постоянно ведется охота на морскую птицу; ее стало меньше — часть выбили, часть улетела в другие места. Декер рассказывал, что в дни его молодости все островки кишели птицей. На плоском Грин-Айленде всегда гнездились гаги. «Гаг собиралось так много, — говорил Декер, — что некуда было ступить из-за яиц». Любопытно было услышать от рыбака то самое выражение, которым поль-

зуются в саге Турфинн Карлсэвне, говоря про обилие птиц возле базы в Страумфьорде.

Осенью в Ланс-о-Мидоузе беззвучно летает крупная странная птица. Это белая сова; проведя лето в Арктике, она прибывает сюда на зимовье. В годы массового размножения мышей и леммингов бывает довольно много сов. Жители считают мясо сов лакомством и ловят их в капканы, которые ставят на утесах.

Как уже говорилось, охота на сухопутного зверя мало развита, на первом месте стоит морской промысел. В лесах на юге водится черный медведь, иногда в приморье забредает рысь. Недавно Декер загнал со своей собакой рысь на косу у реки Черная Утка и убил ее палкой. Но карибу больше не кочует старым путем на север. Поэтому и волки ушли. «А при жизни деда, — вспоминал Джордж Декер, — их было немало. По ночам волчий вой доносился в поселок с пригорков».

Скотоводством рыбакам заниматься тоже недосуг. На лугах у Ланс-о-Мидоуза можно увидеть восемь-девять коров да два десятка овец.

Раньше скота было больше. Декер рассказывал, что скотина всю зиму ходила на воле, кроме тех дней, когда особенно яростно бушевал шторм. В приморье плоский рельеф и ветер с моря сметает весь снег, к тому же зимы здесь обычно мягкие. Иногда надолго устанавливается оттепель. Так, в 1963 г. снега, по существу, не было до самого февраля.

И опять вспоминается, как сага описывает Винланд Лейва Эйрикссона: «Травстой в том краю был такой, что они не стали запасать фураж на зиму. Зимой не было морозов, и трава почти не пожухла».

Здесь, как и в других местах саги, не обошлось без преувеличения. В действительности нужно спуститься далеко на юг, чтобы найти районы, в точности отвечающие этому описанию. Но возможно, что тут есть и фактическая основа. Скажем, дело было так: гренландские норманны, прибыв сюда из страны, где зимой можно выпускать только овец, обнаружили, что на северном берегу Ньюфаундленда зима мягкая и бесснежная, вроде отмеченной в 1963 г. И, конечно, их поразило, что в этом краю не надо загонять коров на зиму, не надо строить теплые хлева, заготавливать корм. То, что касалось главной отрасли их хозяйства, должно было запомниться и войти в предание.

Зимой жители Ланс-о-Мидоуза запасают дрова. Как уже говорилось, теперь до леса около десяти километров. Не один раз на собачьих упряжках надо съездить, чтобы заготовить и топливо, и строительный материал для домов, лодок и прочего.

В холодные зимы, когда припай широкий, можно охотиться на детенышей тюленя, приносимых льдинами от берегов Лабрадора. Рыбаки запрягают собак и отправляются на охоту. В это время попадаетея также песец и белый медведь. Три года назад застрелили белого мишку у Шип-Коува.

Надо сказать, что не последнюю роль в хозяйстве жителей Ланс-о-Мидоуза играют дикие ягоды. Их тут тьма, осенью женщины и дети собирают на болотах морошку, на пригорках бруснику, в укрытых от ветра местах красную смородину, малину и калину. Рыбачки варят варенье, а еще недавно из ягод, особенно из калины, делали вино.

Декеры и Андерсоны живут в глубине залива, а на мысу уединился Хорви Колборн. Он сам работает рьяно и споро и строго следит за тем, чтобы другие трудились как следует. Жену его зовут Мод; она рослая, рыжеволосая, с решительным характером, приветливая. У них одиннадцать шустрых белокурых ребятишек, и самая обаятельная — маленькая Сельма.

Многодетные семьи обычны и на Ньюфаунденде, и на Лабрадоре. Путешествуя, мы частенько видели в домах по двенадцать детей, а иногда и около двадцати. Воспитывают по старинке, просто. Сюда еще не проникли психологи с их современной методикой, предоставляющей детям полную свободу во всем. С малых лет ребята привыкают помогать родителям, и все они веселые и довольные.

В самом конце мыса, недалеко от дома Хорви, сохранились остатки старой рыболовной базы, будто бы принадлежавшей французам. В одном месте видны кирпичи; говорят, тут стояла печь для выпечки хлеба. Здешние развалины выглядят не очень старыми. Я подобрал несколько рыболовных крючков, осколки пенковой трубки и другую мелочь. Местные рыбаки часто находили такие предметы около своих домов.

Когда еще был жив дед Джорджа Декера, в Нодди-Бей регулярно заходила французская трехмачтовая шхуна.

А в Ланс-о-Мидоузе стояли три небольших домика, построенных французскими рыбаками. В октябре шхуна возвращалась во Францию. Но связаны ли развалины на мысу с теми французами, я не берусь сказать.

Проточной воды на мысу нет. На самом берегу Колборн нашел старый глубокий колодезь. Вероятно, его вырыли французские рыбаки. Вода в нем скверная, солоноватая. Тем не менее рыбаки всегда обосновывались тут, хотя в пятнадцать минут хода к западу, где мы открыли старое поселение, они могли бы рядом с домом брать чистую воду из Черной Утки. Они выбрали это место, потому что только с восточной стороны мыса можно подойти на ботах вплотную к берегу, а это для рыбаков было важнее всего.

На первый взгляд члены маленькой общины в Ланс-о-Мидоузе живут всяк по себе, но временами заметны признаки сплоченности. Общие интересы, старинные обычаи, отношение к соседним поселкам и прочее — многие нити связывают людей.

Их психология уходит корнями в старину. Они говорят на архаичном английском языке, и к произношению не сразу привыкаешь. В ходу много слов, которые в самой Англии, наверно, давно забыты.

Другие слова приобрели неожиданное значение. Например, любимое словечко Декера — «wonderful» означает вовсе не «замечательно, великолепно», а напротив, что-то предосудительное. Об одном человеке, которого он недолюбливал, Декер говорил: «a wonderful lazy fellow» (замечательно ленивый...). Женщину, которой изменял муж, он назвал «a wonderful miserable woman» (замечательно несчастная женщина).

В Ланс-о-Мидоузе водятся привидения, об этом здесь всякий знает. Джордж Декер рассказал нам про одно привидение, причинившее ему немало хлопот. В доме была пристройка с несколькими клетями, и вот туда по ночам повадилось привидение. «Такой шум поднимет, что невозможно спать. Соскочишь с кровати, — рассказывал Джордж, — схватишь ружье — и туда, да только и успеешь заметить, как что-то белое мелькнуло и исчезло». В конце концов он смекнул, в чем дело. Привидение не унималось потому, что пристройка оказалась на его пути. А привидения очень

привязаны к своим постоянным дорожкам. Декер снес пристройку, и с тех пор привидение не беспокоит его.

...У Декера очень уютно. Хозяин, дымя трубкой, сидит в уголке, поглядывает в окно на море. И вот уже рассказывает очередную историю.

На полке под потолком лежит его старинное ружье, на стене висит пороховница. Джордж всю жизнь охотится с этим ружьем, унаследованным от деда. Он снимает его с полки, огромное, тяжелое, и любовно поглаживает рукой старого охотника.

— Настоящее ружье, не то что мелочь, с которой ходят на охоту нынешние. Раз я одним выстрелом пятнадцать уток уложил.

Декер тоже знает про один клад: в земле зарыт железный котел, а в нем полно золотых монет. Но это секрет. Я узнаю только, что сведения получены еще от прадеда, который «видел все своими собственными глазами». Ночью в Сакред-Бей вошел корабль, к берегу причалили лодки, с них сошли люди и принялись копать. А утром корабль исчез. Многие искали этот клад, но (Джордж снисходительно улыбается) он один знает, где надо искать. Вот только бы время выбрать...

Потом он принимается напевать старые песни. Их он знает много, все больше про моряцкую жизнь, кораблекрушения, пиратов, любовь. Мелодии обычно грустные, куплетам нет числа. В них — дыхание давно прошедших времен.

Супруга Джорджа, добросердечная, спокойная Мэй, молча слушает.

Капитан Сёрнес широкой улыбкой встретил мои слова о том, что пора «Халтену» снова бороздить волны. Нашей целью был Лабрадор. В прошлом году я осмотрел его с воздуха, теперь часть членов экспедиции продолжит работу уже в поле. Дело важное, надо отыскать «удивительные длинные берега» — ориентир, который винландцы называли Фюрдюстрендер. К тому же не исключено, что норманны селились на Лабрадоре, где, вероятно, заготавливали лес.

Анна Стина будет с нами не все время. Мы договорились с «Миссией Гренфелла», что она вернется на их самолете в Ланс-о-Мидоуз и продолжит там раскопки, а остальные двинутся дальше.

Сперва идем к Белл-Айлу, одинокому островку в устье одноименного пролива. Он лежит примерно в четырнадцати морских милях к северу от Ланс-о-Мидоуза. Южный и западный берега показались нам не очень приветливыми — в море обрывались крутые скалы. Плоскогорье высотой до двухсот пятидесяти метров тоже выглядело безотрадным. Не видно было ни одной гавани, кругом плавали айсберги. В старину моряки называли остров Белл-Айл островом Демона; их вполне можно понять. Зато он отличный ориентир, и для винландцев тоже, наверно, был таким.

Затем мы пришли в Шато-Бей, бухту на западном берегу пролива Белл-Айл, в самом устье. Название меткое (шато — замок): на подступающей к заливу гряде причудливые базальтовые скалы местами очень похожи на колонны. В период расцвета рыболовного и китобойного промысла тут находилась одна из важнейших гаваней. В бухте и по соседству собиралось много эскимосов и индейцев,

которые тогда фактически были в состоянии войны с европейцами.

На одной высоте мы нашли развалины старого форта. Его построили в 1767 г. по велению английского губернатора Пеллисера. Должно быть, Шато-Бэй немало повидал в годы беззакония. Гавань хорошая, но травостой скудный; вряд ли винландцы стали бы обосновываться тут.

Идем дальше на север, вдоль лабрадорского приморья, мимо глубоких фьордов, которые мы решили исследовать на обратном пути. Да, с воздуха побережье и леса выглядят совсем иначе. С моря рисовалась угрюмая картина. Голые, иссушенные ветром островки, серые берега... И только окаймленные зеленью фьорды да лесистые пригорки вдалеке говорили нам, что там, во внутренних областях, совсем другая природа. Настоящих гор отсюда почти и не видно, на запад волнами уходили увалы.

«Халтен» шел против Лабрадорского течения, скорость которого примерно десять морских миль в день. И я особенно хорошо понял, какую роль играли течения для винландцев. От самой Гренландии норманны продвигались все время по течению, оно помогало им.

Словно причудливые бело-голубые корабли проплывали вдали огромные, до пятидесяти метров высотой, айсберги. Когда-то они вели спокойное существование, составляя часть ледника где-нибудь на Баффиновой Земле или дальше на севере. Но вот край ледника обломился, и кругом всплыла убитая мощным всплеском рыба. Это родился айсберг. С этого дня началась его самостоятельная жизнь, началось плавание на юг. Его разъедали волны, трепали штормы, точило солнце. Одни айсберги застревали на мели, другие добирались до далеких теплых краев, но все одинаково были обречены на гибель.

Отсюда вышла и та гора, которая погубила «Титаника». Немало рыболовных судов отправилось следом за ним, особенно в туман. Туман обычен для тех мест, чаще всего он появляется, когда теплый воздух с юга смешивается с холодным над арктическими водами. Мы много раз попадали в густейший туман, и тогда неприятно было думать об айсбергах и подводных камнях. Метко писал об этих местах Адам Бременский в 1070 г., почти через сто лет после походов винландцев: «За этим островом (Винландом) нет земель, пригодных для обитания, дальше идет сплошной лед и густой туман».

К северо-востоку от Сэндвич-Бея лежат острова Геннета. Мы свернули к ним, прослышав, что там на редкость много птиц. Было яркое солнце, прозрачный воздух; вскоре показались низкие островки.

Заходим на лодке в маленький залив. Куда ни погляди — птицы. На скалах, как на полках, плотными рядами сидят гагарки, чистики, топорки в старомодной белой манишке и с красным попугаячьим клювом. Когда мы приближаемся, тысячи птиц шумно срываются с места, от мелькающих крыльев рябит в глазах. Высаживаемся на берег, идем среди птиц, а они удивленно смотрят на нас, подпускают совсем близко и затем взлетают. В расщелинах видимо-невидимо болтливых чистиков, высидивающих яйца. А когда мы пересекаем темно-зеленый ковер жесткой травы, удобренной птичьим пометом, из норок в дёрне, прямо из-под ног то и дело взлетают топорки.

Промелькнул песец в потрепанной летней шубке; наверно, его занесло сюда на плавучей льдине. Что ж, он неплохо устроился, на всю жизнь хватит яиц и птицы, ешь вволю. Можно спать спокойно, не тревожась за завтрашний день, все равно как пенсионер с открытым счетом в банке.

Пора покидать остров. Идем на лодке искать «Халтена», который должен лежать в дрейфе поблизости, ожидая нас. Куда же он подевался? Наконец замечаем наше судно: оно далеко в море, идет под парусом в Европу. Неужели капитан потерял рассудок? Спешим в догонку, а на душе паршиво — волна немалая, и наша пластмассовая лодочка не приспособлена для таких рейсов. К счастью, «Халтен» поворачивает и направляется к нам. Капитан улыбается; физиономия у него черная, как у трубочиста, — опять сражался со своим врагом в машинном отделении. На этот раз произошел какой-то особенный взрыв, и капитану пришлось поднимать парус и уходить, пока волны не выбросили «Халтена» на камни.

Нам нужна рыба. Сёрнес живо находит эхолотом косяк. Достает блесну, и начинается. Только закинул — на крючке огромная треска. Капитан — профессиональный рыбак, сейчас он в своей стихии, любо поглядеть, с каким азартом он ловит. Одна треска за другой прощаются с морем, на палубе уже целая гряда.

Анна Стина смотрит на него неодобрительно. Дескать, это уже хищничество, надо знать меру. Мы считаем ее

выговор несправедливым, ведь у нас ни одна рыба не пропадет, засолим, провялим, и что самим не нужно — отдадим. И я говорю: попробуй сама. Анна Стина неохотно берет удочку, но после первой же поклевки все меняется. Она приходит в экстаз и восторженным взглядом провожает разевающих пасть рыбин, которые, пролетев по воздуху, шлепаются на палубу. Не легко решить, у кого более удивленное выражение. Наконец я кротко напоминаю, что нам вроде пора идти дальше. Больше мы не слышали упреков за «хищнический» лов.

Картрайт — одно из самых красивых мест побережья. Здесь мы познакомились с обаятельной англичанкой — Луизой Гринфилд, директором больницы и интерната, учрежденных «Миссией Гренфелла». Она добровольно заточила себя на севере и уже много лет ухаживает за больными, печется о дегах эскимосов и индейцев. Луиза Гринфилд приняла нас очень радушно и рассказала много ценного о крае и народе.

Картрайт лежит в горловине Сэндвич-Бея, длинного фьорда, изгибающегося на юг. Поселок назван в честь английского капитана Джорджа Картрайта, который в 1775 г. открыл тут торговую факторию. Он в числе первых европейцев поселился на Лабрадоре, наверно, это был волевой человек. Один из немногих, кто старался понять эскимосов и индейцев, он, не в пример другим, умел с ними ладить.

Впрочем, и Картрайт иногда попадал в переделки. Однажды ночью он проснулся от того, что в дом ворвалась шайка вооруженных людей. Это была команда пресловутого американского пирата Гримнеса из Бостона, вошедшего под покровом ночи в залив на своей «Минерве». Картрайта ограбили дочиста, даже его корабль увели. В его дневнике записано коротко: «Чорт бы их побрал».

Картрайт был рьяный охотник, и его дневник скупно, но выразительно говорит о былом обилии животных на Лабрадоре — важный факт, если вспомнить о винландцах. Так, Картрайт пишет о вылазке на реку Уайт-Бер. В реке было столько лосося, что его можно было бить не целясь. Картрайт насчитал тридцать два белых медведя, которые ловили рыбу; одни стояли на берегу, другие плавали в гуще косяка и жадно пожирали добычу. Он убил шесть медведей. Его рассказ выглядит вполне достоверным; не только в этих краях белые медведи десятками собирались там, где можно было пожить.

Некоторые, например Вильям Ховгорд⁸², допускают, что база Турфинна Карлсэвне находилась в Сэндвич-Бее. Никто из здешних не мог мне назвать какие-нибудь развалины, но мы решили сами исследовать фьорд. Огибая большой остров Эрл, мы встретили сильное течение. Что ж, и остров, и течение похожи на описанные в саге, но таких мест вдоль побережья много. Фьорд красивый, его берега плодороднее и приветливее других участков лабрадорского побережья. Лес подступает к самой воде. Мы несколько раз, заинтересовавшись хорошим уголком, сходили на сушу; тут мало травы, вряд ли винландцы захотели бы обосноваться здесь со своим скотом.

В залив впадает река Парадайз, между тальником, елью и лиственными заманчиво блестят длинные плёсы. Мы бросили якорь, не доходя устья. К «Халтену» приблизилась лодка, в которой сидел стройный седобородый человек с трубкой в зубах. С ним было двое детей. Мы пригласили его на борт, предложили выпить кофе и рюмочку водки. Наш гость рассказал, что добывает пушнину и ловит лосося, домик его стоит поблизости. Анна Стина, очарованная детишками, заметила:

— Какие у тебя славные внуки.

— Внуки, — фыркнул он. — Это мои дети.

— А сколько тебе лет?

— Семьдесят восемь.

— У тебя еще есть дети?

— Всего двадцать один, — ответил охотник, раскуривая трубку.

Мы навестили его дом — дряхлый сруб, где ветер свистел во всех щелях. Стол, скамейка и несколько табуреток составляли всю обстановку, у стены лежала куча старой одежды. Жена охотника (вторая) была совсем молода, с ярко выраженными индейскими чертами. Вокруг дома сновали ребятишки; при виде чужих они юркнули в тальник, словно испуганные зверьки. А старый охотник держался уверенно, с достоинством. Добра у него немного, но в море водится лосось, в лесу — пушной зверь, и кругом его мир, лесное приволье, где он сам себе хозяин.

Затем мы пошли к Норт-Ривер, впадающий в море к западу от входа в Сэндвич-Бей. Отсюда на север километров на шестьдесят тянется широкий пляж. Мы высадились и осмотрелись кругом. Берег плоский, река неторо-

пливо выходит из леса; по ней явно можно подняться довольно далеко на судне. Прежде тут жили эскимосы, потом их сменили сеттлеры. Но мы увидели всего один дом и маленькое запущенное кладбище. На могиле одного мальчика прочли надпись: «Загрызен собаками». В устье реки пополнили свои запасы рыбы, это было совсем нетрудно, потому что форель клевала лихо.

Продолжаем путь на север. На западе тянется широкий белый пляж, обрамленный лесом. Через несколько часов впереди увидели мыс, который многокилометровым копьём вонзился в море. Свообразны его очертания: посередине горб высотой около ста метров, от него в обе стороны спадают отлогие склоны. Это мыс Дикобраз.

Сперва мы отошли от берега, чтобы видеть его таким, каким он предстал глазам идущих с севера винландцев. Не заслоненный никакими островами, он открыт волнам океана. И к северу от мыса Дикобраз простирается такой же пляж. Пожалуй, здесь еще ярче выделялась уходящая вдаль широкая белая полоса. По прибою было видно, что тут очень мелко. К самому берегу зеленой стеной подступали могучие ели. На запад простирался необозримый лес. Рельеф довольно плоский.

Этот длинный приметный мыс, широкий, ничем не закрытый пляж, этот лес не могли не привлечь внимания мореходов. Добавлю, что я нигде не видел столь длинного и своеобразного пляжа, хотя прошел вдоль всего лабрадорского побережья, вдоль северного берега залива Святого Лаврентия, обогнул почти весь Ньюфаундленд и Новую Шотландию.

Вспомним, что рассказывают саги о плавании винландцев у берегов Маркланда.

Бьярне, в отличие от остальных, шел с юга на север. «Сага о Гренландии» сообщает, что через двое суток он достиг второй страны, и они «увидели, что она плоская, покрытая лесом». О плавании Лейва Эйрикссона на юг вдоль Маркланда «Сага о Гренландии» говорит: «И они вышли в море, и обнаружили вторую землю. Снова приблизились к берегу, бросили якорь, спустили на воду лодку и высадились. Местность была плоская и лесистая, и куда бы они ни пошли, всюду был белый песчаный берег и отмели. И Лейв сказал: «Какой тут край, такое имя ему дадим, пусть называется Маркланд (Лесная страна)...» С попутным северо-восточным ветром они опять вышли в море

и плыли двое суток, прежде чем увидели землю». Это был уже Винланд.

А вот что говорит «Сага об Эйрике Рыжем» о том, как Турфинн Карлсэвне шел на юг вдоль берегов Маркланда: «Еще через двое суток они снова увидели землю и направились к берегу. Здесь им попался мыс, они плыли вдоль этой земли, она была у них с правого борта. Край был пустынный, далеко тянулись ровные песчаные берега. Они высадились на берег и нашли киль от корабля и назвали это место Килевой мыс. И берегам тоже дали имя, назвали их Фюрдюстрендер, потому что так долго пришлось идти мимо них».

Когда идешь вдоль побережья к югу от залива Гамильтон, все так похоже на описание саги, что невозможно сомневаться — это и есть Фюрдюстрендер. Мыс Дикобраз, наверно, был назван Килевым не потому, что там нашли киль, а потому что он напоминает опрокинутую лодку. Я уже указывал, что слова «Саги о Гренландии» о двухдневном переходе Лейва Эйрикссона от длинных берегов в Маркланде до Винланда вполне согласуются с расстоянием до северного побережья Ньюфаундленда.

По примеру Лейва Эйрикссона спускаем на воду лодку и идем к суше. Нигде не видно гавани, а причалить к пляжу не позволяет прибой. Пристаем у крайней точки мыса Дикобраз, оттуда полчаса хода до тянувшегося на север длинного берега.

Ничего не скажешь, всем пляжам пляж. Ширина около семидесяти пяти метров, легкий уклон к морю, песок белый, мелкий. Волны лихо накатываются на отмель и украшивают ее изящными пенными узорами. Сразу за пляжем — поросшая жесткой травой береговая терраса, потом начинается густой ельник. Углубляемся в него вдоль мелкой речушки. Берега ее покрыты сплошными зарослями ольхи, осины, березы, за ними стоит та же ель. Поражают размеры здешних елей. Тут и там лежат могучие стволы, поваленные ветром. Дремучий лес...

На белом пляже замечаем еще одну любопытную деталь: медвежий след. Он совсем свежий, отпечатки лап и когтей на влажном песке настолько четки, что кажутся отливкой.

Мы проводим у длинного мыса Дикобраз несколько дней, исследуем его. Здесь очень красиво — высоко на пригорок посредине мыса поднимается густой, взлохмаченный

ветром ельник, но есть и широкие прогалины, где в маленьких озерах плавают утки.

Вдоль берега тут и там встречаются следы человека. Кладка из больших камней — что-то вроде кладовки, разваленная пирамидка, остатки какой-то постройки.

На этом мысу привольно чувствуют себя животные. Встречаем ежа — он намного крупнее норвежского. На камни у самой воды садятся куропатки, а однажды утром мы видим идущего вдоль берега карибу. Два песца бегают в сером растрепанном уборе — еще не надели зимнюю шубу. Брюнборг, конечно, отыскивает их логово, устраивает с ночи засаду и на восходе снимает детенышей.

Но больше всего здесь черных медведей. Можно подумать, что делегаты со всего лабрадорского медвежьего царства собрались на мыс Дикобраз обсудить свои проблемы. Объяснить это просто: к берегу идет мойва. Невообразимые косяки мелкой, напоминающей лосося рыбы теснятся вдоль побережья, и волны выбрасывают ее на сушу, на радость медведям. А за мойвой идет треска. Хищницы врываются в густой слой мелюзги, которая в ужасе жмет к берегу, и жадно хватают добычу. Мы долго смотрим на удивительный спектакль природы.

Первый раз я столкнулся с медведем возле скал, на которых торчат редкие елки. Неожиданно из зарослей прямо передо мной выскочил огромный зверь и помчался прочь. Черная спина исчезла в том направлении, где сейчас ходит Анна Стина. Я бегу туда, ведь моя жена не привыкла к медвежьему обществу, еще испугается. Обычно медведи не злые, но кто его знает.

Отыскав наконец Анну Стину, вижу, что она возбуждена. Запыхавшись от бега и тревоги, спрашиваю, видела ли она медведя, которого я спугнул.

— Твоего не видела, — отвечает Анна Стина так, словно у нее есть свой собственный, личный медведь.

И радостно рассказывает, как они с доктором Мартенсом, стоя за камнем на берегу, вдруг заметили трусящих к ним двух медведей. Когда осталось каких-нибудь семь метров, мишки остановились и затем бросились обратно.

— Это было так интересно, они совсем близко подошли, и представляешь себе, у одного из них на носу было белое пятно, — добавляет она, сверкая глазами.

Вот и пойми этих женщин.

Вечером того же дня мы видели десять медведей. Выбегут из зарослей и ковыляют вдоль берега, хватая мойву. Но как только почуют нас, длинными скачками бросаются наутек, а потом опять выходят. Забавно было глядеть на черных увальней, которые так важно занимались своими делами, на их мягкие движения. Мы не стреляли в них.

Попозже мы разожгли на конце мыса Дикобраз огромный костер из плавника и долго сидели возле него, глядя на море. Я думал о норманнах, которые, пытливо всматриваясь в незнакомую землю, подошли на лодке к этому берегу тысячу лет назад. Может быть, и они видели, как из леса выскакивали медведи...

**ПУТЕШЕСТВИЕ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ОТКРЫТИЕ
БОЛЬШОГО ДОМА**

От длинных берегов у мыса Дикобраз «Халтен» пошел дальше на север. И вот впереди разверзся огромный зев залива Гамильтон. Этот фьрд врезается в сушу километров на двести, его широкая внутренняя часть называется озером Мелвилла.

Был тихий, безветренный день, по морю катились отлогие длинные волны, солнечные лучи просачивались сквозь легкую мглу, и острова на горизонте словно парили в воздухе. Множество птиц — гагарки, утки, чайки, чистики, топорки — качалось на воде или стаями пролетало мимо. Перед носом «Халтена» резвились два дельфина, которые с самого утра сопровождали нас.

Миновали несколько островов, потом горловина сузилась, превратившись в узкий пролив Нарроуз с сильным течением. В самом узком месте он не больше шестисот метров, а скорость приливо-отливного течения здесь достигает шести-семи узлов.

В красивом маленьком селении Риголет у входа в Нарроуз мы остановились и побеседовали с одним из местных жителей. Теперь на здешних берегах, если не считать района в самой глубине фьрда, живет совсем мало людей. Они преимущественно смешанной крови.

Раньше было иначе. Большая часть залива Гамильтон была, так сказать, эскимосской. По топонимическим признакам, они доходили даже до реки Гамильтон. В 1824 г. здесь жило около ста шестидесяти эскимосов, а прежде несомненно гораздо больше. Они не только ловили рыбу и били тюленей, но и охотились на карибу. Затем, как и в других местах, белые и индейцы оттеснили эскимосов на север. Раньше их было много в приморье, на юге они достигали

устья реки Святого Лаврентия и Ньюфаундленда, но их заставляли отступать, и теперь лишь на крайнем севере Лабрадора остались немногочисленные группы эскимосов. Что могли люди, вооруженные луком и стрелами, противопоставить европейским рыбакам и китобоям! В 1764 г. миссионер Енс Хавен писал: «Европейские корабли открывали огонь по каждому каяку, подходившему на расстояние выстрела». А тут еще болезни европейцев, сотнями косившие эскимосов в стойбищах.

На другом берегу пролива Нарроуз мы зашли в чудесную бухту и познакомились с двумя семьями.

Несколько маленьких домов, на опушке привязаны великолепные псы, растянута для сушки медвежья шкура... Люди с эскимосскими чертами лица принимают нас с радостью, которого мне не забыть. Ставят на стол лучшее, что у них есть, — свежую лососину и другие блюда.

Старшего зовут Вильямс; он много рассказал нам о жизни на берегах большого фьорда. Кто-то заметил, что участки травы по ту сторону бухты свидетельствуют о том, что там кто-то жил раньше.

— Верно, — подтвердил Вильямс, — там стояли дома Пеллисера, Пунеака и Маку, у них было много детей. Но дома развалились, когда в них никого не осталось.

— Ушли на север?

— Пропали. Приехал один человек, увез их в чужую страну, и они пропали, почти все пропали. Женщины и дети тоже.

Следы старого стойбища повествуют об ужасной трагедии, о страданиях, которые во имя чистогана причинили жителям дебрей некоторые белые.⁸³ В 1880 г. Гагенбек приехал на Лабрадор, заманил всяческими посулами восемь эскимосских семей и увез их с собой в Европу. Он показывал их сперва в своем зоопарке, потом в разных городах Германии и в Париже. Все они умерли. В 1893 и 1894 гг. отличился один американский делец; в первый раз он вывез пятьдесят два эскимоса, во второй — тридцать, в том числе женщин и детей. Он действовал с куда более широким размахом, показывал людей и в Америке, и в Европе. Большинство умерло, лишь очень немногие в крайне жалком состоянии вернулись на Лабрадор. Некоторые из этих эскимосов были с берегов залива Гамильтон.

— Отсюда много уехало? — спрашиваю у Вильямса.

— Ну да, Пеллисер, Пунеак, Маку, Шуглюс и другие. С ними женщины и дети. Они все взяли с собой, и собак, и чумы.

— Сколько же вернулось?

— Совсем мало. Приехали в одежде белых. Они были больны, много пили.

Вечернее солнце освещает траву на месте старого стойбища. «Дома развалились, когда в них никого не осталось...», — объяснил Вильямс.

Неподалеку лежит остров Эскимо-Айленд. Вильямс рассказывает, как в давние времена здесь произошла битва между эскимосами и индейцами. Сперва эскимосы неожиданно атаковали на мысу индейцев и вернулись на остров. Затем последовала месть. Темной ночью индейцы подошли на лодках к острову, застигли эскимосов врасплох и многих убили. В молодости Вильямс видел там могилы, их было немало.

Мы осмотрели Эскимо-Айленд. Красивый островок с грудями раковин на берегу, с желтыми цветами в трещинах скал, с леском. Мы обнаружили остатки четырех довольно больших эскимосских домов, еще сохранилась кладка стен. Были там также следы более давнего поселения.

А затем, когда мы пошли по озеру Мелвилла, открылся великолепный вид — вода и дебри, подступающие к фьорду леса. На юге высились горы Миди, где, говорят, и сейчас хорошая охота на карibu.

Входили ли первые винландцы в этот фьорд? Некоторые исследователи считают, что входили. Они опираются на то место в «Саге об Эйрике Рыжем», где говорится о том, что Турхалл Охотник покидает базу на берегу Страумфьорда и идет искать Винланд к северу от Фюрдюстрендене, а также о том, как Турфинн Карлсэвне вышел с той же базы разыскивать Турхалла. В этом плавании участвовал Турвалд, и его убил выстрелом из лука «одноногий». И будто это произошло на берегу реки, текущей с востока на запад.

Как уже говорилось, эти места саги кажутся мало правдоподобными. В самом деле, странно допустить, чтобы винландцы стали искать Винланд в двух с лишним днях пути на север, на Лабрадоре, берега которого они уже видели, и знали, что там край нелюдимый и травы мало.

Тем не менее некоторые исследователи полагают, что Карлсэвне доходил до одной из рек, впадающих в озеро Мелвилла. И прежде всего указывают на Инглиш-Ривер.

Так или иначе, стоило проверить эту догадку. Мне уже кое-что рассказывали про Инглиш-Ривер. Будто река названа так в честь трех англичан, участников битвы при Ватерлоо, поселившихся на ее берегу. Сытые по горло войной и цивилизацией, они предпочли охоту на пушного зверя и до конца своей жизни остались тут. Что же, вполне возможный вариант. В дебрях Северной Канады я сам жил вместе с одним французом, который участвовал в первой мировой войне и попал в газовую атаку. Среди природы он обрел счастье и даже не помышлял о том, чтобы вернуться к цивилизации.

Мы направились к Инглиш-Ривер. Река белыми каскадами сбегает по склонам гор Миди, потом медленно катится через тайгу к фьорду. В устье далеко тянутся песчаные бары, между которыми даже на пластмассовой лодке не легко пробраться. Сюда никак не приложимо то место саги, где говорится, что Карлсэвне вошел в устье и пристал у южного берега реки.

Плоские песчаные берега поросли колосняком, в полях лиловел душистый горошек, но травы почти не было. Мы прошли вверх по реке до небольшого переката, где нам удалось наловить форели. Густой, почти непроходимый еловый лес навевал особое настроение. Мы скользили по темной немой глади, то под навесом ветвей, то объезжая стволы, рухнувшие в воду вместе с участком берега. Шумно хлопая крыльями, взлетела стая уток.

В устье на опушке стоял старый домик; потом я узнал, что он принадлежал эскимосу. На стене снаружи висела связка капканов. Дверь была не заперта, мы вошли. Приколоченный к стене столик, под окном — двое узких нар, застеленных сеном и куском медвежьей шкуры, пень взамен табуретки... К стене прибиты оленьи рога, на них висят пьексы, в углу валяется высохшая утка. Я сам когда-то охотился в Северной Канаде на пушного зверя. Давно это было, а тут на меня повеяло чем-то родным.

Даже если первые винландцы не бывали в заливе Гамильтона, возможно, что сюда доходили другие норманны. Как-никак, здесь можно было заготовить сколько угодно отличного леса, добыть ценную пушнину. Раньше тут в изобилии водилась кунница, в глухих лесах ее мех

становился таким темным и красивым, что куницу называли лабрадорским соболем.

Продолжая исследования, мы дошли до конца фьорда у Нортуэст-Ривер, куда я прилетал годом раньше. Мы с Бенедиктой навестили наших друзей индейцев и обрадовали их фотографиями, на которых они узнали самих себя.

А затем пришла пора «Халтену» возвращаться в Лансо-Мидоуз. По пути нас ждала еще работа, ведь мы не были в южных частях Лабрадора, а там не один фьорд заслуживал изучения.

Возле Пайкс-Рана в устье залива Гамильтона мы услышали выстрелы и пошли на звук. Свернули в бухту и увидели на берегу домик. Перед домиком из земли торчал огромный камень, на котором низкорослый приветливый человек с эскимосскими чертами лица разделявал тюленя. Он представился: Джон Пеллисер. Внимательно следила за работой Джона вся его семья — жена, мать и пятеро милых босоногих ребятишек.

Типичная картинка из жизни людей северного приморья: ожидание охотника, радость при виде добычи и, наконец, разделка, свежее мясо... Тюленья туша мягко распласталась на камне, багровая кровь сбегала по нему в зелено-голубую воду и растекалась темными струйками.

На обратном пути мы осмотрели много фьордов: Блэк-Бер-Бей, Хоукс-Бей, Уайт-Бер-Арм, Гилберт-Бей, Алексис-Бей, Сент-Льюис-Инлет и другие. Многие из них далеко врезаются в сушу. Попав из голого приморья в залив, мы оказались все равно что в другой стране. Нас встречал лес — чем дальше, тем гуще. Особенно хороша ель, но и пихта, береза, осина, ольха немногим ей уступают. Вот только с травой худо.

Людей мы видели мало, лишь кое-где на берегу фьорда стояли дома. Их обитатели в эту пору ловили рыбу в приморье; кончится лов, и они вернутся на зиму в дома. Зимой они будут заготавливать пушнину.

Мы были одни в глухомани. Изредка к воде выходил черный как уголь медведь; в тихих бухточках, ведя за собой вереницу суетливых малышей, плавали утки, с неба вдруг падал скопа и тотчас взмывал вверх с трепещущей рыбой в клюве. Или перед носом у «Халтена» выглядывала круглая как шар черная голова тюленя (*Phoca vitulina*), заинтригованного необычным в его царстве явлением. На суше нам попадались следы карибу, встречали мы

и старые бобровые запруды. Лемминга, хоть он и водится в этих краях, мы не видели, зато было множество лесных мышей. Значит — сытый год для многих зверей и птиц, в частности, для коршуна. Редко мне доводилось видеть столько коршунов, хищники с криком кружили над проходящим мимо «Халтеном», а высоко на крутых скалах, окаймляющих фьорды, прилепились их гнезда.

Очень хорош Хоукс-Бей с его длинными разветвлениями. Через узкий проход в юго-западной части мы проникли на лодке в обособленную часть залива. Тихо журча на голышах, в бухту впадала речушка. Мы прошли вдоль нее пешком до обрамленного камышом и лесом озера. Послышался плеск — выдра нырнула в воду. Хотелось свежей рыбы, и мы забросили удочку, не очень надеясь на улов в такой лужице. Но рыба клюнула мгновенно, и так было чуть не каждый раз. Жирная, блестящая, отчаянно сопротивляющаяся форель весом до четырех килограммов! Часа через два мы направились обратно к лодке, неся большие связки форели.

А когда на «Халтене» мы стали разделять рыбу, то обнаружили, что это настоящие мясоеды. В каждой рыбе мы находили мышей, по три-четыре штуки, а в одном случае — целых восемь. Индейцы называют форель кокомеш, то есть всеядная рыба. Подходящее название. Мы с удовольствием съели эту форель и не заметили никакого мышиного привкуса.

Интересно было также в самом длинном фьорде — Алексис-Бее. На лодке мы добрались до главной реки. И увидели большие участки пала. Из черной земли рядами торчали голые стволы. Печальное, но и живописное зрелище. Здесь не видно было ни одного живого существа, если не считать одинокую сову. В одном месте нам попались клочья медвежьей шкуры и кости. Да, это великая трагедия, когда море пламени захлестывает лес и животные в страхе спасаются бегством или, охваченные паникой, бегут навстречу огню.

Лесные пожары опустошают огромные области Лабрадора; обычно причиной пожаров бывают молнии. Пораженный район остается мертвым, пока не прорастут вереск и мох. Потом медленно возрождается лиственный лес.

В конце фьорда мы сошли на берег острова с удивительно пышной растительностью. Березы в обхват толщиной, кусты красной смородины с крупными спелыми

ягодами. И там впервые мы увидели помет лося. Интересно, что сохатый в этом районе не эндемическое животное, его не так давно привезли на Лабрадор. А благоприятных для лося мест много. Если бы привезти побольше животных, создать крупное стадо, оно могло бы стать важным подспорьем для населения.

Поход на «Халтене» вдоль бескрайних дебрей Лабрадора — Маркланда из саги — близился к концу. Мы осмотрели Фюрдюстрендер и другие берега, видели многое, что могло определить маршрут винландцев и их оценку края. Нашли следы жилья, оно могло принадлежать и эскимосам, и охотникам, и рыбакам, и китобоям. Хотя остатки построек сильно заросли, опознать их было легко. Каменные орудия, керамика, осколки пенковых трубок, большие ржавые гвозди, крючки, кости китов и другие предметы были достаточно красноречивы.

Мы шли теперь южным курсом, стараясь держаться подальше от шхер, и, наверно, наш путь в общем совпадал с маршрутом винландцев. Они искали приличные пастбища; какими представлялись им эти берега? Голые острова и голое побережье вряд ли могли их привлечь. Зайдя в фьорд, чтобы поближе познакомиться со страной, они находили хороший лес, но с пастбищем было плохо. Мне кажется, они рассуждали так: пойдём дальше на юг, может быть, попадетя земля не такая нелюдимая, как этот Маркланд, будет больше травы.

Подобно нам, они прошли Батл-Харбор, после чего могли идти вдоль лабрадорского побережья, а для этого надо было лечь на юго-западный курс. Мы внимательно смотрели на безлесный берег Белл-Айла — нет, вряд ли винландцы стали бы плыть дальше в край, который ничего доброго им не сулил, если можно выбрать что-то другое. А выбор был. Прямо по курсу «Халтена» на юге оказалась другая земля — берег Ньюфаундленда. К северу от него четко выделялся остров Белл-Айл. Наверно, винландцы рассудили так: пойдём, ориентируясь на остров, к этой новой стране, может быть, найдем что-нибудь получше.

Когда мы приблизились к северному побережью Ньюфаундленда, я спросил нашего опытного капитана, как он дальше поведет шхуну.

— Туда, конечно, — ответил Сёрнес, указывая на большой остров Грейт-Сакред-Айленд, дальше всех забравшийся в море. И он добавил: — Любой моряк сделал бы так.

А за островом нам открылся вид на равнину у Ланс-о-Мидоуза и чернеющую вдали гряду Нодди-Хилл. Анна Стина давно уже возвратилась к месту раскопок и все это время работала со своими помощниками. Что она нашла?

Бросаем якорь, и вот уже нос шлюпки с хрустом ложится на гальку возле устья Черной Утки. Нас встречают Анна Стина, Биг Чиф, черноволосый Джоб, гурьба улыбающихся ребятишек. Чувство такое, словно мы вернулись домой.

— Как идут раскопки? — первым делом спрашиваю я.

— Шлепанцы Лейва Эйрикссона еще не нашли, — отвечает Анна Стина с многозначительной улыбкой, — но кое-что можем показать.

Поднимаемся на северо-восточный конец древней береговой террасы и сразу видим что-то новое: большой раскоп, где полным ходом идут работы. Многое еще не ясно, но уже можно определить, что дом был около двадцати метров в длину и в нем было несколько помещений. Тут и там проступают дерновые стены, очаги, много древесного угля.

Участок здесь совсем ровный, с едва заметными складками; мы и не подозревали, что под дерном скрываются культурные слои. Анна Стина рассказывает, что однажды вечером, когда солнце стояло низко, в его лучах вдруг проступило нечто напоминающее угол. Она принялась копать и обнаружила культурный слой.

Еще предстоит немалая работа, но уже ясно: этот раскоп расскажет нам что-то важное. Несмотря на усталость, Анна Стина сияет, и я ее понимаю.

Мы бросили все силы на участок раскопов и трудились до глубокой осени. Воздух с каждым днем становился прохладнее, ветер — злее, но часто светило солнце, так что мы не могли жаловаться.

С севера бесшумно прилетела белая сова; перелетные птицы Ланс-о-Мидоуза начали собираться в стаи. Пospели дикие ягоды. Редко мне доводилось видеть на небольшой площади такое обилие разных ягод. Болото за раскопами пожелтело от морошки. На откосах розовела брусника, густо стояла черника и вороника. В укрытых от ветра местах мы находили красную и черную смородину, крыжовник, малину, калину. Раз нам захотелось малины к обеду — Брюн-

бог быстро собрал около двух килограммов. Ягод было вдоволь, хочешь — запасай на зиму, хочешь — делай вино.

Холодные ветры с моря возвестили о приближении зимы. Пора свертывать работы и возвращаться в Норвегию. На береговой террасе мы нашли пока шесть площадок со следами жилья и большие непонятные ямы. Кое-что уже раскопали, но главная работа впереди. Понадобятся новые экспедиции и несколько лет труда, чтобы довести дело до конца.

И мы пошли на «Халтене» на юг вдоль западного побережья Ньюфаундленда. С этим краем тоже было интересно ознакомиться. Берег, обращенный к проливу Белл-Айл, прямой как стрела, удобных гаваней мало. Но дальше к югу хватает и фьордов и гаваней, за которыми вдали видны лес и длинная гряда Лонг-Рейнджа.

Ньюфаундленд остался позади, мы находились в море к северу от Новой Шотландии, когда из машинного отделения вдруг донесся глухой стук. Потом наступила тишина. «Халтен» беспомощно дрейфовал.

Полетел цилиндр. Мы молча смотрели на искаленную машину, словно на пациента, который только что испустил дух.

Не первый месяц длилась непримиримая вражда между капитаном и старым мотором. И капитан всякий раз, когда машина хорохорилась, с великим упорством и ожесточением бросался на нее и укрощал строптивую. Но вот старый мотор пустил в ход свой последний козырь: попросту скончался.

Однако он не учел, что врачу иногда удается оживить остановившееся сердце. Так и капитан вместе с Брюнборгом ухитрились отходить второй цилиндр. На одном цилиндре мы заковыляли дальше, правда, скорость была нулюдышная.

А небо тяжелое, угрюмое — не шторм ли надвигается? В последние дни мы напрасно пытались поймать по радио прогноз погоды — то ли атмосферные помехи мешали, то ли приемник наглотался соленой воды.

Когда мы очутились к востоку от Новой Шотландии, море начало выкидывать странные трюки. Пошли на редкость крутые волны, они обращались с нами беспардонно. Наш обед растекался по палубе, к великой досаде кока, доктора Мартенса, превыше всего ставившего чистоту и порядок. Ночью меня выбросило из койки на обеденный стол.

И хотя он разлетелся вдребезги, грех жаловаться, потому что сам я отделался только легким ушибом.

Привычные к всякой погоде, мы не очень-то тревожились. Главное, один цилиндр действует, и шхуна, пусть медленно, ползет вперед. Нас удивляло только, что мы не видели в море ни одного судна, даже рыболовных ботов.

Наконец однажды вечером показались огни Галифакса. Когда мы причалили к пристани, к нам подошел кто-то из портового управления и спросил, откуда мы идем. Мы ответили. Он как-то странно посмотрел на нас:

— Вы что же, позабыли про Эсфирь?

Что это он? Возможно, кто-нибудь на борту и вспоминал имя любимой, но причем тут Эсфирь?

— Ваше счастье, что она свернула, не дошла до Галифакса, — продолжал он. — По прогнозу ее ждали здесь. С этими ураганами шутки плохи, а Эсфирь шла со страшной скоростью.

Так вот откуда необычные волны, вот почему в море было так пусто... Только тут мы заметили, что гавань битком набита судами, и у всех двойные швартовы. Ураган Эсфирь всех заставил искать убежища.

А старик «Халтен» ковылял себе на одном цилиндре.

КРАЙНИЙ СЕВЕР ЛАБРАДОРА

В следующие три года были предприняты четыре археологические экспедиции в Ланс-о-Мидоуз. Но сперва я расскажу о наших исследованиях на крайнем севере Лабрадора. Эта работа проводилась два года подряд в конце осени, когда прерывались раскопки в Ланс-о-Мидоузе.

Лабрадор до Нейна я осмотрел раньше. Но было очень важно лучше познакомиться с северной частью полуострова, вплоть до мыса Чидли. Здесь винландцам встретилась суша, когда они прошли через Девисов пролив и спустились от Баффиновой Земли на юг, и здесь можно было представить себе, куда они шли дальше. О крае, который был первым на пути Лейва Эйрикссона, в «Саге о Гренландии» говорится, что там были «большие ледники», и он назвал эту страну «Хеллюланд». Как и А. В. Брёггер⁸⁴, я отождествлял этот край с Баффиновой Землей, но другие исследователи, например Гюстав Сторм⁸⁵, считали, что речь идет о Лабрадоре. Поэтому нужно было выяснить, есть ли на севере Лабрадора ледники, видимые с моря?

Далее от Гренландии рукой подать до северного Лабрадора — где, как не там, заготавливать лес. Но возникает вопрос, есть ли в этом районе достаточно обширные массивы и годится ли лес для строительства кораблей? Словом, в походе на крайний север Лабрадора мы могли получить разные ценные сведения. Заодно мы поискали бы следы норманнов, ведь эскимосы мне кое-что рассказали, но это, конечно, задача трудная.

На самолете, который любезно предоставили в наше распоряжение канадские власти, мы с Эрлинггом Брюнбор-

гом полетели над побережьем на север. Глядя сверху на Девис-Инлет, где живут наскапи, я заметил укрытый от ветра лесной массив, который лежит ближе к морю, чем где-либо еще в приморье. Может быть, норманны прежде всего заходили сюда? Надо будет потом лучше исследовать эти места.

В Нейне я встретил старого эскимоса Исака, с которым познакомился годом раньше. Он знал все приморье до северной оконечности полуострова, и от него я получил много сведений. Но больше всего его занимал тюлень.

— Там на севере уйма тюленя, — мечтательно говорил он.

Снова в воздухе, идем над шхерами. Я попросил летчика отыскать Скулпин-Айленд. На этом острове есть развалины построек, давным-давно открытые миссионерами и приписываемые норманнам. Вопрос обсуждался в научной литературе; в 1939 г. В. Таннер исследовал развалины и сделал заключение, что тут жили эскимосы.

И вот Скулпин под нами. Маленький, со слабо пересеченным рельефом, совсем голый. Мы покружили над островом и различили следы каменной кладки. Зная, где имели обыкновение селиться гренландские норманны, трудно допустить, чтобы они стали строить себе дома в таком месте. Зато эскимосов оно, наверно, вполне устраивало; в этих шхерах, вероятно, было немало тюленьих лежбищ.

Чем дальше летели мы, тем беднее становилась растительность внизу. Преобладал уже полярный ландшафт, и только в глубинных районах мы различали участки леса. Тем сильнее удивили нас берега фьордов к югу и западу от острова Окак, где оказался неожиданно густой лес. Надо будет и сюда наведаться... Крупный массив мы увидели и у лежащего еще севернее залива Напактук, примерно на 58° северной широты, но тут лес был реже и деревья поменьше.

Вдруг — резкая смена декораций. Летим над могучим хребтом Торнсет, простирающимся до северной оконечности полуострова — мыса Чидли. Дикий ландшафт, удивительно живописный. В море обрываются тысячеметровые горы самых причудливых очертаний. На многих островах вздымаются ввысь вершины. Но сплошной цепочки шхер тут нет, берега островов открыты океанским волнам.

Тщетно высматривал я ледники. Лишь кое-где в горах промелькнули белые поля длиной от силы несколько километров. Очевидно, это глетчеры, но их вряд ли можно

различить с судна, идущего вдоль берега. Слова саги о «больших ледниках» неприложимы к этому краю. Хеллюланд — несомненно Баффинова Земля.

Пока мы летели над горами, видимость на севере ухудшилась, и вход в Гудзонов пролив было не разглядеть. Некоторые, в том числе Ялмар Холанд, полагают, что норманны сворачивали в пролив и доходили до залива Джеймса. Это маловероятно. Во-первых, в Гудзоновом проливе сложный фарватер, льды, непостоянные течения, разница между уровнем прилива и отлива достигает почти двадцати метров. Во-вторых, у человека, идущего этим путем, должно сложиться впечатление, что он углубляется в арктические области, а не покидает их. Лед, мороз — этого добра у гренландцев хватало и дома, их манили более благодатные южные края.

Высота самых больших вершин Торнгет 1700 метров; на севере, к мысу Чидли, хребет понижается примерно до четырехсот метров. Винландцы, наверно, издали видели эту приметную землю. Мне стало особенно очевидно, сколь прост был их маршрут. Двое суток шли они через Девисов пролив, а затем всю дорогу видели землю. Сперва высокие, увенчанные ледниками вершины Баффиновой Земли, потом остров Резольюшен, северная оконечность Лабрадора. А дальше — вдоль лабрадорского побережья на юг, пока прямо по курсу не покажется Ньюфаундленд.

На обратном пути мы сделали посадку в Нейне, и я снова зашел к моему другу Исаку. Он оживился, услышав, что я повидал берега, где он в молодости ходил на своем каяке. Но мой рассказ о полете, горах, развалинах и прочем оставил его безучастным. Он только спросил:

— А тюленей видел?

В другой раз я вместе с фотографом Хансом Виде Бангом вылетел на север, чтобы поближе познакомиться с привлекшим мое внимание лесным массивом вокруг Тасюяк-Бя, к югу от острова Окак. Если мое впечатление было верно, то это самый северный на Лабрадоре пригодный для рубки лес, и самый близкий от норманнских поселений в Гренландии по пути в Винланд.

Мы сели на озере в нескольких километрах от Тасюяк-Бя. Самолет отправился дальше, а мы остались наедине с дьябрями.

На запад между лесистых гряд тянулась цепочка озер, вдали высилась большая гора с шапкой белого снега. Ночные заморозки широкой кистью прошли по склонам, и они теперь пестрели красками — ржаво-коричневый или огненный вереск, желтые гирлянды берез.

Мы поставили палатку и отправились на речку наловить рыбы на ужин. Мечта рыболова: бурные перекаты чередовались с широкими плёсами, где в заводях играла крупная рыба. От Э. П. Уилера я знал, что эскимосы называют эту речку Аугут-таусувик, что означает: «Место, где он возомнил себя большим человеком». Ироническая эпитафия в память одному эскимосу, который неосторожно похвастал, что здешние пороги ему нипочем. Ему пришлось сесть в каяк и попытаться пройти, и он погиб.

На другом берегу реки мы увидели еще одного рыболова — черного медведя. При виде нас он встал на задние лапы, потом не спеша удалился вверх по склону, заросшему брусникой.

В цивилизованных краях вы часто огорчаетесь, когда рыба не клюет. Здесь же рыба огорчалась, когда ей не представлялся случай клюнуть! За двадцать минут мы выловили изрядное количество гольца, несколько форелей и одного лосося. Самая крупная рыба весила около семи килограммов.

В следующие дни мы изучали лес и приморье. Нашли следы эскимосов, исстари знавших, что этот край сулит хорошую добычу охотнику и рыболову. Тут и тюлень, и рыба, а раньше, наверно, водилось много карibu. Да и пернатых хватало. Мы видели большие стаи уток, а в лесу часто встречали бушпатрика — птицу величиной с глухаря, — он спокойно подпускал нас на близкое расстояние.

Мне прежде всего хотелось проверить, действительно ли лес таков, каким я видел его с воздуха. И лес оправдал мои ожидания, особенно в глубине Тасюак-Бея, где ели достигали четырнадцати дюймов в поперечнике. Позже удалось также осмотреть массив в соседнем заливе Окак-Бей — он был не хуже.

Иначе говоря, в этом северном краю гренландские норманны вполне могли добыть хороший материал для строительства кораблей. Но легко ли было открыть эти леса? Вдоль побережья разбросаны острова, однако в просветах между ними с проходящего корабля нельзя было не заметить деревья. И если люди искали лес, было бы только

естественно зайти в залив, чтобы хорошенько осмотреть участок.

Я не утверждаю, что гренландцы именно здесь заготавливали лес. Тем не менее важно было установить, что здесь находится самый северный массив на Лабрадоре, в котором они могли найти хороший строительный материал. Плыть сюда ближе, чем до любого другого крупного лесного массива. По винландскому маршруту от Вестербюгдена до района Окак около 800 морских миль, то есть всего пять-шесть суток хода.

Конечно, за пятьсот лет существования гренландской колонии у норманнов могли появиться и другие поводы ходить в Северную Америку, и они плыли дальше на юг вдоль лабрадорского побережья. Так же как и Лейв Эйрикссон, они могли заготовить лес в других местах, где останавливались на тот или иной срок.

Мы забирались далеко в глубь леса. Стояли прохладные осенние дни, светило лучистое солнце. Лес, река, песчаные гряды, цепочка озер — все дышало великим покоем. Вечером, добыв несколько рыбин, мы сидели у костра перед палаткой в ожидании, когда закипит котелок, и поглядывали на нашего соседа — медведя. Он целыми днями пасся на бруснике за рекой. На нас он не обращал никакого внимания, спешил наестся. Вполне естественно, зима на носу, надо запасти жирок перед тем, как залечь в берлогу.

Второй лесной район, который привлек мое внимание, когда я летал над Лабрадором, находился у Девис-Инлета. Крупный массив подходит здесь к морю очень близко. Не исключено, что привлекательный, защищенный большим островом Укастиксалик уголок заинтересовал норманнских мореходов. Мне казалось, что стоит поработать в этом районе. Заодно я решил познакомиться с живущими здесь наскапи — самыми северными индейцами Лабрадора. Может быть, я получу ценные сведения от этих людей, знающих край как свои пять пальцев.

Конец сентября, сезон раскопок в Ланс-о-Мидоузе завершен. Участники экспедиции отправились домой, а Ханс Виде Банг и я вылетели на север к индейцам.

Девис-Инлет нас не разочаровал. Тихий залив между лесистых гряд — укромное убежище на суровом лабрадорском побережье.

Между деревьев на косогоре белели палатки. Ребятишки при виде нас поспешили скрыться, но затем их рожицы высунулись в окошки над дверью. Женщины, которые появлялись из лесу с вязанками дров на спине, завидев нас, тоже торопились уйти в палатки. Несколько охотников, занятых своим делом, словно не замечали чужаков. Всем своим поведением люди говорили: «Что вам тут надо в нашем краю?»

Мы поставили свою палатку по соседству, и через несколько дней дела пошли лучше, но отчуждение все-таки не проходило. Это племя (оно насчитывает несколько больше ста человек) стоит особняком среди индейцев Лабрадора. Сразу видны уроженцы дебрей и, хотя они теперь

обзавелись кое-какой современной утварью, душа их верна старине. В 1937 г. финский исследователь В. Таннер писал: «Никогда еще у меня не было столь сильного ощущения, что я стою лицом к лицу с людьми каменного века, даже пещерными жителями».

Наскапи — охотники на карибу, и культура племени говорит, что это их исконное занятие. Известно несколько групп индейцев, одна тяготеет к Уайт-Вэйл-Ривер у Гудзона залива, вторая к области залива Унгава (индейцы чиму), третья — та, к которой приехали мы. Охотничьи угодья наших знакомцев находились в обширной внутренней области на границе тундры. Там они ставят свои палатки у больших озер Мистастин, Мистиниби, Индиен-Хауз-Лейк и других. Прежде здесь бродили стотысячные стада карибу. Индейцы шли на охоту с луком и стрелами, позже с ружьем, ставили ловушки или били оленей копьями с лодок в местах переправ. Но пути карибу неисповедимы, иногда стада исчезали, и тогда людей ожидала голодная морозная зима, а то и смерть. Жестокая борьба за существование закалила народ, привила индейцам навыки и сноровку, и они выживали там, где другие погибли бы.

Первые приехавшие сюда европейцы записали, что наскапи после ледохода спускались по рекам к северному берегу Лабрадора — в район Вуаси-Бей, Девис-Инлет и другие места. А осенью возвращались вверх по Натакванону и по другим рекам в охотничьи угодья. Некоторые из них круглый год оставались жить на краю тундры.

Естественно, со временем индейцев стали манить торговые фактории на побережье, где за шкурку песца можно было получить всякий товар, но ритм жизни в целом определялся миграцией карибу. Весной олени шли в приморье попасть на свежей траве и произвести на свет потомство, и индейцы следовали за ними. Везде, где было много оленя и где ничто не преграждало ему путь (в канадской тундре к северу от Большого Невольничьего озера, на Аляске, в Сибири), движение стад подчинялось одним законам. Даже одомашненный олень в Норвегии летом идет к побережью. Каменные орудия, найденные у Девис-Инлета, тоже свидетельствуют о том, что индейцы издревле спускались в приморье.

Некоторые исследователи считают, что наскапи сравнительно поздно достигли северной окраины Лабрадора, что их и родственных им монтанье оттеснили на восток и на

север враждебные ирокезы. Но это еще не доказано, и во всяком случае если не они, то другие индейцы охотились на оленей во внутренних областях Лабрадора. Наверно, огромные стада карибу уже в древности привлекали охотников. И о каком бы племени ни шла речь, весной люди должны были следовать за оленями в приморье. Этим я хочу сказать, что среди встреченных норманнами скрелингов вполне могли оказаться индейские охотники.

Теперь стада карибу очень сильно сократились, условия существования во внутренних областях стали намного хуже. И наскапи уже не странствуют так далеко, хотя во многом верны обычаю предков. Они кочевники, и главное для них олень, но охотятся они и на мелкую дичь, ловят рыбу в реках и озерах. Живут наскапи в палатках, весь их нехитрый скарб можно увезти на каноэ. «По экономическому и социальному укладу их можно отнести к самым примитивным народам нашей планеты», — пишет В. Таннер.

В быту и психологии наскапи потому сохранилось столько от старины, что они жили очень обособленно. Цивилизация сюда почти не проникла и причинила сравнительно мало вреда. Важную роль при этом сыграло и то, что патер Питерс, много лет проведший в Девис-Инлете, отстаивал право индейцев продолжать кочевую жизнь, связанную с охотой на оленей. Если нарушить эту традицию, народ захиреет.

Наскапи — крепкие, сильные люди, стройные, с мягкой, непринужденной походкой. Черты лица сугубо индейские, волосы черные, глаза карие и блестящие. Мужчины держатся гордо, иногда даже надменно.

Нашими первыми друзьями стали мальчуганы в возрасте от шести до десяти лет — Мачин, Патни и Ачетаи. Эти славные сорванцы при первой возможности превращали нашу палатку в сумасшедший дом. Потом мы познакомились ближе и со взрослыми, особенно интересным было знакомство с суровым охотником Ценисом, который без промаха бил птиц из лука. И мы узнали немало интересного. Так, нам рассказали про состоявшуюся в давние времена битву между индейцами и эскимосами на острове, лежащем к югу от Девис-Инлета, названном Массакре-Айленд (остров Побоища). Но о старых развалинах они мало что могли поведать. Два индейца показали нам места,

где кто-то что-то видел, сами мы тоже походили кругом, но все впустую.

В один прекрасный день индейцы вдруг стали собираться в дорогу. Сняли палатки, уложили свое имущество и отнесли к озеру. Одна за другой ушли на запад каноэ и две моторные лодки.

Мы последовали за ними, задумав на некоторое время разделить с индейцами их кочевую жизнь. Я хорошо знал, что отношения между индейцем и белым складываются совсем иначе, когда они оказываются на равной ноге в дебрях. Может быть, там наскочи станут откровеннее, и я узнаю что-нибудь про развалины и прочее? Может быть, мы услышим старые предания, содержащие важные детали? А честно говоря, я не столько рассчитывал найти следы винландцев, сколько захотел опять, как много лет назад, покочевать с охотниками на карибу. Интересно было встретить народ, не только образом жизни, но и манерами удивительно похожий на индейцев, среди которых я провел четыре года в Северной Канаде (к северо-востоку от Большого Невольничьего озера). Любопытно будет сравнить обе оленьи культуры. И как приятно вновь почувствовать себя вольным жителем дебрей!

Патер Питерс подвез нас на моторной лодке в дальний конец залива Сангу. Здесь, в этой глуши вместе с женой Шарлоттой и девяносточетырехлетним Дэвидом поселился охотник и рыболов Альберт Эдмунд. Шарлотта была родом из Чиму в заливе Унгава. Они предложили нам переночевать, и мы отлично отдохнули у них.

Под вечер пришел катер с пассажирами, собаками и разным снаряжением. Сильный ветер гнал довольно большие волны. Недалеко от берега собак швырнули за борт — дальше плывите сами. Одна из них чуть не утонула, но это никого не обеспокоило. Мокрые тощие псы выбрались на сушу и повалились на бок.

У всех индейцев собаки были мелкие и худые, а ведь впереди зима и им предстоит трудиться в упряжке под жестокими ударами кнута. Совсем иначе выглядела упряжка Альберта — крупные, сытые псы с торчащими кверху косматыми хвостами. Поразительно, как индеец умеет заставить совсем обессиленную, казалось бы, собаку тащить сани. Между индейцами и собакой устанавливается какой-то особый контакт, объяснял Альберт. И дело не в кнуте, тут есть что-то еще.

Мы одолжили у Альберта старую лодку. Он предупредил, что на реках будет немало трудных мест, и мы взяли по его совету проводника — индейца Джерома.

И вот идем следом за наскапи вверх по реке Сангу. Где работаем веслами, где перетаскиваем лодку через пороги. Потом долина раздалась в ширину и впереди открылось обрамленное лесом озеро Сангу, за которым заманчиво голубели горы.

Несколько семей поставили свои палатки на берегу чудесной бухточки около реки. Чтобы нам не докучали их вороватые собаки, мы разбили лагерь на другой стороне бухты. В это время подул сильный ветер, озеро побелело от барашков, и нам пришлось на несколько дней задержаться.

Мы хотели использовать время ожидания для знакомства с соседями, но дело шло туго. Как-то вечером наш проводник на ломаном английском языке объяснил: «Вы не понравились женщинам». Неприятно мужчинам услышать такое замечание... Но и не считаться с ним нельзя, потому что здесь, как и везде, слово женщины значит немало. Мы решили завоевать расположение индианок и через некоторое время добились известного успеха.

А Джером с каждым днем все более замыкался. Я догадывался, что это из-за жены, которая осталась на берегу залива Сангу среди молодых мужчин. На третий день он взял ружье и патронташ и зашагал в лес. Ни слова не сказал, просто ушел.

Снова выглянуло солнце, красивое озеро Сангу превратилось в блестящее зеркало. Нагрузив свои каноэ, индейцы двинулись в путь. Собаки переплыли реку и затрусили вдоль берега за хозяевами. Мы тоже свернули лагерь.

Переход продолжался несколько дней — сначала через озеро, потом вверх по реке. Течение было таким сильным, что грести стало трудно; мы срубили длинные шесты и отталкивались ими с раннего утра до позднего вечера. Ханс отлично владел этим сложным искусством. Недаром он жил среди саамов Северной Норвегии, а они мастерски владеют шестом.

Индийские каноэ несли тяжелый и разнородный груз. Между женщинами и детьми размещались щенки, всякий скарб. Казалось, в лодке негде повернуться. Стоящий на корме индеец уверенно втыкал шест в речное дно, повисал на нем и толкал лодку вперед против бурного течения так, что ни одна струйка не перехлестывала через борт.

Похолодало, вдоль берега реки во многих местах появился лед. Комары прекратили свои кровавые налеты, но мошка не унималась. Кругом был лес, местами реку стискивали крутые песчаные обрывы. Взлетали спугнутые лодкой стаи гусей. У каждой излучины мы, затаив дыхание, ждали, что будет за поворотом?

В последний день путешествия мы наскочили на топляк и пропорол старую парусину, которой была обтянута лодка. Пришлось причаливать к берегу и конопатить дыру смолой — дело долгое. И когда мы снова двинулись в путь, то сильно отстали от индейцев.

Идем уже двенадцать часов, стемнело, а их все не видно. Неужели они решили плыть всю ночь?

Наконец за очередным изгибом реки послышался собачий лай и на опушке мы разглядели палатки. Из темноты появились тени — индейцы прибежали встретить нас. Они улыбались — их отношение к нам вдруг переменялось, словно нас признали своими. Индейцы помогли нам выгрузить вещи и затащить лодку на берег, потом показали хорошее место для палатки и помогли поставить ее. Когда все было сделано, Набун принес в подарок добрый кусок оленины. Мясо, конечно, тотчас попало в котелок, и в палатке распространился чудесный аромат.

В этом месте индейцы исстари ловили рыбу и не только для себя: они откармливали вконец отощавших собак. Оленей охотники выследили в горах, в одном дневном переходе к западу.

Место и впрямь было рыбное. Индейцы ставили сети в заводи возле лагеря и два раза в день брали богатый улов. На берегу рыбу нетерпеливо ждали женщины и не менее нетерпеливо — псы. Часть улова кидали собакам, и затевалась яростная драка, хотя кругом лежало столько крупной рыбы, что они не успевали съесть. Наскапи берут здесь арктического гольца, идущего вверх по реке на нерест. Вес отдельных рыбин достигает десяти килограммов, и это не редкость в здешнем краю. В больших озерах ближе к тундре попадаются форели до двадцати пяти килограммов.

Скоро мы совсем освоились, заходили в любую палатку, и везде нас встречали улыбками. Жизнь маленькой общины на берегу таежной реки протекала тихо и мирно. Индейцы были в своей стихии и чувствовали себя великолепно. Ходили на охоту — кто за мелкой дичью, кто в горы за оле-

нем. Нам тоже перепадала свежая оленина или пласт сушеного мяса: только мясо у них считается настоящей едой. Все разговоры вращались вокруг атеука — дикого оленя. Индейцы рассуждали о том, где сейчас может быть основное стадо, и что идти туда можно лишь после того, как кончится лов рыбы. Хотя и сильно убыло оленей в последние годы, для них пока еще хватает.

Женщины трудились от зари до зари: шили, дубили шкуры, стряпали, ходили за дровами. Такая уж у них судьба — работать, не щадя себя. Прежде, когда у индейцев не было собак, в маленькие сани (утасенагаск) во время переездов впрягались женщины. Мужчина — охотник. И властелин мироздания.

У девушек были милovidные лица и совсем не суровые глаза. Жизнерадостный и энергичный народ эти девушки, особенно обаятельная озорная Маниата. Время от времени они гурьбой отправлялись в лес. Ловко орудуя топором, заготовят дров и возвращаются в лагерь с огромными вязанками на спине. Дрова связаны ремнем, один конец которого надет на лоб. А чтобы он не врезался в кожу, под него подкладывали веточки ели. В черных волосах зеленая хвоя выглядела очень нарядно.

В обществе оленебоев я чувствовал себя почти так же, как среди индейцев пограничной с тундрой области, расположенной северо-восточнее Большого Невольничьего озера. Нелегко усмотреть разницу между этими двумя племенами. У них одинаковое мышление, очень сходны бытовые предметы. Конечно, есть в этих предметах и различия. Скажем, у пьексов наскапи нос не загнут. Да разве за короткий срок узнаешь все про охотничий народ! Неожиданно было в дебрях Лабрадора услышать предание о человеке, поймавшем солнце, которое мне рассказывали много лет назад в индейской палатке к востоку от Большого Невольничьего.

В этом лагере только один индеец сносно говорил по-английски, но все же он был дельный переводчик. Язык наскапи родственен языку монтэнье, оба племени относятся к группе алгонкинов и понимают друг друга, несмотря на разное произношение. Интересно, что на языке наскапи слово «индеец» будет «инну», множественное число — «иннуитс». Это похоже на слово «иннуит», которым называют себя эскимосы. Но не буду вторгаться в лингвистику.

Однажды в лагере послышался возглас: «Метеуате!» (люди идут!). Показалась лодка, и на берег сошел высокий жилистый мужчина со своей семьей. У него было узкое, китайского типа лицо с клочком волос на подбородке. Несмотря на возраст (около пятидесяти лет), он двигался легко, на все живо реагировал. Томас Нур (так звали мужчину) был, что называется, человеком старой закалки. Мы сразу поняли, что он здесь известен и всеми уважаем. Томас Нур изрядно постранствовал по тундре и пограничной области на западе, ходил от Чиму (берег Унгава-Бей) на севере до Севен-Айлендса на юге, добирался до Норт-уэст-Ривер и других далеких уголков.

Прежде такие дальние странствия были обычным делом, легкие на подъем наסקапи не считались с расстоянием. И другие племена лабрадорского приморья не сидели на месте. Возникали контакты, индейцы встречались в обширных внутренних областях, где бродили стада карибу.

Томас Нур хранит традиции предков и обладает их сноровкой. Он подробно описал нам, как делать берестяное каноэ, лук и стрелы, копье. У каждой маленькой детали (их бездна) есть свое название. Уверен, если у Томаса отнять ружье и нож, он сможет жить в дебрях ничуть не хуже своих первобытных предков.

Снова и снова он возвращался к оленю, рассказывал, сколько было карибу раньше. Правда, случалось и так, что олень не приходил, и люди умирали с голоду. С интересом услышал я, что прежде индейцы, совсем как эскимосы нунамиуты в Северной Аляске, устраивали большие загоны с ловушками для оленя (менекен). И так же как у нунамиутов, у индейцев были предания о мамонтах (ачиотаск).

Как-то вечером, когда над горами струилось зелеными и фиолетовыми переливами северное сияние, Томас Нур остановился перед нашей палаткой, замороженно глядя на небо. Потом сказал: «Вестевагабу»... (северное сияние). Сказал так, словно вкладывал в это слово какой-то особый смысл. Он ничего не добавил, и я не знаю, что он думал в эту минуту. В старых поверьях наסקапи северное сияние — это души мертвых, пляшущие на своем празднике.

Я расспрашивал индейцев, доискиваясь подробностей, которые могли указывать на встречу с норманнами в далеком прошлом, но ничего существенного не узнал. Правда, мне удалось выяснить интересные детали.

В «Саге о Гренландии», там, где речь идет о походе Турвалда в Винланд, сказано, что ему попались скрелинги, спавшие под лодкой. Наскапи говорят, что в старое время было вполне обычным делом спать под берестяным каноэ. «Сага об Эйрике Рыжем» рассказывает о встрече Турфинна Карлсэвне с туземцами, у которых были сосуды с кровью и жиром. Это блюдо знали и наскапи, оно у них называлось мунапун.

Становилось все холоднее, кромка льда вдоль берегов реки росла. Близилась середина октября, в любую из ночей лед мог перекрыть реку и отрезать нам путь. Отряд индейцев пошел в горы охотиться на оленя. Мы бы рады были присоединиться к ним, но время не позволяло.

— Ситапмук — будьте осмотрительны, — сказал Томас, когда мы сели в каноэ, чтобы двинуться в обратный путь.

И вот лагерь индейцев остался за излучиной. Только тот, кто шел на шестах вверх по реке, может вполне насладиться спуском через пороги. Правда, надо было глядеть в оба, русло изобиловало топляком с острыми суками. Спугнув по дороге лисицу и медведя, мы живо домчались до озера Сангу.

На озере нас встретил ветер, однако не такой сильный, чтобы нельзя было идти дальше. Чуть правее нашего курса лежал островок: если запахнет штормом, можно причалить к нему. Мы заработали веслами, вдруг из-за горы вышла чернущая туча, и сразу начался шторм. Озеро побелело от барашков, лодчонка запрыгала через неприятные крутые волны, вода захлестывала лодку.

Нам стало не по себе — тут только зазевайся... Сумеем ли мы одолеть ветер и волны и добраться до островка или нас понесет на просторы изрытого ветром озера, где шансы на спасение почти равны нулю? Мы гребли как одержимые, и победили.

Четыре дня мы пережидали на острове непогоду, чувствуя себя робинзонами. Стало плохо с провиантом. Рыбу в шторм не половишь, и мы рыскали в ельнике в поисках чего-нибудь съедобного. Набрели на кусты вкуснейшей красной смородины. И вдруг услышали кудахтанье на дереве. Вот сюрприз! На островке оказались бушпатрики. Мы застрелили трех птиц, развели на берегу костер из плавника и поджарили добычу на вертеле. Хорошо жить на свете!

Когда мы наконец дошли до Девис-Инлета, там осталось всего несколько человек, в том числе вождь Джо Рич, которому преклонный возраст не позволял отправляться за оленем в дальний путь. Вождь был одним из лучших знатоков родовых традиций и помнил бездну старинных преданий. Вечерами я слушал его и записывал.

Джо Рич ввел меня в удивительный мир индейских суеверий, охватывающий всю природу. Во всем живом сидит тот или иной дух. Олень, медведь, волк, россомаха, выдра, воробей, вошь и другие живые существа говорили и действовали по-человечески. А люди превращались в животных. Большое значение придавалось снам и всему, что находится над человеком — солнцу, луне, северному сиянию, звездам, дующим в тундре холодным ветрам. И, конечно, не обходилось без духов, причем злых — «мацену». Всем этим полны образные индейские сказания. Сюжет многих сказаний — извечная борьба людей со злыми силами из-за оленя. И выше всех стоит олений бог Катипенимитавк.

Слушая старого индейца, я вновь перенесся в особую атмосферу, знакомую мне по Брукс-Рейнджу на севере Аляски; я тогда гостил у эскимосских охотников на карибу — нунамиутов, и эскимос Панеак в своем чуме рассказывал мне родовые предания. В сказаниях материковых эскимосов и индейцев оказалось много общего, и во всем слышен голос простейших движений человеческой души, порожденных суровой борьбой за существование и страхом смерти.

Таковы некоторые наблюдения, сделанные нами во время поездки к наскапи, самым северным индейцам Лабрадора, народу оленьей культуры, проводящему лето у Девис-Инлета. Как уже говорилось, в далеком прошлом и другие охотники на карибу, вероятно, спускались по рекам из страны дикого оленя в этот район побережья. Укрытый лесной уголок лабдорского приморья, наверно, привлекал норманнов, и они заходили сюда на своих кораблях, чтобы заготовить лес, поохотиться и, возможно, торговать с туземцами. Доказательств мы не нашли, но я ближе познакомился с тем народом Лабрадора, который лучше других сохранил старинные предания и обычаи. Теперь я лучше представлял себе, как могли выглядеть те, кого винландцы называли скрелингами.

НОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ОТКРЫТИЕ КУЗНИЦЫ

Предварительные итоги раскопок в Ланс-о-Мидоузе были очень многообещающими. Много говорилось за то, что постройки норманнские; мы не нашли ничего, что указывало бы на эскимосов или индейцев, а также на европейских рыбаков или китобоев. Но до конца работ было еще далеко, и мы с волнением ожидали новых находок.

Да, похоже, что совсем немного остается до того дня, когда можно будет ответить на важный вопрос: кем и как была открыта Северная Америка. И я решил, что к очередной экспедиции (1962 г.) нужно привлечь видных ученых из других стран. От Исландии участвовали доктор Кристьян Эльдъярн, профессор Турхаллур Вильмюндарсон и Гисли Гестсон; от Швеции — Рольф Петре; от Канады — доктор Вильям Тейлор и доктор Иэн Уитикер; от Норвегии, кроме моей жены Анны Стины и меня, — геолог Кари Хеннингсмуэн, фотограф Ханс Виде Банг и Бенедикта Ингстад. Археологической частью руководила Анна Стина.

Норвежские члены экспедиции выехали в поле раньше других. Для перехода от Галифакса до Ланс-о-Мидоуза канадские власти любезно предоставили нам судно «Истор» с командой. Вообще представители военно-морского ведомства — контр-адмирал К. Л. Дайер и другие — очень много сделали для нашей экспедиции.

Капитан Сэм Лиллингтон поднялся на мостик, и «Истор» двинулся на север. Мы плыли по-княжески, нас обхаживали и обслуживали. Совсем не то, что самим воевать с волнами!.. Часть пути совпала с прошлогодним маршрутом. «Истор» летел словно птица, и я невольно вспоминал, как наш «Халтен», кашляя одним цилиндром,

плелся со скоростью три узла по периферии урагана Эсфирь.

Мы не сомневались, что быстро дойдем до цели. Но когда «Истор» приблизился к северной части западного побережья Ньюфаундленда, наша уверенность поколебалась. Навстречу нам, подгоняемые крепнущим ветром, густо шли большие льдины. Это было в середине июня, мы находились примерно на широте Лондона.

Нечего было и пытаться обогнуть северную оконечность острова, оставалось только поспешить в Сент-Антони, пока нас не затерло. «Истор» стал медленно пробиваться на запад. Капитан был воплощенное спокойствие, но я догадывался, что происходит в его душе — ведь судно было отнюдь не приспособлено к плаванию во льдах. Наверно, он мысленно молился богу, когда очередная льдина с грохотом ударялась о борт или задевала винт.

Мы добрались до Сент-Антони. Теперь у нас был один выход: пересечь полуостров и попробовать попасть в Лансо-Мидоуз с запада. Мы перебросили все снаряжение в залив Пистолет, наняли двух помощников и три рыбачьих бота и поплыли вдоль северного побережья на восток.

Удастся ли с этой стороны пройти сквозь льды? Поначалу надежды было мало, но мы петляли от полыньи к полынье, и всякий раз, когда казалось, что мы бесповоротно застряли, опытные рыбаки находили выход. Возле Шип-Коува мы, к своему удивлению, встретили небольшую лодку. Муж с женой и двое детей преспокойно ловили рыбу, словно опасные льды вокруг были для них чем-то привычным. Крупная треска так и мелькала в воздухе.

Смеркалось, когда впереди показался Лансо-Мидоуз. Похоже, все в порядке. И тут мы наткнулись на сплошной пояс льдов. Неужели затрет у самой цели? Выскочив на лед, мы рубили его топором, расталкивали шестами и все-таки протиснулись к берегу. Это было 24 июня. Вот как неодинакова здесь ледовая обстановка в разные годы. Годом раньше мы вообще не видели льдов.

Поставили палатки, и раскопки возобновились. Малопомалу лед пропал, и только два айсберга остались между островами.

Потом в заливе сел гидроплан, на котором прилетел доктор Вильям Тейлор, археолог Национального музея Канады. Для нас было очень важно участие знатока археологии эскимосов и индейцев; к тому же доктор Тейлор

хорошо знал, как развивалась канадская культура после повторного открытия. Несколько позже прибыл доктор Иэн Уиткер из Ньюфаундлендского университета, находящегося в Сент-Джонсе. Оба они оказались чудесными людьми, полными жизнерадостности, присущей тем, для кого жить в палатке в далеком краю дело обычное.

По утрам геолог Кари Хеннингсмуэн отправлялась на охоту... за болотами. Ни ветер, ни дождь не могли укротить ее энергию. Кари Хеннингсмуэн интересовал особый тип болот, и когда она находила искомое, то брала длинным буром пробы пластов, в которых сохранилась цветочная пыльца растений давней поры. Пыльца может сохраняться тысячи лет. У каждого вида растений своя пыльца, изучая ее, можно определить, каким цветам, каким деревьям она принадлежала.

Пыльцевой анализ позволяет судить об изменении растительности и о колебаниях климата. Нам было важно узнать, какой климат царил на Ньюфаундленде около тысячи лет назад, когда Лейв Эйрикссон и другие норманны ходили в Северную Америку.

Мы надеялись также, что исследования Кари Хеннингсмуэн скажут нам что-то о колебаниях земной коры. Геологам пока мало известно о колебаниях суши на Ньюфаундленде. Если тысячу лет назад уровень моря был намного выше, кораблям, вероятно, было легче войти в мелкий теперь залив. Может быть, даже устье реки было доступно для судов.

С волнением следили мы за раскопками на большом участке, открытом Анной Стиной годом раньше. Обнажались новые помещения, очаги, земляные печи, непонятные канавки. Работа на этом раскопе была закончена лишь через год, поэтому подробно об этом я расскажу в другой главе. Здесь укажу только, что площадь дома была примерно 20×16 метров, и он состоял из пяти (возможно, шести) помещений.

— Эй, в палатке! — доносилось снаружи каждое утро, после чего к нам заглядывала бородатая физиономия Биг Чифа.

Мы еще протирали глаза, а Джордж Декер уже полным ходом рассказывал очередную историю. О мяснике, который откапывал трупы и продавал мясо, о пиратах, которые украли красивую невесту, об одной женщине, которая

колотила мужа поленом и отличалась a wonderful miserable temper (замечательно подлым нравом).

Чтобы разнообразить стол, я отправился в рыбачий поселок, где, по слухам, можно было раздобыть омаров. За неслыханно низкую цену, каких-нибудь тридцать крон, я получил полный мешок омаров. С живой ношей я зашагал через болота и холмы обратно; и когда высыпал добычу на траву перед палаткой, то-то было радости! Мы устроили пир, предвкушая, как много дней будем наслаждаться королевским блюдом. Но полный мешок омаров — это немало, и с каждым днем наш восторг умерялся. Скоро мы уже не могли смотреть на этих огромных ракообразных.

Погода была совсем не та, что в прошлом году, когда мы радовались солнечному теплomu лету. С моря, неся дождь, часто дул холодный ветер. Комаров было мало, цветы еще не появлялись. Непогода губила их, поэтому осенью даже на самых урожайных местах почти не было ягод. Плохо было и с рыбой. Видно, прибрежная вода оказалась треске слишком холодной, и она отступила в море. Да, плавучие льды сильно влияют на климат.

Здесь год на год так непохож, что мореходы, высаживаясь на этот берег в разные годы, могли получить прямо противоположное впечатление о крае. В «Саге о Гренландии» в описании базы Лейва Эйрикссона, всячески расхваливается Винланд. В «Саге об Эйрике Рыжем» говорится, что на базе Турфинна Карлсэвне, которая, очевидно, тоже находилась в Винланде, зима выдалась суровая и стало трудно с едой. И те и другие сведения вполне приложимы к Ланс-о-Мидоузу, где погода и ход рыбы могут очень сильно различаться.

Когда бушевал шторм, нашим женщинам приходилось трудновато. Как-то ночью разверзлись хляби небесные, Черная Утка разлилась и подобралась к женской палатке. Дождь лил во все щели, имущество поплыло, и женщины провели ночь, сидя у стола на складных стульях, — ноги в воде, голова на столе... Но они не жаловались.

Прибыли исландцы — доктор Кристьян Эльдъярн, Турхаллур Вильмюндарсон и Гисли Гестсон — и шведский археолог Рольф Петре. На берегах Черной Утки стало совсемлюдно. Мы нарочно оставили нетронутые площадки для других археологов, и теперь швед получил свой уча-

сток, исландцы — свой. Кое-где явственно проступали признаки деятельности человека, в других местах ничего не было видно, но расположение участка позволяло надеяться на новые находки.

На древней береговой террасе, изогнувшейся дугой на северо-восток от Черной Утки к морю, было обнаружено шесть площадок со следами жилья. Но под дёрном могли скрываться еще следы. Один участок, казалось, особенно подходил для строительства. Рольф Петре взялся копать на нем и вскоре натолкнулся на культурный слой, в котором было много древесного угля. Он вскрыл площадку размером примерно 10×5 метров. В середине площадки был след кострища, рядом — выложенная сланцем угольная камера известного по гренландским раскопкам вида.

Петре сделал важные находки: обломок костяной иглы норманнского типа, кусок меди длиной около пяти сантиметров, с поперечными рисками. Он лежал в очаге. Лабораторный анализ показал, что медь не чистая, выплавлена примитивным способом и содержит разные примеси. Эту находку нельзя считать эскимосской или индейской, они знали только самородную медь почти без примесей и ковали ее в холодную. Плавильный процесс был им неизвестен. Трудно сказать, чем служил кусок, найденный Петре. Возможно, это была бляха с ремня, нечаянно оброненная в очаг.

Благодаря тому что медяшка лежала в очаге среди древесного угля, удалось примерно установить, когда ее обронили. Радиоуглеродный анализ на C-14 дал 900 г. нашей эры, ± 70 лет. Это тот период, когда норманны ходили в Винланд.

Чуть севернее большого раскопа находилась своеобразная широкая яма. Почти такая же яма была обнаружена на другом берегу реки, ближе к морю. Петре и исландцы поделили между собой эти объекты.

Глубина обеих ям была около семидесяти сантиметров. Диаметр первой около двух метров тридцати сантиметров, длина и ширина второй (поверху) — 230×110 см. В ямах лежали зола и древесный уголь, а также окатанные морем камни величиной с кулак, явно обожженные огнем.

Очевидно, это были земляные печи; в них закладывали раскаленные камни и потом засыпали сверху землей. Земляные печи известны, начиная с каменного века, в разных странах. Раскопки показали, что такими печами охотно

пользовались норманны в Гренландии, причем позднее, чем во многих других местах. Чаще всего земляные печи помещались в домах, а иногда и на воле. В Гренландии они, наверно, применялись так широко потому, что трудно было раздобыть котлы для больших семей.

Итак, винландцы были хорошо знакомы с земляной печью. И естественно, что вдали от дома, в дальних странах, где они имели лишь минимум снаряжения, умение обойтись таким устройством, конечно, было очень кстати. Ежедневно нужно было готовить пищу для большого отряда. Так, в экспедиции Лейва Эйрикссона участвовало тридцать пять человек, с Турвалдом пошло тридцать, Карлсэвне взял с собой сто шестьдесят человек, Фрёйдис — около семидесяти. Большие ямы в Ланс-о-Мидоузе могли вместить изрядное количество тюленьего или китового мяса; разделанный олень весь вошел бы в такую печь. Вспоминается стих Турхалла Охотника, в котором сказано, что участники отряда Турфинна Карлсэвне варили кита в Винланде.

Чтобы не предварять археологические отчеты, я не буду рассматривать здесь вопрос, можно ли определенно считать эти печи норманнскими. Скажу только, что вполне естественно связать их с древним поселением на террасе. Радиоуглеродный анализ дал дату ям, близкую к возрасту построек.

Петре исследовал, кроме того, обширный участок за постройками, где могли находиться мусорные кучи. Почва и здесь была такая, что на сохранность предметов трудно рассчитывать. Кости, как правило, превратились в порошок. Находок сделано было мало.

Годом раньше в одном из раскопов мы подобрали довольно большой кусок шлака. Необычная находка заставила нас призадуматься. Можно было предположить, что жители домов на древней террасе добывали железо из болотной руды.

Коротко опишу, как выглядел этот процесс в эпоху викингов и в средние века на родине норманнов, в Норвегии. Сперва выжигали древесный уголь. Болотную руду собирали под дёрном возле болот, затем дробили и прокачивали над костром, чтобы выжечь органические вещества и выпарить влагу. Потом яму в земле (горн), выложенную камнем или обмазанную глиной, заряжали смесью руды и древесного угля; уголь поджигали и мехами вду-

вали воздух. При восстановлении окисла в яме получался шлак и кусок железа (крица). В этом процессе важно, чтобы температура была достаточной для плавления шлака (не менее 1100 градусов), но недостаточной для плавления железа (не больше 1250—1400 градусов). При слишком высокой температуре получался чугун, а от него было мало толку. Как удавалось точно держать температуру в нужных пределах, еще не выяснено, но очевидно, что для этого требовался большой опыт.

Крицу доставали клещами, клали на наковальню и выбивали молотом шлак. Закалка тоже была делом не простым. Железо нагревали до определенной температуры, затем быстро охлаждали в воде. Лишь после этого из него можно было изготавливать ножи, топоры, оружие.

Словом, добывать железо из болотной руды было сложно, справиться с этим мог только знающий человек, прошедший все ступени обучения хитрой науке. Моряк, попавший в Ланс-о-Мидоуз и случайно нашедший болотную руду, не сумел бы извлечь из нее железо, если бы не был кузнецом — знатоком своего дела.

Итак, в раскопках Ланс-о-Мидоуза мы подобрали куски шлака, теперь необходимо было узнать, есть ли здесь болотная руда, где находились яма для выжигания угля и горн, в котором выплавлялся металл, и наконец, где стояла кузница?

Болотную руду Эльдъярн нашел возле самой реки, по соседству с раскопами и большим болотом. Руды было много, стоило копнуть дерн, как открывался плотный слой комков. Они были разной величины, самые большие — с куриное яйцо ржаво-красного цвета, а на изломе — с красивым синеватым отливом.

Как уже говорилось, за рекой, на краю береговой террасы была большая яма, явно вырытая людьми. Мы все гадали, что бы это могло быть; одна Анна Стина с чисто женским упорством твердила, что это кузница.

Участок отвели исландцам, и они взялись за работу с великим пылом и старательностью. Сразу под дерном их ожидала замечательная находка — чудесный овальный светильник из стеатита — явно изделие дорсетских эскимосов. Очевидно, здесь некогда жили эскимосы.

Исландцы продолжали углубляться в культурный слой. И вот однажды по лагерю прошел слух, что на террасе происходит нечто из ряда вон выходящее. Мы поспешили

туда. Сидя на корточках, ученые что-то лихорадочно собирали, словно это было золото.

Шлак... Множество комков шлака — маленьких и побольше, с куриное яйцо. Зарываясь все глубже, они собрали несколько сот комков общим весом около пятнадцати килограммов. Нашли также тонкие полоски железа, которые хорошо притягивались магнитом, и болотную руду. На откосе, спадающем к реке, тоже подобрали шлак и руду.

И когда маленькая площадка на краю береговой террасы была раскопана, нашим глазам предстала простая, но увлекательная картина. Размеры площадки $2,75 \times 3,75$ метра. Земляной пол покрыт черными пятнами угля. Посередине площадки сантиметров на восемь возвышался врытый в почву ровный, плоский камень длиной около двадцати пяти сантиметров. Первоначально он был длиннее, но один конец откололся, и куски торчали по соседству. Рядом находился очаг.

Теперь не приходилось сомневаться, что здесь помещалась кузница. Плоский камень служил наковальней, очаг — горном. Я рассказываю лишь о самом главном, раскопки дали много интересных подробностей, но о них речь пойдет в научном отчете.

Естественно было предположить, что крицу, выплавленную из болотной руды, несли в кузницу, где из нее выбивали шлак. Но чтобы выплавить железо из руды, требовался древесный уголь. Где его выжигали?

Метрах в семи от кузницы на террасе находилась другая яма, исландцы принялись за нее. Под дёрном оказался слой древесного угля, и дальше тоже попадались слои угля, один из них толщиной до двадцати сантиметров. Глубина ямы до нижнего пласта угля — около семидесяти пяти сантиметров; сверху, где она шире, ее размеры примерно $2 \times 2,5$ метра. Очевидно, здесь-то и выжигали древесный уголь.

Оставалось только найти печь, где плавилась болотная руда. По опыту других раскопок мы знали, что это нелегкая задача. В Гренландии обнаружены и кузницы, и шлак, но ни одной печи; в Исландии, насколько мне известно, найдена лишь одна печь. Не повезло и нам в Ланс-о-Мидоузе, однако позже недалеко от кузницы, на гребне террасы, почти над самым откосом обнаружили груды шлака. Возможно, здесь и была печь, но со временем ее стенки обвалились.

Новые находки помогли нам лучше представить себе древнее поселение в Ланс-о-Мидоузе и обитавших здесь людей.

Стоит сказать несколько слов о том, как исторически развивалась добыча железа из болотной руды. Способ был известен в Европе за две тысячи лет до нашей эры; в Норвегии, во всяком случае, в пятом веке до нашей эры. Во времена викингов и в эпоху средневековья добыча железа в стране росла, оно стало играть очень важную роль в экономике. О производстве металла говорят многочисленные кучи шлака, комки железа и уголь, которые чаще всего находят в горных долинах. Выплавка железа стала не только постоянным занятием в хозяйстве, но и источником существования для многих. Норвегия полностью обеспечивала себя металлом, вероятно, даже часть вывозила. В Исландии, освоенной людьми около 800 г., выплавка железа из болотной руды была широко распространена во времена викингов и, наверно, продолжалась до XV в. В большинстве районов страны был найден шлак, открыта одна печь, обнаружено кованое железо. Наковальни делались и железными, и каменными, как в Ланс-о-Мидоузе. Способ производства был, несомненно, тот же, что в Норвегии. Судя по источникам, кузнечное ремесло пользовалось почетом. О норвежце Скаллагриме, который переселился в Исландию во времена Харалда Прекрасноволосого (то есть был одним из первых переселенцев), сага говорит, что он был добрый кузнец и зимой всю зиму занимался выплавкой железа из болотной руды. С берега моря он принес большой камень для наковальни. Утром Скаллагрим начинал работать так рано, что челядь роптала. Тогда Скаллагрим сочинил стих:

Вставай на заре, кузнец,
Кошель набивать серебром,
И пусть раздувает мех
Пожар среди черных углей.
Пою и молотом бью
Без усталости я по железу,
Что жаркие искры мечет
Под вой ненасытного меха.

Как я уже говорил, в норманнских селениях в Гренландии тоже найдены шлак и кузницы. Доктор Нильс Нильсен, который провел тщательные исследования, считает доказанным, что гренландцы добывали железо из болотной

руды, причем, вероятно, уже с первых лет освоения. Исландцы и норвежцы, переселившиеся на арктический остров, привезли с собой знание плавильного дела.

Таким образом, находки кузницы, болотной руды, шлака, маленьких кусков железа и печи для выжигания угля в Ланс-о-Мидоузе вполне отвечают тому, что мы знаем о выплавке железа в Норвегии, Исландии и Гренландии, то есть в тех странах, откуда происходили винландцы и их потомки.

Коренные жители — индейцы и эскимосы — не умели выплавлять металл. Они иногда использовали самородную медь или метеоритное железо, но ковали вхолдную.

На вопрос, не занимались ли добычей железа в далеком Ланс-о-Мидоузе рыбаки или китобойи после повторного открытия Северной Америки на рубеже XV в., можно ответить, что это маловероятно. Для этого они должны были везти с собой человека, владеющего нелегким искусством выплавки металла из болотной руды. А ведь в Европе уже повсеместно развилось горное дело. К тому же можно считать доказанным, что находки в Ланс-о-Мидоузе нельзя связывать с китобоями или рыбаками. В частности, два радиоуглеродных анализа материала, взятого из горна кузницы, убедительно подтверждают вывод, подсказываемый историческими документами. Вот полученные даты: 860 год нашей эры ± 90 лет и 890 ± 70 лет. Это совпадает с походами в Винланд.

Винландцы отправлялись в чужую страну, чтобы основать там поселение, и без человека, владеющего трудным искусством выплавки металла, они были бы как без рук. Чего доброго, пришлось бы возвращаться к каменному веку.

Итак, около тысячи лет назад над рекой, в маленькой выемке на краю береговой террасы стоял кузнец и бил молотом раскаленное железо, разбрызгивая искры. И гул размеренных ударов летел к обложенным дёрном домам и дальше над просторной равниной.

НОВЫЕ РАСКОПКИ ПЛАВАНИЕ В УАЙТ-БЕЙ

В 1963 г. мы отправились в очередную экспедицию в Ланс-о-Мидоуз, чтобы продолжать раскопки. Кроме Анны Стины и меня, участвовали археологи Чарльз Бэрэйс и Джон Уинстон из Иллинойского университета, Ханс Виде Банг, Николай Экхофф и Бенедикта Ингстад. Летом к нам присоединились доктор Генри Коллинз из Смитсонова института и доктор Джуниус Берд из Американского естественно-исторического музея.

Годом раньше я предложил премьер-министру Ньюфаундленда, Джозефу Смолвуду, построить павильон над важнейшими раскопами, чтобы сохранить их для потомства. Иначе осадки и ветер быстро все уничтожат. Предложение было принято, приехал подрядчик, и я рассказал ему, как представляю себе застройку.

И теперь мы с волнением приближались к Ланс-о-Мидоузу. Не испортят ли павильоны красивый ландшафт? С радостью мы убедились, что павильоны хорошо смотрятся и сочетаются с местностью. Весь комплекс строений с двухскатными крышами и коричневыми стенами чем-то напоминал норвежскую ферму в горах.

Анна Стина продолжала работать на площадках и делала все новые находки. Раскопки большого дома и прилегающего к нему участка потребовали немало времени, но и они подходили к концу.

Мы уже убедились, что не все в прошлом застроенные участки оставили видимые следы на поверхности, поэтому не менее важной работой была закладка шурфов. Мы надеялись найти еще какие-нибудь предметы. Могли по-

пасться, кроме того, захоронения или следы мест, где на берег выкатывали корабли.

Шурфы закладывались на большой площади наугад, и мы не надеялись на слишком многое. Но вышло так, что и эта работа дала интересные результаты, хотя она мало прибавила к тому, что мы знали о винландцах.

Были найдены сильно изъеденные ржавчиной обломки железных изделий. Некоторые предметы лежали в глубоких слоях, однако большинство из них принадлежало коренному населению, например, гарпунный наконечник дорсетских эскимосов. Индейские каменные орудия были обнаружены недалеко от большого дома и рядом с берегом моря, где Петре годом раньше тоже собрал такие предметы. Там же раскопали очаги (видимо, в этом месте стояли палатки), причем можно было определить возраст угля. Нам уже попадались каменные орудия и в других местах, а исландцы, как я говорил, нашли красивый стеатитовый светильник дорсетских эскимосов.

В целом получилось неплохое собрание эскимосских и индейских каменных орудий. По-видимому, они многое расскажут археологам о Ньюфаундленде. Во всяком случае эти предметы освещают прошлое Ланс-о-Мидоуза. Судя по разрозненным находкам, здесь в древности были временные стойбища эскимосов и индейцев, иначе говоря, рассказ саги о встрече норманнов со скрелингами в Винланде подтверждается.

В этом году лосося в Черной Утке было больше, чем в наши прошлые приезды, и рыбаки брали неплохие уловы. Но меня речка интересовала совсем в другой связи. Может быть, в ней потеряны какие-нибудь предметы? Разве не могли инструменты из кузницы соскользнуть по крутому откосу вниз? Да и сам кузнец по пути в кузницу или обратно, прыгая с камня на камень, мог что-нибудь обронить в реке.

И я затеял большую работу: мы отвели Черную Утку в другое русло. Старое ложе, по которому она неторопливо извивалась среди тальника, обнажилось. Мы долго работали лопатками, но, видно, кузнец, прыгавший через реку тысячу лет назад, бережно хранил свой инструмент. Наш опыт не оправдал надежд, однако мы обязаны были его сделать.

Слух о наших открытиях явно распространился далеко на юг, потому что в Ланс-о-Мидоуз то и дело прилетали

гости. Глядя на очередной самолет, Декер удивленно сказал:

— Сколько тут живу, ни одного самолета не было, а теперь их словно комаров.

Мы принимали частных лиц из США, потом епископа со священниками, потом одного члена парламента. Затем дошло до министров, и наконец губернатор Ньюфаундленда дал знать, что собирается нанести визит. Он назвал день и час, когда прибудет на военном корабле. В Ланс-о-Мидоуз из Бон-Бея на юго-западном побережье немедленно явился представитель властей, мистер Уайт, очень славный человек. Его сопровождал на редкость плечистый блюститель порядка из Королевской конной полиции в парадной форме. Уайт должен был официально встречать губернатора, меня он попросил быть хозяином и экскурсоводом.

Весть о том, что в Ланс-о-Мидоуз прибудет на военном корабле сам губернатор, вызвала переполох в рыбацьем поселке; только Джордж Декер держался невозмутимо. Срочно принялись искать флаг, единодушно решив, что без него нельзя обойтись. На весь Ланс-о-Мидоуз нашелся один английский флаг, да и тот маленький и потрепанный. Его прикрепили к палке.

Настал долгожданный день. Для представительства я извлек галстук из недр чемоданов. Когда приблизился назначенный час, я отправился в поселок и зашел в дом, откуда открывался вид на море. Здесь меня уже ждали исполненный торжественности мистер Уайт и маленькая, нарядно одетая девочка, судорожно стиснувшая в руке палку с английским флагом. Все поглядывали на часы — военные моряки славятся аккуратностью.

Дул сильнейший ветер, море побелело от барашков, над шхерами высоко взлетали брызги. Мне не верилось, что губернатор в такую отвратительную погоду решится идти к берегу на катере.

А вот и военный корабль могучим серым силуэтом скользит за островами. Кажется, сбавил ход. Мистер Уайт, приехавший издалека только ради торжественного случая, мрачно произнес:

— Не пройдет же губернатор мимо, как ты думаешь?

Но серый силуэт опять прибавил ход и пошел курсом на юг.

— Остановится где-нибудь за островом, — уныло протянул представитель властей.

Увы, корабль не остановился и вскоре пропал в штормовой мгле.

Напрасно встречающие — посланец с юго-западного побережья, нарядная девочка с флагом и я при галстукке — стояли у окна.

Здесь уместно сказать несколько слов о том, как внимательно канадские власти относились к моим экспедициям, как охотно нам помогали. Много сделало для нас правительство Ньюфаундленда, а также Департамент по делам Севера и национальных ресурсов. В частности, в одном из отделов Департамента была составлена для нас карта района Ланс-о-Мидоуза. Дейв Александер и его люди отлично поработали. Военно-воздушные силы Канады провели аэрофотосъемку, а военные моряки помогали нам транспортом.

Но самое трогательное произошло в один осенний день. Из поселка прибежал парнишка с телеграммой, в которой военно-морское командование предлагало прислать за нами миноносец. Я был очень благодарен за такую заботу, но нас задерживала работа и пришлось отказаться. В жизни часто кое в чем себе отказываешь, но впервые я отверг предложение воспользоваться миноносцем.

Теперь немного расскажу о том, как мы осмотрели с воздуха и с моря соседний с Ланс-о-Мидоузом район — восточное побережье длинного северного мыса в сторону Уайт-Бей. В этой разведке кроме меня участвовали Ханс Виде Банг и Николай Экхофф.

У нас не было времени искать здесь следы жилья, главное было составить общее впечатление о природных условиях. Для тех, кто тысячу лет назад жил в Ланс-о-Мидоузе, естественно было ходить сюда на разведку и на охоту. Судя по «Саге об Эйрике Рыжем», Турфинн Карлсэвне шел в этом направлении, когда достиг хула. Да и Турвалд как будто плыл здесь в тот раз, когда нашел место, где хотел построить себе усадьбу, но был убит в стычке с туземцами. Если на этих берегах по соседству с Винландом (из саг), которые и по Сколхолтской карте составляют часть Промонториум Винландиа, есть хорошие участки, то за пятьсот лет существования Гренландской колонии на них вполне могли обосноваться норманны.

Восточное побережье оказалось довольно плодородным. Во многих местах лес подступал к самому морю, а в глубине острова он простирался сплошным зеленым ковром до

Лонг-Рейндж. Мелькали фьорды и бухты, было много рек, в которых в прошлом, наверно, водился лосось. Часто встречались неплохие луга, правда, не такие обширные, как в Ланс-о-Мидоузе.

Мы обратили внимание на Сопс-Арм, где условия показались нам особенно благоприятными. В горловине залива лежит большой остров Сопс-Айленд с богатой растительностью: ель и лиственницы, всякие цветы, дикие ягоды — малина, брусника, красная смородина, крыжовник. Перед заброшенными рыбацкими домиками были участки высокой травы.

На северо-восточном мысу мы нашли остатки многих строений, однако следы отчасти стертые — здесь раскинулось картофельное поле. Арлингтон Мэллери⁸⁶ привязывает эти следы к норманнам, но каменные орудия и другие предметы не оставляют сомнения в том, что жили здесь эскимосы (дорсетские). Место чудесное, террасу высотой около пяти метров обрамляет лес. Через фьорд поблизости проходит гренландский тюлень. Года два назад тут застрелили двух белых медведей.

Раньше в Уайт-Бее тоже обнаруживали следы дорсетских эскимосов, по-моему, дальнейшие изыскания прибавят находок. Так, если норманны шли на юг вдоль восточного побережья, они, вероятно, встречали эскимосов.

Мы походили на моторной лодке по фьорду, осмотрели участки, которые вполне могли привлечь внимание виландцев. В этом глухом уголке есть редкое население. Мы познакомились с очень приветливыми людьми, такими, как Артур Бэдден, его радушная жена и Уотсон Бэдден. Уотсон рассказал, что в лесу на западе есть две глубокие ямы, вырытые, по его мнению, в старое время для поимки оленей. Мы отправились туда.

До ям было около часа ходьбы через густой ельник, перемежающийся небольшими площадями крупноствольной березы, осины и ольхи. А вот и ямы. Зоркий неугомонный Николай отыскал еще две, так что всего оказалось четыре ямы. Нас удивили большие размеры ям: глубина — четыре метра, длина и ширина по верху примерно 6×6 метров. Расстояние между ямами 30—50 метров. Ямы старые: в одной на дне выросла большая ель; кроме того, мы нашли в них уголь после лесных пожаров.

Уотсон объяснил, что ямы располагались как раз на пути оленьих кочевков. Весной стада шли по склонам Лонг-

Рейндж на север, а в ноябре — на юг, к большим лесным озерам — Индиен-Лейк и другим. Теперь оленей стало меньше, но раньше здесь ходили огромные стада.

Кто же вырыл эти ямы? Проще всего было назвать обитавших в этих краях беотуков, охотников на карibu. Но в преданиях о беотуках ни слова не говорится о ямах, зато описаны изгороди, направлявшие оленя прямо на охотников. И другие индейцы Северной Америки, насколько мне известно, не ловили оленей в ямы. Вообще не в характере индейцев тратить силы на тяжелые земляные работы. Столь же маловероятно, чтобы и жители приморья — эскимосы стали рыть ямы в гуще леса. Европейским рыбакам это тоже вроде ни к чему. В Норвегии в далеком прошлом было обычно ловить оленей в ямы, и рыли их по несколько в ряд. Однако не будем спешить с выводами.

Природные условия в северной части восточного побережья, граничащей с районом Ланс-о-Миодуза, на мой взгляд, хорошие. В ту пору, когда край был девственным, норманны могли найти в нем все, что им требовалось: пастбища, лес, тюленя, треску, лосося, карibu, пушного зверя и прочее. Я не удивлюсь, если и в этом районе когда-нибудь обнаружат их следы.

Тем временем на берегу северной оконечности Ньюфаундленда по-прежнему шли раскопки. Новые находки подтверждали старые, и теперь уже не приходилось сомневаться, что постройки были норманнские, доколумбовой поры. Это вполне отвечало теории, которую я предложил, опираясь на исторические источники и старые карты.

Мы навестили доктора Эльмера Харпа на Пор-о-Шуа (так называется мыс на западном побережье, с южной стороны пролива Белл-Айл). Эльмер Харп много лет раскапывал дома из камня и дёрна, сооруженные дорсетскими эскимосами, — он был первым археологом на Ньюфаундленде.

Место красивое, развалины стоят на обращенной к морю, поросшей травой равнине. Через пролив совершал миграции гренландский тюлень, следовательно, промысел здесь, наверно, был отличный. Интересно сравнить здешние постройки с теми, которые раскапывали мы. Они выглядят совсем иначе, в этом убедился и Харп, когда приехал к нам. К тому же он собрал очень много кремня, до тысячи

обломков в одном доме. А мы на месте большого дома подняли всего один маленький обломок.

Приближалось завершение одной из наших главных задач в Ланс-о-Мидоузе — заканчивались раскопки большого дома, открытого Анной Стиной два года назад. С первого дня эта работа была на редкость увлекательной. Площадку обнаружили в таком месте, где не было видно никаких неровностей. Очертания и размеры постройки еще долго оставались загадкой, даже после того как появились первые следы культурного слоя. Мы терпеливо зарывались в землю, гадая, чем все это кончится.

Медленно вырисовывались контуры жилья. Показалась дерновая стена, открылось просторное помещение с длинным очагом, потом еще помещения со своими очагами, ямы в полу, непонятные канавки, сланец и камни, сильно изъеденные ржавчиной гвозди, куски шлака, прочие предметы. И вот полностью вскрыто жилище людей, обитавших тут много столетий назад.

Длина дома составляет примерно двадцать метров, максимальная ширина — шестнадцать; в нем пять (возможно, шесть) помещений. Пол — плотно утрамбованный песок. Остовы капитальных стен более или менее явственно проступали в виде низких валов из дёрна или земли с песком. Местами отчетливо просматривались границы дернин.

Самое большое помещение представляло собой зал длиной примерно восемь и шириной четыре метра. На продолжении продольной оси зала находилось два помещения поменьше, по одному с каждой стороны, так что вся эта часть строения представляла собой типичный длинный дом ¹¹².

Посредине зала размещался обложенный камнем очаг длиной три метра. В центре очага находилась выложенная камнем угольная камера такого же вида, как в двух других постройках. По бокам длинного очага в сторону капитальной стены пол был выше, видимо, здесь были земляные нары. Наверно, их накрывали ветками или шкурами, так что можно было и сидеть, и лежать.

В остальных помещениях тоже найдены очаги; очаг в северо-восточной клетке выложен особенно тщательно. Рядом с ним в земляном полу видно круглое углубление, словно сделанное чаном или котлом. Сходные, но более крупные вмятины найдены в норманнских домах в Гренландии; полагают, что они оставлены молочными чанами.

Как в зале, так и в других помещениях в полу много ям разной величины. Не буду подробно их описывать, скажу только, что некоторые, вероятно, представляли собой земляные печи.

Примечательная черта южного помещения — две канавки в полу. Они почти параллельны, расстояние между ними примерно три метра. Каково их назначение?

По норманнским усадьбам в Гренландии, в том числе по Братталиду — вотчине Лейва Эйрикссона нам известны вырытые внутри помещений канавки. Возможно, они играли дренажную роль, а может быть, по ним шла проточная вода. В исландских сагах есть места, позволяющие предполагать, что вода в доме была нужна также и на тот случай, если враг задумает его поджечь.

Так, в одной саге про Турбьёрг из Индридастада рассказано, что она отвела речку к себе в дом, когда подошел противник. Мы знаем, что винландцам приходилось остерегаться индейцев и эскимосов.

Но для раскопанного нами большого дома это объяснение не подходит. Скорее всего, в канавках лежали балки, служившие опорами для внутренних перегородок.

В разных точках большого дома сделаны интересные находки: куски шлака, ржавые железные гвозди, оселок, каменный светильник, напоминающий исландский и другие предметы. И ни один предмет нельзя привязать к эскимосам или индейцам, а также к китобоям или рыбакам. Местами на полу густо лежал древесный уголь, как будто в доме был пожар.

Раскопки не позволяют уверенно судить о конструкции большого дома, да и других тоже. Похоже, что дома в основном были сложены из дёрна но, вероятно, применялись и лесоматериалы, из них делали стропила под дерновый настил, дверные рамы и так далее. Бревна добыть было легко, лес рос поблизости, а на берегу лежали груды плавника. Зато камня, пригодного для строительства, тут мало.

Судя по величине раскопа, здесь стояло несколько соединенных вместе домов, как это бывало в Исландии. И ведь в Винланд ходил не один отряд. «Сага о Гренландии» сообщает, что все они останавливались в домах Лейва. В отряде Лейва Эйрикссона было тридцать пять человек, у Турвалда — тридцать, у Карлсэвне — шестьдесят, не считая женщин, да еще скот, у Фрэйдис — около семидесяти человек, половина из которых поселилась по соседству с дома-

ми Лейва. По «Саге об Эйрике Рыжем» экспедиция Карлсэвне насчитывала сто шестьдесят участников, кроме женщин; эта сага тоже дает повод заключить, что отряд обосновался в месте, разведанном Лейвом. Наверно, винландцам приходилось сооружать новые дома, а это легче всего сделать, пристраивая их к старым.

Но точно нам ничего не известно. Правда, возникает предположение, что длинный дом с залом был в числе первых построек. И я могу себе представить, что большой дом, стоявший на видном месте у самого моря, занимали предводители и прочие знатные люди. Наверно, в Гренландской колонии, как и в других норманнских общинах X в., была своя аристократия — старейшие роды. Конечно, в дальнем походе многое менялось, но сословное деление все-таки в чем-то сказывалось.

Вернемся к древесному углю, который был найден на полу большого дома и указывает на пожар. Огонь уничтожил многие норманнские дома и церкви в Гренландии. Что произошло в Ланс-о-Мидоузе? Может быть, индейцы или эскимосы подожгли дом, когда уехали винландцы? Если так, то почему? Из страха перед злыми духами? Или во время одного из последних, неизвестных нам походов в Винланд разыгралась какая-нибудь драма? Атака индейцев, поджог и битва?... Мы ничего не знаем, но во всяком случае когда-то большой дом могучим костром пылал на равнине в Ланс-о-Мидоузе.

В заливе сел гидроплан, прилетевший с юга, и мы гадали, кто бы это мог быть. Послали лодку, она привезла двух улыбающихся мужчин. Более высокий из них, здороваясь со мной, протянул сразу обе руки — одну для рукопожатия, другую, чтобы вручить мне бутылку водки. Неплохой способ знакомиться! Это были доктор Генри Коллинз и доктор Джуниус Берд — известные американские археологи. Доктор Коллинз приехал, чтобы дать заключение о раскопках по просьбе Национального географического общества США, отпустившего немало средств на нашу очередную экспедицию. Американцы приняли участие в работах. Это было как вливание свежей крови; обоих археологов отличал не только горячий интерес к делу, но и жизнерадостность, присущая людям, которые много странствовали вдали от городов.

Как уже говорилось, собранный к этому времени материал не оставлял сомнений в том, что постройки в Ланс-о-Мидоузе принадлежали норманнам. Тем не менее было любопытно, что скажут Коллинз и Берд, виднейшие археологи США. Тем более что Берд занимался раскопками на Лабрадоре. Однако я не спешил их спрашивать.

Но вот как-то раз мы с Бердом сидели на краю шурфа, роясь в земле, словно кроты. Вдруг он выпрямился, окинул взглядом древнее поселение и сказал:

— Вы попали в самую точку.

Коротко и ясно. Позже оба американца представили отчеты, где подробно объясняли, почему постройки следует считать норманнскими, сооруженными в доколумбовую эпоху.

НОРМАННСКОЕ ПРЯСЛИЦЕ БЛАГОДАТНЫЙ ВИНЛАНД

Опять нам нехватило времени, чтобы закончить все работы. Пришлось снарядить еще одну экспедицию. В 1964 г. в раскопках, кроме Анны Стины, участвовали Джуниус Берд и его жена Пегги, Биргитта Уоллес из музея Карнеги (Питсбург), шведка родом, и, наконец, Тони Бердсли из Канады.

Вопрос был уже ясен, но нас все время не покидала мечта: найти столь неоспоримо норманнский предмет, чтобы даже неархеологи сразу видели, что тысячу лет назад в Ланс-о-Мидоузе жили норманны.

Все годы, начиная с первой экспедиции, мне снилось, что мы находим в земле меч — большой, великолепный меч. Но какой норманн оставит свой меч? Не менее бережно относились тысячу лет назад к охотничьим ножам, тем более что человек вообще мог приехать в чужую страну с одним-единственным ножом. И даже если бы на участке осталось что-то ценное, эскимосы или индейцы, как уже говорилось, наверно, подобрали бы.

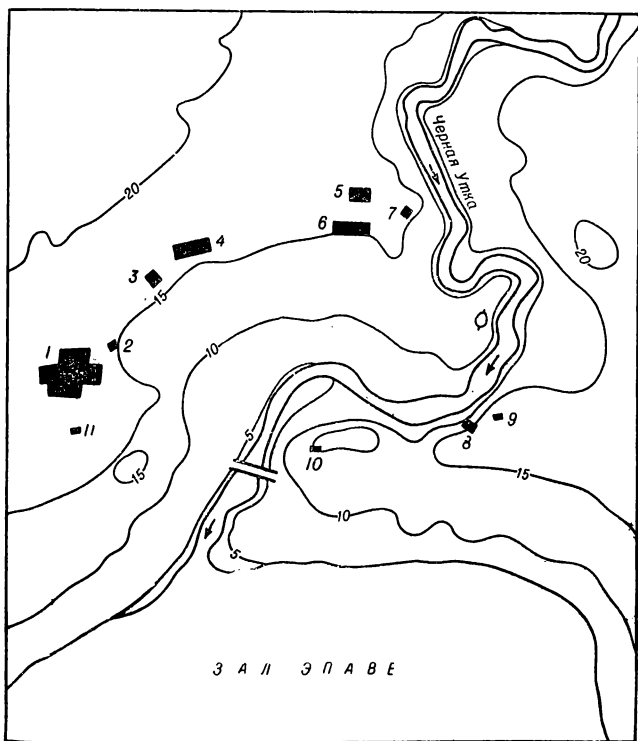
И вот.. Анна Стина решила заложить шурф у стены крайнего южного помещения большого дома. Работая там, Тони вдруг заметил необычный предмет, маленькое колечко из камня. Громким криком он дал знать о своей находке.

Прибежали Анна Стина и Бенедикта, глянули на колечко и бросились обнимать друг друга. Любой скандинавский археолог сразу опознал бы в этом колечке скандинавское пряслице.

Пряслице было из стеатита, примерно 3,5 сантиметра в поперечнике. Тыльная сторона неровная и испачкана сажей; вероятно, пряслице сделано из черепка от горшка или от светильника. Других обломков стеатита в этом районе

не найдено, так что пряслице, наверно, либо привезли с собой, либо выточили из черепка, подобранного в эскимосском или индейском стойбище.

Пряслица такого рода были широко распространены в Швеции, Норвегии, Исландии и Гренландии в эпоху ви-

План Ланс-о-Мидоуза. Высоты нанесены в футах.

1—большой дом; размеры приблизительно 16×20 метров, пять (шесть) помещений, в том числе зал с длинным очагом и ямкой для хранения углей. Пряслице скандинавского типа было найдено у южной стены дома; 2—7—другие раскопки, в некоторых найдены очаги, ямки для хранения углей, земляные печи, а также шлак, кусок меди, обломок костяной иглы древнескандинавского типа; 8—кузница на террасе у реки; 9—яма с древесным углем, который, очевидно, выжигался здесь; 10—11—земляные печи.

кингов и позднее. Если положить найденное в Ланс-о-Мидоузе пряслице рядом с любым, раскопанным в Скандинавии, неизбежно бросается в глаза их полное сходство. Без такого колечка было бы гораздо труднее пряхть

шерсть, и скандинавские женщины охотно им пользовались. Разумеется, индейцам и эскимосам Ньюфаундленда и Лабрадора, типичным охотникам, пряслице было совсем ни к чему.

Эта находка превзошла все наши ожидания. Она дала нам больше, чем мог бы дать меч. Стало ясно, что среди прежних обитателей Ланс-о-Мидоуза были женщины. И у жителей поселка была шерсть для прядения.

Замечательно, что и в этом случае сведения в саге подтверждаются. «Сага об Эйрике Рыжем» говорит, что Турфинн Карлсэвне, отправляясь занимать новые земли, взял женщин и в том числе свою жену Гюдрид. На корабле был и скот; можно не сомневаться, что гренландцы, собираясь осваивать далекий край, где им предстояло ткать и одежду, и паруса, брали с собой овец. В экспедиции Фрэйдис тоже участвовали женщины, но в этом случае сага ничего не говорит про скот.

Маленькое помещение рядом с шурфом было единственным с южной стороны большого зала и стояло особняком. Может быть, в нем жили женщины? Около стены, где лежало в земле пряслице, был, наверно, самый уютный и солнечный уголок. И тысячу лет назад здесь могла сидеть женщина с веретеном в руках. Вот результаты шести археологических экспедиций в Ланс-о-Мидоузе.

Раскопано восемь больших и малых площадок, из которых одна выделяется своими размерами, а другая явно была кузницей, кроме того, три большие ямы, из них две, очевидно, были земляными печами, а в третьей выжигали уголь, вероятно, для кузницы. Сделано много разных находок, в основном на месте жилья, но также и в многочисленных шурфах, заложенных вокруг него.

О чем все это говорит? Я скажу о самом существенном.

Для следов построек характерны особенности, хорошо известные по домам периода викингов в Скандинавии. Особенно это относится к самому большому дому с залом и пятью прилегающими помещениями, который можно назвать типичным длинным домом. Такие дома известны по раскопкам в Гренландии и особенно в Исландии, где в Тьорсадалуре обнаружено много сходных построек времени викингов и раннего средневековья. Очаги тоже похожи на гренландские и исландские, например длинный очаг с угольной камерой.

Из предметов упомяну несколько каменных орудий, изъеденные ржавчиной гвозди, куски железа, кусок переплавленной меди, примитивный каменный светильник вида, который известен по раннему средневековью в Исландии, оселок из кварцита, обломок костяной иглы скандинавского типа. И, конечно, самая важная находка — стеатитовое пряслице неоспоримо скандинавского типа.

Толкование археологического материала не оставляет сомнений в том, что в Ланс-о-Мидоузе стояли норманнские дома, построенные в доколумбовую эпоху.

Добавим сюда двенадцать радиоуглеродных анализов материала, взятого из жилья, кузницы и из ям. Все они близки к 1000 г., то есть к тому времени, когда, согласно саге, Лейв Эйрикссон и другие ходили в Винланд. Самая поздняя дата — 1080 год \pm 70 лет. Другими словами, радиоуглеродный анализ подтверждает то, о чем говорит археологический материал.

Однако, хотя вопрос как будто ясен, интересно рассмотреть другие возможные предположения, о которых мы все время помнили в ходе раскопок.

Эскимосы или индейцы? Тип построек, очаги, кузница, куски железа и переплавленной меди в сочетании с радиоуглеродным анализом, костяная игла и пряслице скандинавского типа, а также другие вещи свидетельствуют о том, что дома не могли принадлежать местным жителям. Как уже говорилось, в районе раскопок найдены каменные орудия индейцев и дорсетских эскимосов. Это очень важно не только с археологической точки зрения, но и потому, что саги описывают торговые встречи и сражения винландцев со скрелингами. «Сага о Гренландии» относит эти встречи к домам Лейва, когда там жил отряд Турфинна Карлсэвне. Вместе с тем каменных орудий и осколков было найдено так мало, что вряд ли можно предполагать постоянное обитание туземцев в Ланс-о-Мидоузе. По-видимому, они только временно ставили здесь свои палатки.

Рыбаки или китобой? И то и другое также исключается археологическим материалом. К тому же радиоуглеродный анализ дает примерно 1000 г., то есть четыреста с лишним лет до повторного открытия Северной Америки.

Несколько дополнительных соображений. Как уже говорилось, залив, на берегу которого стояло поселение, настолько мелок, что он не мог устроить первых европейских рыбаков и китобоев, даже если допустить, что суша

немного поднялась после XV в. Кроме того, даже в наше время рыбаки, несмотря на то, что район раскопок обеспечен пресной водой (Черная Утка) и обладает другими преимуществами, предпочли обосноваться на другой стороне мыса, потому что только оттуда их суда могут подойти к берегу; здесь же есть и ранние следы рыбацкого поселка.

Если тем не менее предположить, что в Ланс-о-Мидоузе жили китобои или рыбаки, они непременно, как это было в других районах Ньюфаундленда и Лабрадора, должны были оставить хоть какие-то следы. Винландцы приходили на маленьких кораблях и привозили с собой нехитрый скарб, тогда как китобои и рыбаки шли из Европы на больших судах и везли всякое снаряжение. Это были крупные промысловые экспедиции. На их базах на берегу, наверно, лежало немало имущества. И мы не могли бы не найти во время раскопок каких-нибудь остатков. Тем более что раскопки не ограничивались жильем, кругом было заложено много шурфов. Но нам не попалось ничего, что могло бы принадлежать рыбакам или китобоям, — ни обломков пенковых трубок, ни черепков гончарных изделий, ни крючков, ни инструмента. Этот материал полностью отсутствует.

Итак, на основе собранного материала мы вправе утверждать, что за пятьсот лет до Колумба в Ланс-о-Мидоузе жили древние скандинавы. Остановимся теперь на данных, позволяющих предположить, о каком именно народе идет речь.

Об исторических данных и прежде всего о сагах я уже говорил выше. Как мне казалось, по сагам и другим источникам выходило, что Лейв Эйрикссон построил свои большие дома на севере Ньюфаундленда, и там, в районе, очевидно, тождественном Винланду, останавливались последующие экспедиции. Исходя из такого толкования, я снарядил свои экспедиции, и на северной оконечности Ньюфаундленда в самом деле были обнаружены остатки норманнского жилья.

«Сага о Гренландии» сообщает, что отряды Турвалда, Турфинна Карлсэвне и Фрэйдис селились в Винланде в домах, построенных Лейвом Эйрикссоном. В Ланс-о-Мидоузе найдено скандинавское пряслице — доказательство того, что здесь были женщины и была шерсть. Турфинн Карлсэвне

вез с собой женщин и вез скот, по всей вероятности, овец.

Наряду с этим мы видим в саге элементы, которые на первый взгляд могут вызвать удивление. Почему сага, основанная на рассказах опытных мореходов, так скупо описывает маршрут до домов Лейва Эйрикссона в Винланде? Ведь речь идет о плавании к далеким чужим берегам, где много фьордов, бухт и островов, среди которых может запутаться и современный лоцман. Так как же могли экспедиции по приводимому в саге схематическому описанию пути найти дома Лейва — крохотный ориентир, затерявшийся в необозримом краю?

В «Саге о Гренландии» читаем, что Лейв отказался отдать Турфинну Карлсэвне и Фрэйдис свои дома в Винланде и разрешил только пользоваться ими. Очевидно, дома представляли для него какую-то ценность, и он считал, что без особого труда сможет их отыскать.

Здесь, как и во многих других случаях, действительность подтверждает достоверность саги. Маршрут в самом деле очень прост. Я уже указывал: пройдя через Девисов пролив, винландцы должны были только не терять из виду землю на западе. И сперва идти вдоль побережья Баффиновой Земли с прилегающими островами, потом плыть на юг мимо берегов Лабрадора, пока прямо по курсу не возникал Ньюфаундленд. Тут безошибочным ориентиром служил Сакред-Айленд, а сразу за ним лежал Ланс-о-Мидоуз.

Только и всего. Сидя в своем доме в Гренландии, Лейв Эйрикссон мог так же немногословно, как это сделано в саге, дать вполне надежное навигационное описание.

В сагах есть сведения о районе, где Лейв Эйрикссон построил свои дома. К ним, особенно к географическим данным, надо относиться осторожно, потому что вдоль побережья много мест, к которым они приложимы.

Взволнованные и обрадованные своим открытием, Лейв Эйрикссон и его люди очень хвалят новую страну, пожалуй, даже перехваливают ее, как это часто бывало, когда европейцы осваивали Северную Америку. Если он в самом деле пришел в Ланс-о-Мидоуз, и если лето было таким же солнечным, как когда мы впервые приплыли туда, новый край должен был произвести сильное впечатление на обитателей арктического острова. Тем более что раньше здесь лес доходил до самого моря.

Из саги видно, какое значение Лейв Эйрикссон придавал пастбищу, а луга Ланс-о-Мидоуза не знают себе равных в этой северной области. Винландцы рассказывали, что у домов Лейва скот может всю зиму пастись на воле; я говорил выше, что раньше в Ланс-о-Мидоузе так и было. Есть здесь и лосось, и он крупнее гренландского, как читаем в саге. Очень много диких ягод, из них вполне можно было делать вино.

Вот как описано прибытие Лейва Эйрикссона в Винланд:

«...Пошли к ней, и встретился им остров, лежащий к северу от той земли. Они высадились на него, осмотрелись, погода была хорошая. Трава была покрыта росой, и некоторые, смочив ею руки, подносили их ко рту и говорили, что никогда не пробовали такой сладости.

Потом они вернулись на корабль и вошли на нем в пролив, разделяющий остров и мыс, который протянулся от большой земли на север. Они поплыли западнее мыса. В отлив здесь было очень мелко. Корабль сел на мель, и море оказалось далеко. Но им так не терпелось ступить на берег, что они не стали дожидаться прилива, а добежали до суши там, где из озера вытекала речка...»

В этом ярком и красочном описании немало особенностей, отвечающих Ланс-о-Мидоузу. Здесь есть обращенный к северу мыс, есть остров к северу от мыса. И залив перед террасой, где стояли постройки, настолько мелок, что в отлив на большом протяжении обнажается дно.

В саге сказано также, что Лейв Эйрикссон возвел в Винланде «большие дома». Многие из домов Ланс-о-Мидоуза поражают своими размерами, если учесть, что они были построены в далеком глухом краю, на северной оконечности Ньюфаундленда.

Теперь допустим, что в Ланс-о-Мидоузе обосновался совсем другой, не известный нам норманнский отряд. Судя по домам, экспедиция должна была быть многочисленной. И отряд пришел в тот самый район, где, если верить навигационным описаниям и другим данным, построил свои дома Лейв Эйрикссон. Как и в отряде Карлсэвне, в нем должны были участвовать женщины (пряслице). Еще поразительное совпадение: плавание неизвестного отряда, судя по радиоуглеродному анализу и археологическим данным, состоялось одновременно с походами, о которых рассказывают саги. Наконец, сказители должны были начисто

пренебречь столь крупной экспедицией и ограничиться другими. Это странно.

Как и в других подобных случаях, здесь трудно доказать строго научно, что жилье принадлежало определенным, исторически известным лицам. Однако ряд признаков свидетельствует о том, что Лейв Эйрикссон построил свои большие дома именно в Ланс-о-Мидоузе и что северная часть Ньюфаундленда тождественна Винланду саг.

Но не это существенно. Главное то, что археологический и радиоуглеродный анализы показывают: дома в Ланс-о-Мидоузе принадлежали норманнам и были выстроены в доколумбовы времена, около 1000 г.

Возникает много вопросов, на которые нелегко ответить. Как далеко на юг ходили винландцы из своей базы на севере Ньюфаундленда? «Сага об Эйрике Рыжем» рассказывает, что Турфинн Карлсэвне предпринял большой исследовательский поход на юг. «Сага о Гренландии» сообщает, что и Лейв Эйрикссон, и Турвалд делали вылазки из домов Лейва; естественно предположить, что и эти пытливые мореходы не считались с расстояниями. Точно сказать ничего нельзя, но корабли винландцев отличались быстрым ходом.

Нам неизвестно также, достигали ли позже норманны таких южных районов, как Массачусетс, Род-Айленд, Нью-Йорк и так далее. Но это вполне возможно. Гренландская община просуществовала около пятисот лет, переживая нарастающие трудности, а тут — хорошо известный простой маршрут в сопредельную страну с благоприятными природными условиями. К тому же берега Северной Америки сами указывали путь на юг.

Как уже говорилось, мы очень мало знаем о поздних плаваниях. Вспомним епископа Эрика, вышедшего в 1121 г. из Гренландии разыскивать Винланд. Или сообщение от 1347 г. о маленьком корабле, который, побывав в Марк-ланде, пришел сперва в Исландию, потом в Норвегию.

Что побуждало норманнов из века в век ходить в Северную Америку? Они могли рубить там лес, охотиться на моржей и на пушного зверя, а может быть выплавляли железо из болотной руды или торговали с туземцами.

Не исключено, что, когда в Гренландии стало плохо жить, кое-кто совсем переселился в Америку. Некоторые источники как будто указывают на это. Наверно, со вре-

менем взгляд норманнов на коренных жителей изменился и это облегчило переселение. Для первых винландцев туземцы были людьми непонятными и страшными, но после того как эскимосы продвинулись вдоль западного побережья Гренландии на юг и даже обосновались в заселенной области, норманны свыклись, и, наверно, даже торговали с ними. Тем, кто в эти годы отправлялся в Северную Америку, было гораздо проще поладить с эскимосами и индейцами, чем первым винландцам.

Если переселение состоялось, что было дальше?

Возможно, эскимосы или индейцы перебили норманнов. Ведь у норманнов, в отличие от людей Колумба, не было огнестрельного оружия, они должны были на равных началах сражаться с противником, который численностью намного их превосходил. Можно даже сказать, что каменное и костяное оружие туземцев давало им преимущество: потерял в бою — ничего страшного, новое изготовить недолго. На худой конец, норманны тоже могли сделать из кости наконечники для стрел и копий, но изготовлению мечей, ножей и секир предшествовал долгий и сложный процесс выплавки металла. Так что для норманнов потеря их лучшего оружия была невозможна.

Есть и другая вероятность: переселенцы могли со временем смешаться с коренным населением. Среди эскимосок и индианок много красивых женщин. Если маленькая норманнская община долго поддерживала более или менее мирные отношения с североамериканскими жителями, смешанных браков нельзя было избежать. А когда связь с другими норманнскими народами оборвалась, культура более многочисленных туземцев взяла верх.

Как уже говорилось, пока что в Северной Америке не найдено других неоспоримо норманнских следов, но не исключено, что находки будут еще сделаны и позволят судить о давно минувшем.

В ранних записках европейцев о Ньюфаундленде попадаются озадачивающие места. Речь идет о цвете кожи коренных жителей, его называли белым или светлым, и цвете волос — черном, коричневом и желтом. Конечно, в старинных источниках много недостоверного, и я не стал бы на этом задерживаться, если бы названные характеристики не повторялись в разных сообщениях, относящихся к начальной поре повторного открытия, когда рано было говорить

о заметном смешении с европейцами. К тому же беотуки из-за бесчинств белых вскоре объявили им войну и изолировались.

Опасно делать выводы, исходя из таких данных, я и не отваживаюсь на это. И все же эти данные настолько любопытны, что стоит о них упомянуть. Тем более что речь идет о Ньюфаундленде, том самом острове, где открыто поселение норманнов.

Семнадцатого октября 1501 г. Альберто Кантино⁸⁷ сообщал из Лиссабона герцогу Феррарскому об экспедиции Гаспара Кортереала, только что возвратившейся с Ньюфаундленда и привезшей пятьдесят семь плененных туземцев:

«...У женщин маленькие груди и очень красивое тело и довольно привлекательное лицо. Кожа, скорее, белая, тогда как мужчины заметно смуглее...».

Около 1500 г. португалец Дамиано Гуэс в «Chronica do felicissimo Rey Dom Emanuel» писал о туземцах, которых встретил его современник Гаспар Кортереаль:

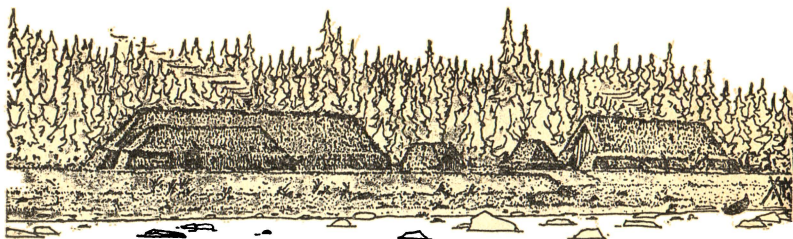
«Народы той страны чрезвычайно варварские и дикие, вроде туземцев Санта-Крус, с той разницей, что они белые, но под влиянием холода белый цвет с возрастом исчезает, и они становятся смуглыми...»

В связи с открытием Джона Кабота Ричард Иден в своем труде «Избранные места из описаний Нового Света» (1555 г.) говорит:

«...Так, Иаков Бастальди пишет: страна Новый Баккалай — холодная область, населенная язычниками, которые молятся солнцу и луне, и разным богам. Они белые и совсем дикие...»

Ссылаясь на вышедшую в конце XVI в. «Хронику» Роберта Фабиана, Хэклюит⁸⁸ сообщает любопытную вещь, связанную с плаваниями Себастиана Кабота. Там, где говорится о семнадцатом годе правления Генриха VII (1501—1502 гг.), читаем:

«И в этом году доставили к королю трех человек, взятых на только что открытом острове... Они были одеты в звериные шкуры и ели сырое мясо, говорили на языке, которого никто не понимал, и вели себя, словно дикие звери. Король держал их некоторое время, и через два года я (Фабиан) видел двух из них в Вестминстерском дворце, одетыми на английский лад, и я не смог их отличить от

Предположительная реконструкция домов, некогда стоявших в угля. Кузница стоит по соседству, но ее не видно за гребнем тер

англичан, пока мне не сказали, кто это. Что же до их речи, то при мне они не произнесли ни слова».

Согласно Хэклюиту, Иоанн Альфонс писал о туземцах: «Это рослые, хорошо сложенные люди, совсем белые, но все нагие, а будь они одеты, как французы, то показались бы такими же белыми и светловолосыми...».

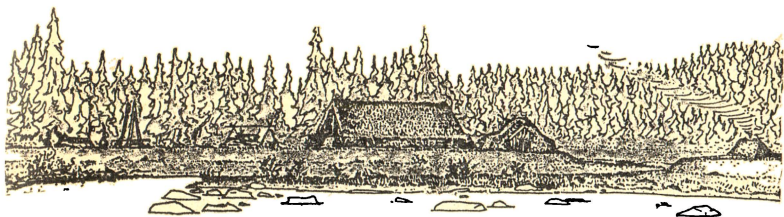
В географии Птолемея, изданной Пьетро Андреа Маттиоли⁸⁹ в Венеции в 1547—1548 гг., на карте Терра Новы читаем:

«Терра Нова, страна трески, — холодный край. Обитатели ее язычники, одни молятся солнцу, другие луне и всяким иным богам. Это светлокожее племя, но дикое...»

Джон Ги⁹⁰ рассказывал, как он в 1612 г. встретил беотуков, которые в ту пору стояли на очень низком уровне развития. Он сообщает, что они смуглые, но добавляет: «...цвет волос у них был разный, у одних черный, у других коричневый, у третьих желтый...»

Здесь стоит также напомнить про обломок меча, найденный в 1501 г. экспедицией Гаспара Кортереала у туземцев Ньюфаундленда.

Облик норманнов, тысячу лет назад живших в домах Ланс-о-Мидоуза, нельзя воссоздать. Но, очевидно, это был крепкий народ, привычный к тяжелому труду, никогда не теряющийся, смекалистый и сноровистый, как и подобает морякам, которые в самую скверную погоду должны быстро маневрировать рулем и парусом, спокойный и рассудительный в минуту опасности. Конечно, они могли и вспылить, и проявить жестокость, особенно, если была задета честь человека и его рода. Когда нужно действовать, не до чувств. И, наверно, были в этом обществе привилегиро-

Ланс-о-Мидоузе. Справа поднимается дым над ямой для выжигания расы. Рисунок архитектора и археолога Хокона Кристи.

ванные лица и маленькие люди, которым приходилось многое переносить. Во всяком случае, подлинная картина отнюдь не сводится к портрету вояки, каким потомки рисовали в сагах человека эпохи викингов. В мире винландца главное место занимали родной дом, жена и дети, любовь, дружба, родовые традиции. И были у него свои мечты, пусть даже несколько отличные от наших. В конечном счете разница между людьми не так велика.

Море отделяло винландцев от родных и близких в Гренландии, и мысль об этом не покидала их, но они старались ее заглушить. И покуда все ладилось, это было не трудно для молодых людей, которые крепко стояли на собственных ногах. Потомственных мореходов манила новизна чужих берегов, а в Винланде они вполне могли утолить жажду романтики. Куда ни повернись — кругом новые земли с лесами и рыбными реками, стадами карibu на склонах гор. Страна без конца и края.

Их первой заботой было добыть себе пропитание в диком краю. Та же задача, которую решал человек каменного века. По родной Гренландии они были хорошо знакомы и с охотой, и с рыболовством, но тут их ожидали новые проблемы. Где кочуют олени стада? Где лучшие места для промысла тюленей? Охота в больших лесах тоже была непривычным делом для жителей арктического острова.

Ну, а женщины — каково было им? Примечательно, что женщины эпохи викингов часто выходили вместе с мужьями в опасные далекие плаванья. Для этого требовался немалый запас сил, в том числе душевных. Норманки участвовали в походе Карлсэвне в Винланд, и в диком краю на их плечи

ложилось ничуть не меньшее бремя, чем на плечи эскимосок и индианок. Кстати, тогдашние женщины были так же опасны, как нынешние. О походе Карлсэвне «Сага об Эйрике Рыжем» рассказывает, что между мужчинами начались распри из-за женщин. Мне это место саги кажется особенно достоверным.

Одна норманка — красавица Гюдрид, жена Карлсэвне — родила в Винланде сына. Мальчика назвали Снорре; насколько мы знаем, это первый европеец, родившийся в Северной Америке. Не исключено, что он появился на свет в одном из домов Ланс-о-Мидоуза.

Но жизнь маленькой общины в Винланде не была безоблачной. Охотники встречали следы палаток, находили каменные орудия, раз между островом промелькнула стройная лодка. Видно, здесь обитает кто-то еще... Что это за люди? Надо быть начеку, держать оружие наготове. Всякое может случиться... Если к этому добавить, что охота не всегда была удачной, то, наверно, в душу этих людей, задержавшихся на чужбине, иногда закрадывалась грусть.

Но дни текли, каждый был занят своим, и мало-помалу, мужчины и женщины освоились с жизнью в чужой стране. Перебросив лук через плечо и захватив копье, охотник шел через лес, через горы за оленем. И возвращался, сгибаясь под тяжестью туши. Другие шли на лодках ловить рыбу и бить гарпуном тюленя. Женщины сидели дома, шивали дубленые шкуры, стряпали, время от времени выходили посмотреть — не видать ли охотников? За рекой раздавался мерный стук молота, там работал кузнец.

А вечером все собирались у длинного очага, смотрели на пляшущие языки пламени, на плывущий к потолку дым, говорили об окружающей их новой, своеобразной стране, о том, что бередило душу.

Сегодня мой последний день в Ланс-о-Мидоузе. Совершаю обход и осматриваю раскопы — итог работы нескольких лет.

Прыгаю по камням через Черную Утку и поднимаюсь к кузнице на гребне террасы. Провожу рукой по наковальне — плоскому камню, оббитому с одного конца. Потом останавливаюсь возле ямы, в которой выжигали древесный уголь, поднимаю уголек и разглядываю изящные годовые

кольца. Иду к площадкам, где тысячу лет назад жили люди, к очагам, к маленьким угольным камерам, сделанным так старательно, к земляным печам, которые начинали углями, потом мясом и засыпали сверху. Если бы хоть что-то из всего этого могло заговорить!

На этих земляных нарах у длинного очага сидели люди и толковали о своей жизни. И когда море, острова и леса тонули в ночном мраке, они кутались в шкуры и засыпали. Последний немного задерживался, бережно сгребал палочкой угли в выложенную камнем ямку и прикрывал их золой...

Мне вспоминается старый норвежский стих:

Кончился день,
Вечер пришел,
В землю огонь зарываю,
Дай бог, чтоб он
Никогда не потух.

С моря дует свежий ветер, но небо чистое, и вечернее солнце озаряет равнину мягким светом. Видимость отличная. Море, острова, на севере из волн сказочным дворцом вздымается скалистый Белл-Айл, а еще дальше голубеют берега Лабрадора, вдоль которых винландцы шли на юг.

Я думаю об отважных норманнах, которые подчас вместе с женами выходили в море на беспалубных судах, выходили без компаса, почти без снаряжения.

Их не только влекла тяга к новому, манили приключения, у них было и ясно осознанное стремление найти добрый край, куда можно переселиться всем родом.

...И вот настал этот день; молодые моряки, стоя под тугим парусом, жадно всматриваются в даль — там из моря поднимается неведомая земля, новый мир.

Западный путь

- ¹ Nørlund, Poul and Stenberger Mårten. *Brattahlíð Meddr Grønland*, 88 (1934), No. 1, s. 1—161.
- ² Взгляд на Гренландию как на вольное государство утвердился в науке, его отстаивают, в частности, Бьёрн Магнуссон Ульсен, Финнюр Йонссон, Эйнар Арнорссон, Улафур Ларуссон и Кнют Робберстад.
См. Schreiner, Johan. Leiv Eiriksson og Vinland. *Aftenposten*, Oslo, 5 nov. 1964, и Ingstad, Helge. *Landet under Leidarstjernen*. Oslo, 1959, s. 361.
- ³ *Bergsbok*. Perg. fol. nr. 1 in the Royal library, Stockholm, Ed. by Gustaf Lindblad. *Early Icelandic manuscripts in facsimile 5*. Cph. 1963.
- ⁴ *Fostbræðrasaga*. *Islendinga sögur*. 26. Reykjavík 1899.
- ⁵ *Grønlands historiske Mindesmærker*. 2 (1838), s. 681.
- ⁶ *Saga Hákon Hákonarsonar*. Codex Frisianus. Ms. nr. 45 fol. *Arnamagn. coll. Univ. libr. Cph. Corpus codicum Island medii aevi*. 4 Cph. 1932.
- ⁷ Nørlund, Poul. Buried Norsemen at Herjolfsnes. *Meddr Grønland*, 67(1924), s.1—271.
- ⁸ Hansen, Fr. C. C. *Anthropologia medico-historica Groenlandiae antiquae*. Herjolfsnes. *Meddr Grønland*, 67 (1924,) No. 3.
- ⁹ Fischer-Møller, K. The medieval Norse settlements in Greenland. Anthropological investigations. *Meddr Grønland*, 89 (1942), No. 2, 84 p, 22 pl.
См. также Ingstad, Helge. *Landet under Leidarstjernen* Oslo. 1959, s. 491—97.
- ¹⁰ Ingstad, Helge. *Landet under Leidarstjernen*. Oslo 1959, s. 523—538.

Рассказывают древние источники

- ¹¹ *Grønlands historiske Mindesmærker*. 3 (1845), s. 242—43.
- ¹² Adam av Bremen. *Adami Gesta Hammaburgensis... Descriptio insularum aquilonis*.
- ¹³ *Islendingabok*. *Islendinga sögur*. Reykjavík 1 (1953), s. 1—20.
- ¹⁴ *Landnámabok*. *Islendinga sögur*. Reykjavík 1 (1953), s. 96—97.

- 15 Storm, Gustav. Studies on the Vineland voyages. Cph. 1889, p. 61—63.
- 16 Kristnisaga. *Islendinga sögur. Reykjavik 1 (1953)*, s. 267—68.
- 17 Eyrbyggjasaga. *Islensk fornrit, Reykjavik 4 (1935)*, s. 135.
- 18 Grettis saga. *Islendinga sögur. Reykjavik 6 (1953)*, s. 31, 98.
- 19 Islandske Annaler indtil 1578. Chra. 1888, s. 112.
- 20 Grønlands historiske Mindesmærker, 3 (1845), s. 218—222.
- 21 Norges indskrifter med de yngre runer. Hønen-runerne fra Ringesriket. Udg. af Sophus Bugge. Kra. 1902. а также Norges indskrifter indtil reformationen. Afd. 2. Oslo 1951, s. 23—68.
- 22 Groenlendingasaga. Handrit: Flateyrbók. Gl. Kgl. sml. 1005 fol. *Islendinga sögur. Reykjavik 1 (1953)*, s. 361—390.
- 23 Eiriks Saga Rauda. Handrit: Hauksbók. AM 544. Skálholtsbok. AM 557. *Islendinga sögur. Reykjavik 1 (1953)*, s. 323—359.
- 24 Jansson, Sven B. F. Sagorna om Vinland. I. Handskrifterna till Erik den Rödes saga. *Kungl. Vitterhets historie-och antikvitetsakad. Handlingar. D. 60:1 (1948)*, 292 s.
- 25 Gathorne-Hardy, G. M. The Norse discoveries of America. Oxf. 1921, p. 139.

Навигационные описания и описания земель в сагах

- 26 Munn, William A. Location of Helluland, Markland and Vinland from the Icelandic sagas. St. John's 1914, p. 26.
- 27 Tanner, V. De gamla nordbornas Helluland, Markland och Vinland. *Budkavlen, Åbo 1941, No. 1*. 72 s.
- 28 Gathorne-Hardy, G. M. The Norse discoveries of America. Oxf. 1921.

От винограда до скрелингов

- 29 Nansen, Fridtjof. Nord i Tåkeheimen. Kra. 1911, s. 238—304.
- 30 Brendan, Saint, Abbot of Clonfert. La „Navigatio Sancti Brendani“ in antico veneziano, edita ed illustrata da Francesco Novati. (from MS Ambrosianum D 158). Bergamo 1892.
- 31 Alexander, William, Earl of Stirling. An encouragement to colonies. Lond. 1624.
- 32 Denys, Nicolas. The description and natural history of the coasts of North-America Acadia. Transl. by W. F. Ganong. Toronto, 1908, xvi, 625 p. Orig. ed. Description géographique et historique des costes de l'Amérique septentrionale. Avec l'histoire naturelle du pays. Paris, 1672.
- 33 Письмо папы Григория IX архиепископу Нидаруса от 11 мая 1237 года. *Diplomatarium Norvegicum 1 (1847)*, No. 16
- 34 Söderberg, Sven. Vinland. Föredrag i Filologiska sällskapet i Lund, mai 1898. Ref. *Sydsvenska Dagbladet Snällposten*, nr. 295, 30 okt. 1910. *Malmö 1910*.
- 35 Olsen, Magnus. Farms and fanes of ancient Norway. *Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Ser. A. 9*, s. 190—230.
- 36 Fernald, M. L. Notes on the plants of Wineland the Good. *Rhodora*, 12 (1910), p. 1—38
- 37 Storm, Gustav. Om betydningen av „Eyktarstadr“ i Flatøbogens Beretning om Vinlandsreiserne. *Arkiv for nordisk filologi, Chra. 3 (1886)*, s. 121—131.

- 38 Næss, Almar. Hvor lå Vinland. Oslo 1954. 246 s.
 39 Grønlands historiske Mindesmærker, 3 (1845), s. 238—43.
 40 Schoolcraft, Henry R. Historical and statistical information, respecting the history, condition and prospects of the Indian tribes of the United States. Philad. 1851—53. 3b.

Другие следы — позднейшие плавания

- 41 Stefansson, Sigurdur. Skálholtkart, tegnet ca. 1590. Оригинал утрачен, но сохранилась копия, снятая в 1669 году епископом Тордом Турлакссоном. Kgl. Bibl. Kbh. Gl. kgl. saml. No 2881. См. также Nørlund, N. E. Islands Kortlægning. Kbh. 1944, s. 30 og Plv. 25. 1.
 42 Storm, Gustav. Studier over Vinlandsreiserne. Kbh. 1888. 80 s.
 43 Sølvér, Carl V. Vestervejen. Kbh. 1954. 135 s.
 44 Resen, Hans Poulsen. Kart fra 1605. Håndtegning i Kgl. Bibl. Kbh. См. также Nørlund, N. E. Islands Kortlægning. Kbh. 1944, s. 31 og Plv. 26.
 45 Holand, Hjalmar R. The Kensington stone. Ephraim, Wisconsin, 1932. vii, 316 p.
 46 Brøndsted, Johannes. Norsemen in North America before Columbus. *Rep. Smithsonian. Instn., Wash. 1953, s. 367—405.*
 47 Письмо впервые опубликовано в Fracan, Montalbodo. Paesi novamente ritrovati, et Novo Mondo da Alberico Vesputio Florentino intitulato. Vicentia 1507. Факсимильное издание Princeton 1916, p. 145—47.
 48 Clark, Arthur H. and Erskine, John S. Pre-Columbian Littorina littorea in Nova Scotia. *Science, 134 (1961), p. 393—94.*
 49 Spjeldnaes, Nils and Henningsmoen, Karl E. Littorina littorea: An indicator of Norse settlement in North America? *Science, 141 (1963), p. 275—76.*
 50 Rousell, Aage. Sandnes and the neighbouring farms. *Meddr Grønland, 88 (1936), No. 2, p. 34—35.*
 51 Meldgaard, Jørgen. Fra Brattalid til Vinland. *Naturens Verden, Kbh. 1961, s. 353—84.*
 52 Oddson, Gisli. Annalium in Islandia Farrago and De mirabilibus Islandiae. Ed. by Halldór Hermannsson. *Islandica. 10 (1917), p. 2—84.*
 53 Munch, P. A. Det norske folks historie, 5:1, s. 314—15.
 54 Bårdssøn, Ivar (Báriarson Ivar). Det gamle Grønlands Beskrivelse. Udg. efter håndskrifterne af Finnur Jónsson. Kbh. 1930, s. 29—30.
 55 Grønlands historiske Mindesmærker, 3 (1845), s. 120—23.
 56 Grønlands historiske Mindesmærker, 3 (1845), s. 482—84.
 57 Historisk-topografiske Skrifter om Norge og norske Landsdele, forfattede i Norge i 16. Aarhundrede. Udg. for Det Norske Kildeskriftfond ved Gustav Storm. Chra. 1895, s. 85.
 58 Steinnes, Asgaut. Ein Nordpols ekspedisjon år 1360. *Syn og Segn, 64 (1952), s. 32—67.*
 59 Nansen, Fridtjof. Nord i Tåkeheimen. Kra. 1911. s. 385—86.
 60 Lopez de Gómara, Francisco. La historia general de las Indias. Anvers 1554, Part I, p. 31. Orig. ed. La Istoría de las Indias y Conquista de Mexico. Çaragoça 1552.

Вдоль берегов Северной Америки

- 61 Munn, W. A. Location of Helluland, Markland and Vinland from the Icelandic sagas. St. John's 1914, 26 p.
- 62 Mallery, Arlington Humphrey. Lost America. Wash. 1951, xviii, 238 p.
- 63 Meldgaard, Jørgen. Fra Brattalid til Vinland. *Naturens Verden, Kbh.* 1961, s. 353—84.
- 64 Godfrey, William S. Vikings in America. *Am. Anthropol.* 57 (1955), p. 35—43.
- 65 Brøndsted, Johannes. Norsemen in North America before Columbus. *Rep. Smithsonian Instn. Wash.* 1953, p. 367—405.
- 66 Storm, Gustav. Studies on the Vineland voyages. Cph. 1889.

Разведочный полет над Лабрадором

- 67 Tanner, V. Outlines of the geography, life and customs of Newfoundland Labrador. *Acta geogr. Hels.* 8 (1944), p. 622.

Ланс-о-Мидоуз. Раскопки начинаются

- 68 Russell, Aage. Farms and churches in the medieval Norse settlements of Greenland. *Meddr Grønland*, 89 (1941), No. 1, p. 244—45.
- 69 Ingstad, Helge. Landet under Leidarstjernen. Oslo 1959, s. 171—74.

Страна и ее население

- 70 Nansen, Fridtjof. Klimavekslinger i historisk og postglacial tid. *Avh. norske vidensk. akad. Oslo. Mat. naturv. kl.* 1926. No. 3, 26 s.
—Klimavekslinger i Nordens historie. *Avh. norske vidensk. akad. Oslo. Mat. naturv. kl.* 1925, No. 3, 64 s.
- 71 Ahlmann, Hans W.: son. Glaciärer och klimat i Norden under de senaste tusentalen år. *Norsk geogr. tidsskr.* 13 (1951/52), s. 56—75.
—Den nutida klimatfluktuationen och dess utforskande. *Norsk geogr. tidsskr.* 11 (1946/47), s. 290—326.
- 72 Iversen, Johs. Nordboernes Undergang paa Grønland i geologisk Belysning. *Det Grønlandske Selskabs Aarsskrift, Odense, 1935*, s. 5—18.
- 73 Vebæk, Christen Leif. The climate of Greenland in the 11th and 16th centuries. Report at *Conference on the climate of the 11th and 16th Centuries, Aspen, Colorado, June 16—24, 1962.*
- 74 Biggar, Henry Percival. The Precursors of Jacques Cartier. 1497—1534. Ottawa 1911, p. 64.
- 75 См. 74.
- 76 Biggar, Henry Percival. The voyages of Jacques Cartier. Publ. from the originals with translations, notes and appendices. *Publ. of the Public Archives of Canada, No. 11, Ottawa 1924*, xiv, 330 p.
- 77 Taylor, William. The fragments of Eskimo prehistory. *The Beaver, Winnipeg, Spring 1965.*
- 78 Смотрите перечисленные ниже труды:
Bird, Junius B. Archaeology of the Hopedale Area, Labrador. *Anthropological papers of the American Museum of natural history*, 39 (1945), p. 125—186.

Har p, Elmer, jr. The cultural affinities of the Newfoundland Dorset Eskimo. Ottawa, 1964. *National Museum of Canada. Bulletin No. 200. Anthropological Series No. 67.*

—An archaeological reconnaissance in the Strait of Belle Isle Area. *Am. Antiq. 16 (1951), p. 203—20.*

Howley, J. P. The Beothucs or Red Indians, Camb. 1915, xx, 348 p.

Jennes, Diamond. A new Eskimo culture in Hudson Bay. *Geogr. rev. N. Y. 15 (1925), p. 428—37.*

—Notes on the Beothuk Indians of Newfoundland. *Can. Dept. of mines. Ann. rep. for 1927, Bull. 56 (1929), p. 36—39*

Lloyd, T. G. B. On the stone implements of Newfoundland. *J. R. Anthropol. Inst. Lond. 5 (1875), p. 233—48.*

Meldgaard, Jørgen. A Paleo-Eskimo culture in West Greenland. *Am. Antiq. 17 (1951/52), p. 222—30.*

Strong, William Duncan. A stone culture from Northern Labrador and its relation to the Eskimo-like cultures of the Northeast. *Am. Anthropol. N. S. 32 (1930), p. 126—143.*

Wintemberg, W. J. Eskimo sites of the Dorset culture in Newfoundland. *Am. Antiq. 5 (1939), p. 83—102.*

79 Сведения получены от доктора Вильяма Тейлора, старшего археолога Национального музея Канады, Оттава.

80 Har p, Elmer, jr. The cultural affinities of the Newfoundland Dorset Eskimo. Ottawa 1964. *National Museum of Canada. Bulletin No. 200. Anthropological series No. 67.*

—An archaeological reconnaissance in the Strait of Belle Isle Area. *Am. Antiq. 16 (1951), p. 203—20.*

81 Личное сообщение д-ра Сири, Memorial University, St. John's, Newfoundland.

К „Фюрдюстрендер“

82 Hovgaard, William. The voyages of the Norsemen to America. N. Y. 1914, xxi, 304 p. *Scandinavian monographs. 1.*

Путешествие продолжается. Открытие большого дома

83 Gosling, W. G. Labrador, its discovery, exploration and development. Lond. 1910, p. 309—12.

На крайнем севере Лабрадора

84 Brøgger, A. W. Vinlandsferdene, Oslo 1937. 194 s.

85 Storm, Gustav. Studies on the Vineland voyages. Cph. 1889

Новые раскопки. Поход в Уайт-Бей

86 Mallery, Arlington Humphrey. Lost America. Wash. 1951. xviii, 238 p.

О людях

87 Biggar, Henry Percival. The Precursors of Jacques Cartier, 1497—1534. Ottawa 1911, p. 64.

88 Hakluyt, Richard. Diverse voyages touching the discovery of America and the islands adjacent. *Works issued by the Hakluyt Society, Lond. 7 (1850), p. 23.*

Nansen, Fridtjof. Nord i Tåkeheimen, Kra. 1911, s. 538.

89 Howley, James P. The Beothucs or Red Indians. Camb. 1915, p. 11.

90 — p. 17.

- ⁹¹ В современной научной литературе и в других редакциях исландских саг встречается также и иная цифра: «35 судов, из которых 14 достигли юго-западных берегов Гренландии, а остальные 21 или погибли, или вернулись в Исландию».
- ⁹² Длинный очаг, или лангилл — тип открытого очага, то есть костра в жилищах скандинавов железного века (1-е тысячелетие нашей эры); характерен для больших домов с залом (халле), где жила большая патриархальная семья землевладельца. В такой семье, помимо супружеской четы патриарха, жили их дети, в том числе взрослые сыновья с женами и детьми, нередко взрослые дочери с мужьями и детьми. Лангилл тянулся в центре халле под отверстиями в коньке крыши, служившими дымоходом. Дома с такими халле и лангиллами носят названия «длинных домов» (см. комментарий 112).
- ⁹³ Побывавший зимой 1966-1967 г. в Москве канадский писатель Фарли Моуэт утверждал, что на берегу залива Унгава на северном Лабрадоре по его просьбе археологи вели раскопки и обнаружили около ста предметов. Раскопки продлятся еще 2—3 года, но Моуэт, правда без каких-либо конкретных аргументов, утверждает, что эти находки свидетельствуют о пребывании в Америке еще до викингов «ирландцев и ... жителей Фарерских островов» (см. «Вокруг света», № 2, 1967, стр. 24—25). Слова Моуэта о жителях Фарерских островов вообще звучат, как нонсенс. Ведь обитателями Фарерских островов с первой трети IX века н. э. были норманны-викинги. Если же Моуэт имел в виду кельтских монахов-отшельников, прибывших на Фареры из Шотландии и Ирландии и обитавших там (до прихода норманнов) в VIII и начале IX века н. э., то ни по каким археологическим находкам немислимо отличить в Северной Америке таких пришельцев именно с Фарерских островов.
- ⁹⁴ Тинг — общенародное собрание свободных общинников у скандинавских народов эпохи викингов (VIII—XI века н. э.) и раннего средневековья. На местных и общенародных тингах каждого из скандинавских народов были выработаны и приняты законы,

в соответствии с которыми на тингах же разрешались судебные тяжбы.

- ⁹⁵ Хёвдинг — потомственный земледелец, высокое экономическое положение и родословная которого давали основания считаться знатым. Это положение подкреплялось силой, основанной на обладании патриархальными рабами и зависимыми людьми, а также кораблем и зависимыми от хёвдинга корабельщиками, исполнявшими и роль дружины.
- ⁹⁶ Гренландское общество составляло союз вольных больших патриархальных семей, и никакого «государства» там не существовало. Такое утверждение Ингстада можно отнести лишь за счет терминологической неточности и вольностей в оценке социально-экономической жизни общества, которыми грешит книга Ингстада. В Гренландии сохранялся тот же самый уклад военной демократии железного века, который господствовал в Норвегии до возникновения там государства. А «свои законы», «свой суд» характерны и для любого догосударственного общества военной демократии.
- ⁹⁷ Культура туле — неозскимосская культура, которая пришла на смену палеозскимосским на Аляске и в Канаде 2000 лет назад, а в Гренландии — на рубеже 1 и 2-го тысячелетий нашей эры, и существовала до позднего средневековья, когда преобразовалась, отчасти под воздействием европейских колонистов. Подробнее см. комментарий 111.
- ⁹⁸ Судя по различным упоминаниям о встречах гренландских норманнов со скрелингами в Гренландии, Маркланде и Винланде и по характерным при этом штрихам в одежде и традициях, в одних случаях речь идет об эскимосах, в других — об индейцах. В этом месте книги речь идет об эскимосах.
- ⁹⁹ *Magæ Oseanum*, *Море-Океан* — средневековое название Мирового океана, существовавшее до Колумба.
- ¹⁰⁰ *Døgg*, *дёр* — единица измерения времени во времена норманнских мореходов, продолжительность которого до сих пор неясна. Предполагается, что эта единица соответствует или длине суток, или длине дня, или более неопределенно — продолжительности рабочего времени плавания в течение каждых суток.
- ¹⁰¹ Вопрос о том, что это за дерево, остался спорным. В шведском справочнике *Nordisk Familjebok*. Bd. 17. Stockholm, 1912, s. 1213 этимология слова *masurr* определяется как древнескандинавское клен остролистый *Acer platanoides*. Русский переводчик «Саги об Эйрике Рыжем» С. Н. Сыромятников назвал «масюр» кленами (см. «Древнесеверные саги и песни скальдов», СПб, 1903, стр. 151). Норвежский же профессор Гюстав Сторм, переводя с древненорвежского на современный норвежский язык «Сагу об Эйрике Рыжем», пояснил в комментарии, что «масюр — это сучковатое, но дающее хороший огонь дерево, подобное полярной березе» (см. *Erik Den Rødes Saga*. Kristiania, 1899, s. 18).
- ¹⁰² Алгонкины — группа многочисленных индейских племен Северной Америки, говорящих на родственных между собой языках. В эпоху завоевания Америки европейцами они занимали обширную территорию от острова Ньюфаундленд на севере до географической широты реки Огайо на юге и от Атлантического побережья на востоке до Скалистых гор на западе. Северные, или канадские алгонкины, к которым относятся племена микмаков,

наскапи, кри, были лесными охотниками. Восточные и центральные алгонкины, к которым относились племена могикан, делаваров, поватан, меномини, занимались земледелием (выращивали манс, тыкву, бобы, табак) и по сезонам охотой, рыболовством и собирательством. Южные алгонкины, или алгонкины прерий, к которым относились племена арапахо, шейены, «черноногие» и др., занимались конной охотой на бизона. В современных США и Канаде индейцы загнаны в резервации, многие племена истреблены в прошлом или вымирают в наши дни. Сохранилось не более 100 тысяч алгонкинов, из них половина живет в Канаде, половина — в США.

103 Промонториум Винландиа (лат.) — мыс Винландиа. Название встречается на картах С. Стефанссона (1590 г.) и Х. П. Резена (1605 г.) и некоторыми исследователями приурочивается к северной оконечности острова Ньюфаундленд. Если даже значение собственно названия «Винландиа» спорно, хотя с латинского должно было бы означать только «Винная страна», то преемственность такого названия от времен норманнов поразительна.

104 Ингстад занимает позицию решительного признания подлинности Йельской карты 1440 года, хотя многие современные ученые показали ее весьма уязвимые места, наталкивающие на мысль о подлоге. И дело не столько в том, что в тексте карты говорится о совместном плавании Бьярне Херульфссона и Лейва Эйрикссона, чего не подтверждают тексты исландских саг, сколько в том, что некоторые очертания суши даны необычно точно для середины XV века, а некоторые — удивительно неточно, хотя, судя по другим картам средневековья, очертания их были доподлинно известны картографам XIV и XV веков. Так Гренландия как остров стала изображаться лишь в послеколумбовое время — на картах середины и конца XVI века. Но это очень приблизительные очертания по сравнению с истинными. На Йельской же карте очертания острова столь точны, как если бы их вычертили лишь в 1930-х гг., когда остров был основательно обследован. В то же время весьма удивляют в карте 1440 г. значительные неточности в очертаниях восточного Средиземноморья, в частности участка Эгейского и Мраморного морей — района, очень хорошо известного и точно изображаемого на картах не только XV века, но и предыдущих столетий. Восток карты с надписью на месте Охотского моря «Недостаточно известные земли» также вызывает подозрение ученых, ибо до сих пор считалось, что до открытий востока и северо-востока Азии русскими землепроходцами в XVII веке, эта часть суши была совершенно неизвестна в Европе. Однако допустим, что нам еще очень мало известно о подлинных географических знаниях доколумбовой Европы, и не утверждая, как это делают некоторые ученые, даже советские (М. А. Коган), что Йельская карта — подлог, фальшивка, будем считать, что она пока требует осторожности в обращении с ее данными.

105 Минориты (от лат. *minor* — меньший), или «меньшие братья» (*Fratres minores*) — монахи ордена францисканцев, основанного в начале XIII века.

106 Ирокезы — группа индейских племен, относящихся к языковой семье сну-хока и обитавших на северо-востоке нынешних США и юго-востоке Канады. Они занимались земледелием и охотой,

- а с появлением европейцев в Америке — торговлей мехами. Теснимые европейскими колонистами, ирокезские племена могауки, сенека, онондага, кайюга, онеида с 1570-х гг. объединились в Великий Союз (с XVIII века присоединилось также ирокезское племя тускарора), который играл немалую роль в последующих колониальных войнах различных европейских держав за обладание различными областями нынешних США и Канады. В целом призванный защищать свою независимость, Великий Союз нередко использовал тактику вступления в коалицию с англичанами, чтобы бить других, французских колонизаторов. В настоящее время численность ирокезов достигает примерно 50 тысяч человек, из них в Канаде живет около 15 тысяч человек и около 35 тысяч человек — в США.
- 107 Сеттлеры — европейские рыбаки и охотники — поселенцы на Лабрадоре, преимущественно французы, проникавшие сюда в XVII—XVIII веках в период бурного заселения прибрежных районов полуострова. Многие из сеттлеров — потомки от браков европейских колонистов с эскимосскими женщинами. Однако как правило, сеттлеры считают себя европейцами.
- 108 Монтэнье — индейское племя из алгонкинской языковой группы, обитающее в лесах Лабрадора. Племя вело кочевую жизнь, охотясь осенью и зимой на северного оленя, а весной и летом занимаясь промыслом тюленя на южной юго-восточном берегах Лабрадора, ловя рыбу и собирая моллюсков. Поселенные в резервациях на востоке Лабрадора, монтэнье вымирают.
- 109 Хиброны — эскимосское население одноименного поселка, расположенного на севере Лабрадора, к востоку от залива Унгава. Занятия тюленьим промыслом — основа их существования. Переселены несколько лет назад на восток Лабрадора в поселок с домами европейского типа. Взрослое мужское население работает на канадской базе; остальные стали заниматься преимущественно ловом трески.
- 110 Микмаки — племя алгонкинской языковой группы из восточных районов Канады, одно из первых, с которым встретились европейцы в конце XV — начале XVI века. Основное занятие микмаков до европейской колонизации — охота на северного оленя осенью и зимой и тюлений промысел, рыбная ловля и сбор моллюсков весной и летом. Будучи в XVII—XVIII веках союзником французских колонизаторов в борьбе против английских колонизаторов и их союзника — ирокезов, микмаки постепенно смешались с французами, образовав группу метисов микмаки, которых сейчас насчитывается около 4 тысяч человек. Большинство их занимается сельским хозяйством.
- 111 В современной археологии историю эскимосов принято подразделять в целом на два больших периода: палеоэскимосский и неоэскимосский. В палеоэскимосский период на Аляске, в Канаде и в Гренландии большую роль играет охота на оленя карibu, китобойный промысел отсутствует. К этому периоду, господствовавшему 4000—2500 лет назад, в отдельных случаях 2000 и даже 600 лет назад, относятся локальные культуры саркак, дорсет, ипиутак, качемак, нортон и чорис. Из этих культур и отчасти при сосуществовании с некоторыми из них развиваются культуры неоэскимосского периода — оквик, пунук, бурнир с ответвлением туле и ее поздними формами — тикерак (тигара) и

инугсук. Для всех культур неоэскимосского периода характерно возникновение и постоянное развитие китобойного промысла, употребление сетей для ловли тюленей, орудия из шлифованного сланца и керамика.

Если рассматривать, например, самый восточный район расселения эскимосов — Гренландию, Баффинову Землю, Лабрадор, то в пределах этих двух периодов истории последовательно прошло не менее пяти крупных волн их переселения, каждая из которых имела свои локальные культурные особенности. Древнейшей из эскимосских культур здесь археологи сейчас считают культуру индепенденс (4000—3000 лет назад). Ее сменяют последовательно еще две палеоэскимосские культуры — саркак с орудиями из кремнистого сланца (первая половина 1-го тысячелетия до н. э.) и дорсет с орудиями из халцедона (около 2000 лет назад). Разрыв между этими двумя в общем-то близкими по находкам культурами все же свидетельствует о том, что культура дорсет, видимо, была совершенно новой и намного более поздней волной переселенцев.

К моменту появления норманнов в Гренландии и Америке, на грани 1 и 2-го тысячелетий н. э., относится приход на восток Канады и северо-запад Гренландии неоэскимосской культуры туле, которая почти без всяких изменений просуществовала с ее охотой на тюленя, моржа и кита до новой европейской колонизации в XVIII веке. Но в одном районе Гренландии, на западном побережье, в местах тогдашнего обитания норманнов, эскимосы культуры туле преобразовались раньше, чем в других местах, а именно с XIII века, вероятно, под воздействием норманнов, в носителей новой культуры — инугсук. Постепенно они распространились и в удаленных районах Гренландии, вплоть до восточных берегов, где впервые вступили в контакт с европейцами лишь в конце XIX века.

На Лабрадоре и Ньюфаундленде культура дорсет просуществовала до XIV века. Происхождение же легендарных туннитов и их принадлежность к эскимосам культуры дорсет до сих пор не установлены. Но сама эта гипотеза о принадлежности туннитов к культуре дорсет в последние годы находит новых сторонников, и в числе их находится Хельге Ингстад.

112 Длинный дом — характерный в железном веке и в эпоху викингов тип жилища скандинавских народов, преимущественно норвежцев и переселенцев из Норвегии на острова Северной Атлантики. Размеры были 10—30 метров в длину и 4—6 метров в ширину. Обычно служил жилищем большой патриархальной семьи землевладельца, особенно хёвдинга (см. комментарий 95), в отличие от жилища зависимого землевладельца — маленькой хижины с одиночным открытым очагом под прямым дымоходом.

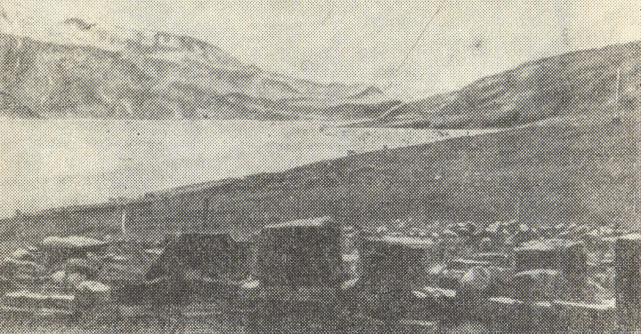
ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
О Хельге Ингстаде и других искателях Винланда. <i>Г. И. Анохин</i>	5
Предисловие	16
Западный путь	18
Рассказывают древние источники	30
Море и корабли	37
Сага о Гренландии	41
Сага об Эйрике Рыжем	54
Навигационные описания и описания земель в сагах	64
От винограда до скрелингов	74
Другие следы. Последующие плавания	86
Вдоль берегов Северной Америки	105
Открытие	114
Разведочный полет над Лабрадором	124
На «Халтене» вдоль северных берегов залива Святого Лаврентия	131
Ланс-о-Мидоуз. Раскопки начинаются	142
Страна и ее население	152
К «Фюрдюстрендер»	167
Путешествие продолжается. Открытие большого дома	176
Крайний север Лабрадора	186
К индейцам наскапи	191
Новая экспедиция. Открытие кузницы	201
Новые раскопки. Плавание в Уайт-Бей	211
Норманское пряслице. Благодатный Винланд	221
О людях	229
Примечания Хельге Ингстада	236
Комментарии к русскому изданию	241

Голова викинга (деревянная скульптура) украшала повозку, которая вместе с другими предметами захоронения знатной женщины была найдена в Усебергском корабле.

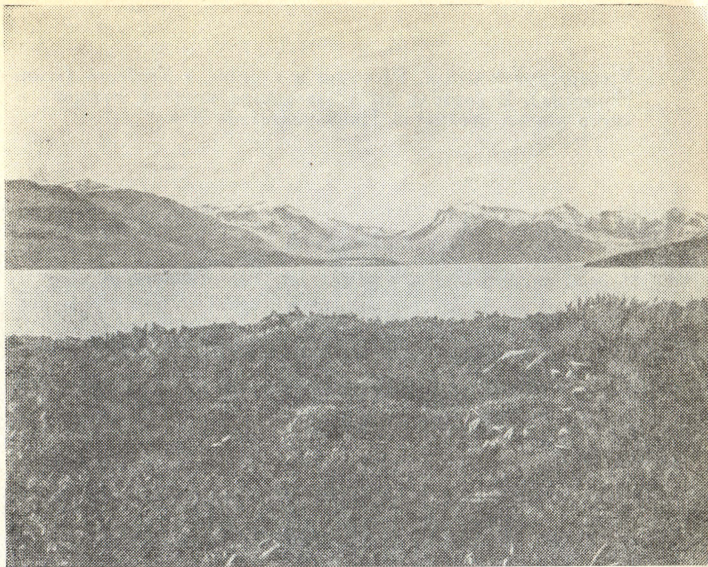
Голова викинга (деревянная скульптура) украшала повозку, которая вместе с другими предметами захоронения знатной женщины была найдена в Усебергском корабле.

Вид из Братталида (западное побережье Гренландии), где около 1000 г. стояла усадьба Эйрика Рыжего и Лейва Эйрикссона. На переднем плане — развалины церкви, построенной в более позднее время.

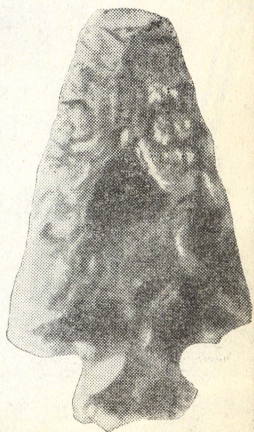
Этот камень с рунами найден в развалившейся пирамидке на острове Кингигторсак у западного берега Гренландии (72°57'). Надпись гласит: «Эрлинг Сигватссон, Бьярне Тордссон и Эйндриде Одсон поставили эти вышки в субботу, накануне Вознесения и нанесли на них руны...» (около 1300 г.).

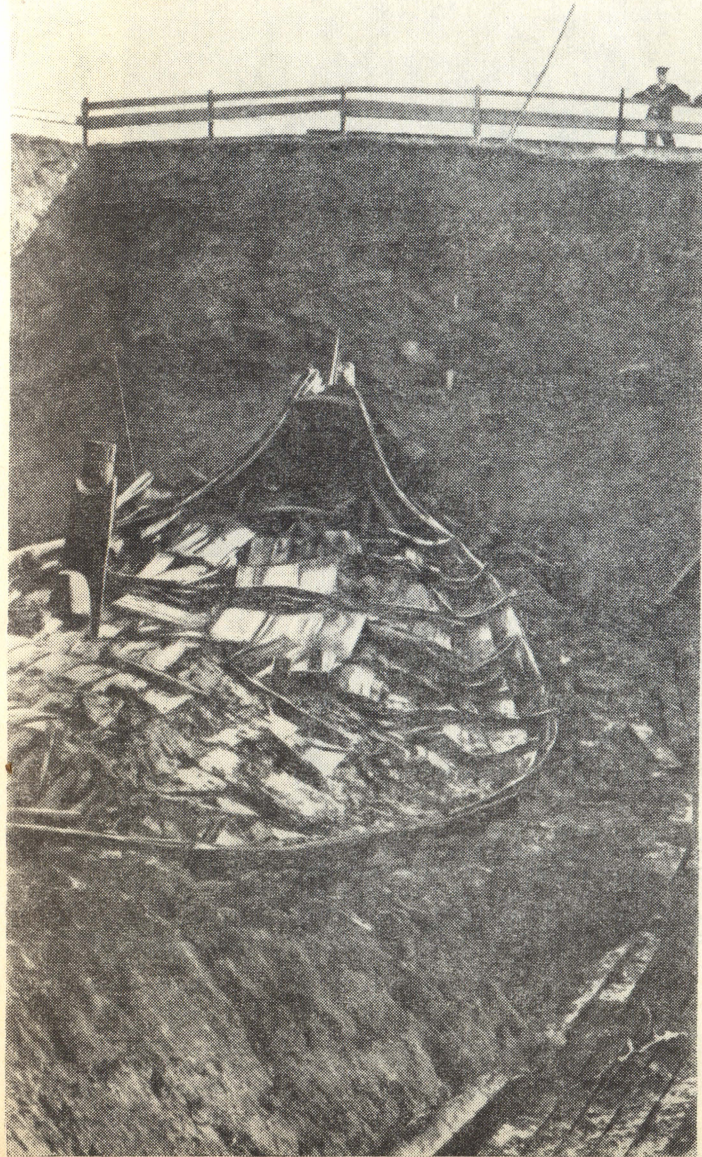

Развалины усадьбы Санднес в Вестербюгдене (Гренландия). Усадьба лежала в глубине Амераликфьорда (Люсефьорда). Вероятно, она принадлежала Турфинну Карлсэвне и его жене Гюдрид.

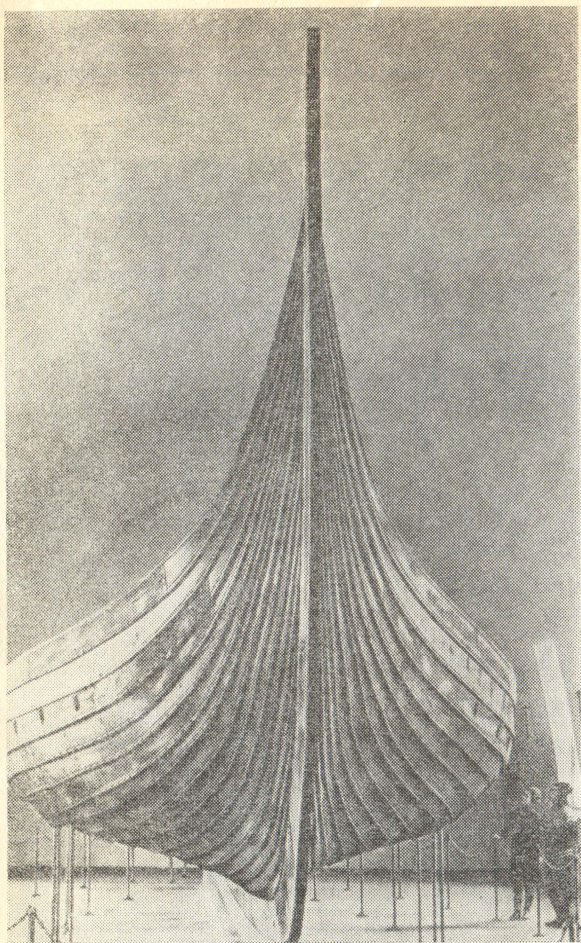
Кварцитовый наконечник стрелы, найденный на кладбище недалеко от усадьбы Санднес в Вестербюгдене. Полагают, что он индейский и доставлен в Гренландию винландцами.

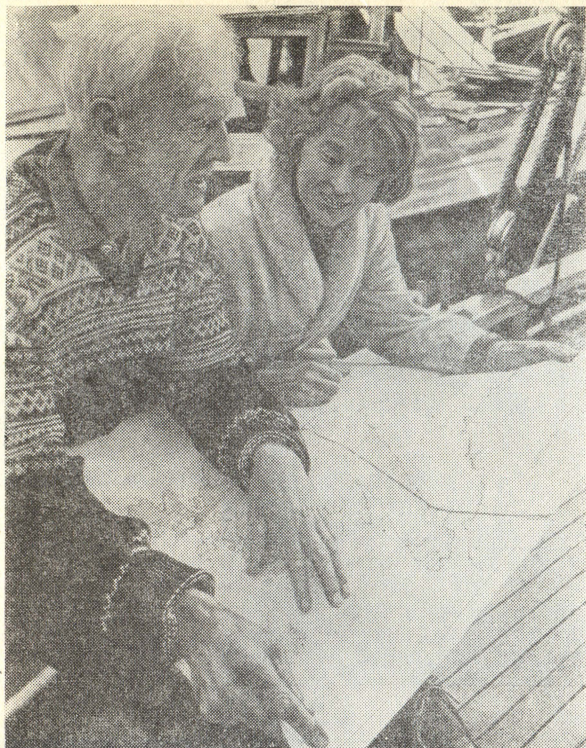
Усебергский корабль. Раскопан в кургане в Усеберге (южная часть Норвегии). В корабле была захоронена знатная женщина и лежало много разных предметов. Приблизительно X в.

Том
Лит
Лит
Лит
Лит
Лит

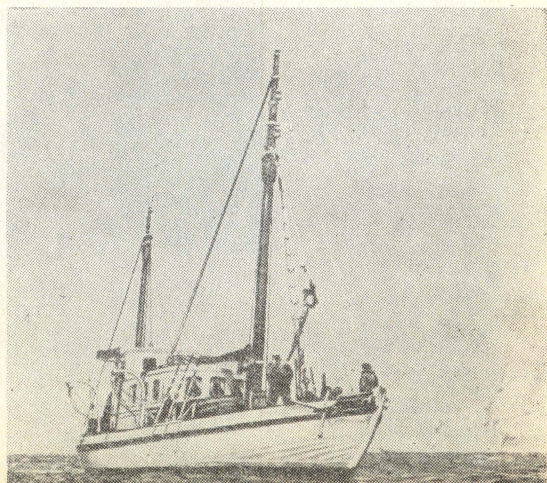

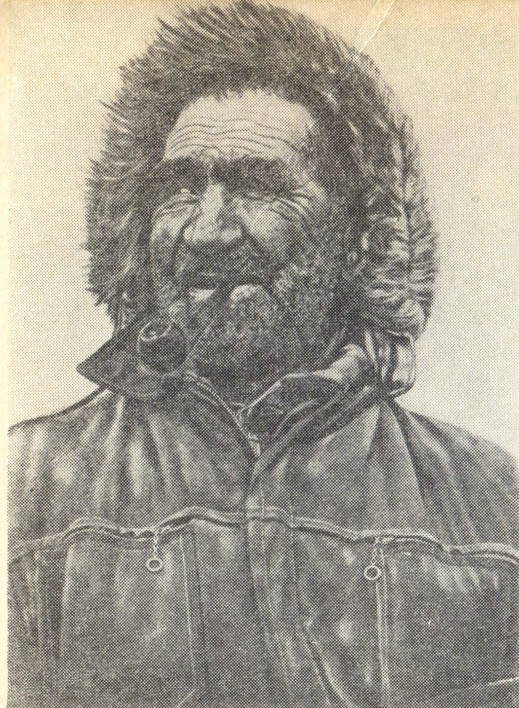
Гокстадский корабль. Раскопан в кургане в Гокстаде (южная часть Норвегии). В корабле был захоронен вождь с роскошным снаряжением. На таких кораблях норманны ходили через океан в Гренландию и Северную Америку (Винланд).

Автор и его жена Анна Стина на борту «Халтена».

Экспедиционное
судно «Халтен»
в Лабрадор-
ском море.

Джордж Декер, наш
добрый друг и помощ-
ник. Мы прозвали
его Биг Чиф. Это был
замечательный,
никогда не унываю-
щий человек.

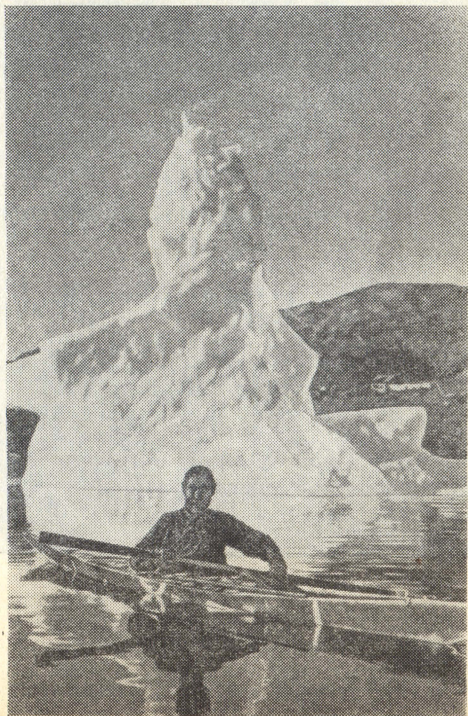
Эскимос из Макко-
вика (Лабрадор).

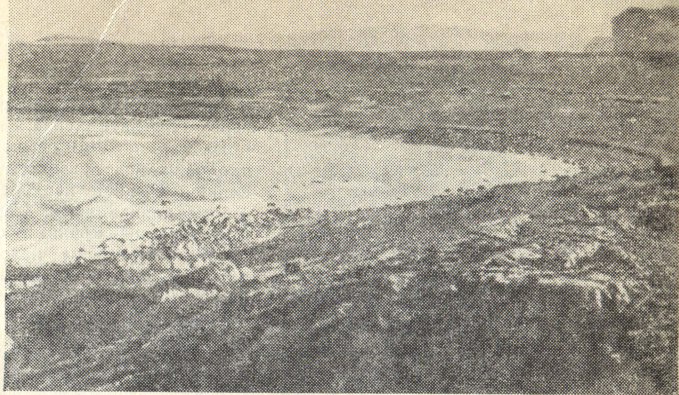
Примыкающий к террасе залив Эпаве очень мелок. Это вполне отвечает сообщению саги о том, как корабль Лейва Эйрикссона в отлив сел на мель вдали от берега.

Эскимос в каяке у берегов Гренландии.

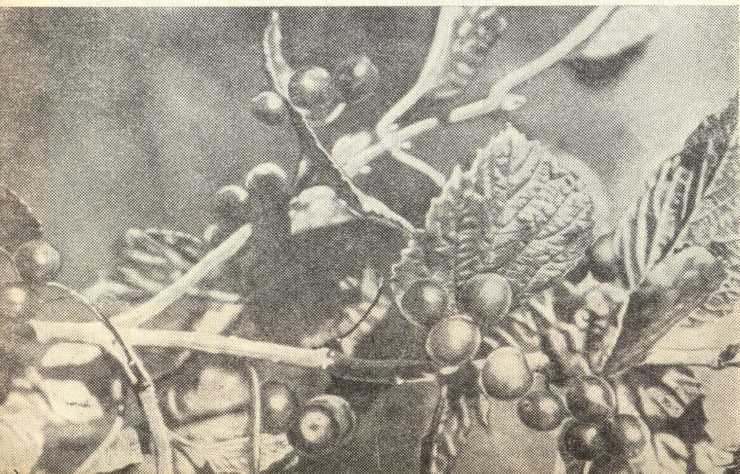

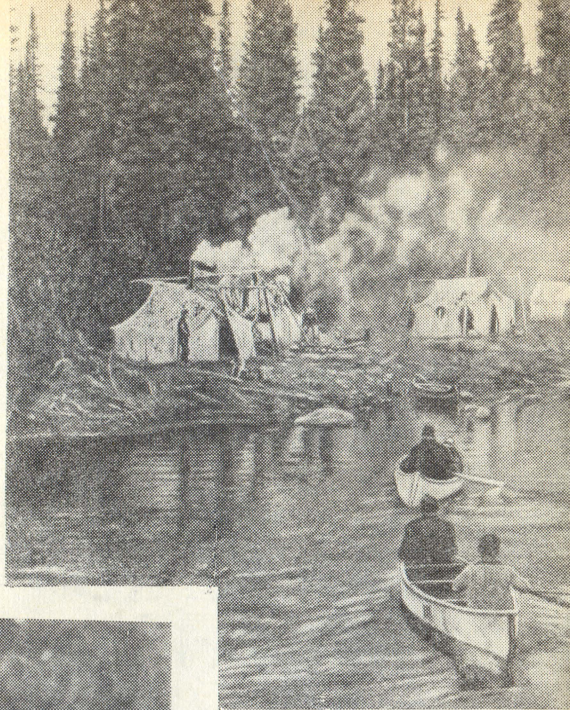
Аэрофото норманнского поселения в Ланс-о-Мидоузе на крайнем севере Ньюфаундленда. Автор открыл его в 1960 г.; четыре года продолжались археологические раскопки. Важнейшие раскопы накрыты павильонами. Самый большой раскоп — крайний справа, за рекой в павильоне находятся остатки кузницы. Равнина и рыбачий поселок расположены правее, их не видно на снимке.

Вид на залив Эпаве и большую равнину Ланс-о-Мидоуз. На заднем плане виден мыс Нодди.

Калина (вероятно, *Viburnum pauciflorum*) растет в изобилии на севере Ньюфаундленда. Иногда рыбаки делают из нее вино. Может быть, винландцы тоже делали вино из калины?

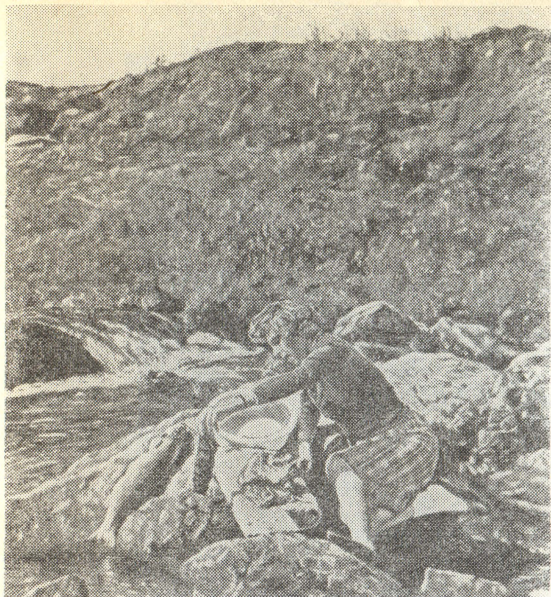

↑
Лагерь индейцев на скапи
на берегу рыбной реки
к западу от Девис-Ин-
лета (Лабрадор). Здесь
автор и Ханс Виде Банг
гостили у индейцев.

←
Девушки племени на-
скапи в лесах западнее
Девис-Инлета (Лабра-
дор) заготавливали для
лагеря топливо.

Длинные берега к северу от мыса Дикобраз (Лабрадор). В ширину пляж достигает семидесяти пяти метров, а в длину он простирается почти на шестьдесят километров. Его видно с моря издали; плывя на юг, викинги непременно должны были его заметить. Очевидно, это и есть Фюрдистрандир — удивительные берега.

В Черную Утку заходит лосось. Иногда мы ловили его руками. Сага рассказывает, что там, где Лейв Эйрикссон построил свои дома, в реке водился лосось.

Чья больше? За два часа Эрлинг Брюнборг и доктор Одд Мартенс взяли хороший улов форели в Хоукс-Бее (Лабрадор).

Пожилая индианка (наскапи) из Девис-Инлета.

Индейцы наскапи идут на каноэ вверх по реке, к охотничьим угодьям. Собаки следуют за хозяевами вдоль берега. Последняя осень.

Индийский вождь Джо Рич рассказывает автору родовые предания и показывает, каких размеров достигает форель в озерах (до двадцати килограммов!).

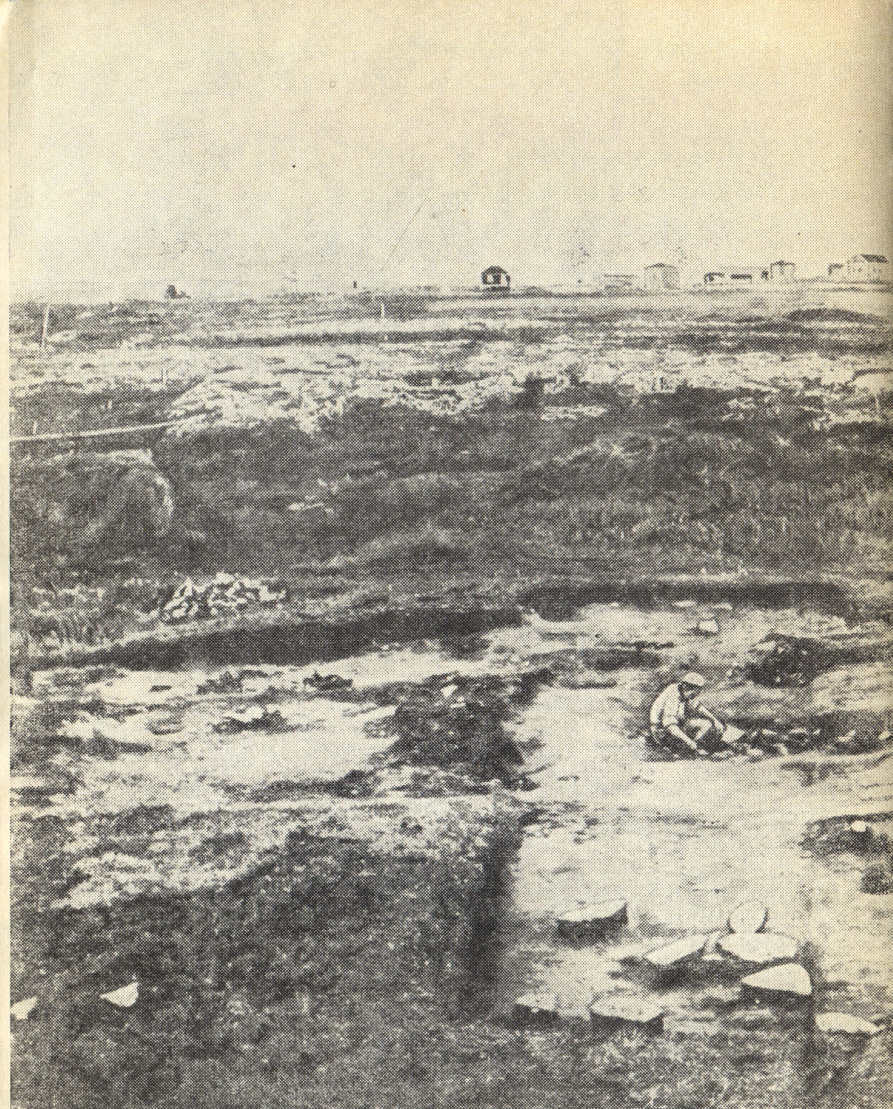

Кузнец за работой. Он держит молот и клещи, подмастерье — мех. Деталь портала Хюлестад в Сетсдале, Норвегия (приблизительно 1100 г.). Норманны привезли с собой знание кузнечного дела в Исландию, Гренландию и Северную Америку (в Ланс-о-Мидузе раскопана кузница). Железо выплавляли из болотной руды.

Участки, прилегающие к постройкам, тоже изучались нами. Слева ← направо: Чарлз Бэрэйс, Эдгар Геддерсон, Джон Уинстон, Николай Экхофф; на переднем плане автор.

Анна Стина измеряет стену из дёрна в самом большом раскопе. Отчетливо видно пласты.

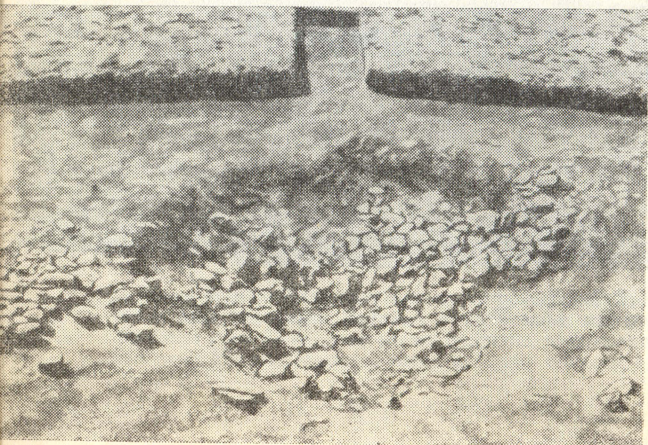
В большом доме было пять или шесть помещений. Рабочий сидит там, где в зале находился длинный очаг. Темные возвышения — остатки дерновых стен. Некоторые из ям, очевидно, представляли собой земляные печи. Исследованные участки вне дома прикрыты дёрном.

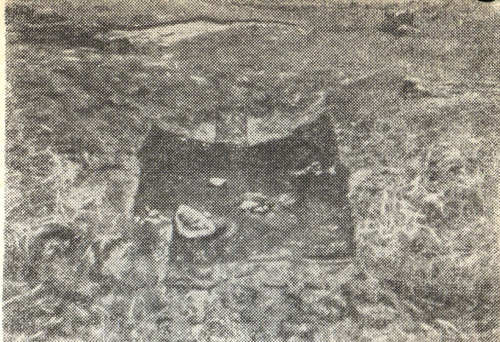

Анна Стина раскапывает очаг
на первой площадке.

Яма оказалась земляной печью.
В ней нашли золу, древесный уголь,
обожженные камни.

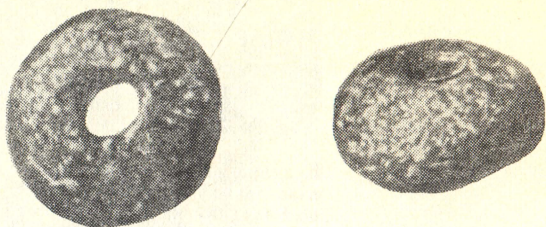

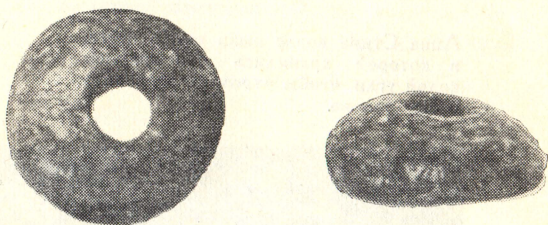
Кузница раскопана. Посредине видна наковальня — врытый в землю длинный гладкий камень. В кузнице были найдены сотни кусков шлака, кусочки железа, болотная руда. Очевидно, жители селения выплавляли железо из болотной руды. На заднем плане слева видна яма, в которой, вероятно, выжигали древесный уголь для кузницы.

Анна Стина возле ямки около очага, в которой хранились присыпанные золой угли, чтобы утром не разводить огонь заново.

Стеатитовое пряслице, найденное на месте норманнской усадьбы в Гренландии. Такими пряслицами пользовались в Швеции, Норвегии и Исландии в эпоху викингов и позднее.

Стеатитовое пряслице, раскопанное в Ланс-о-Мидоузе,

ХЕЛЬГЕ ИНГСТАД

ПО СЛЕДАМ ЛЕЙВА СЧАСТЛИВОГО

Редактор Л. П. ЖДАНОВА.
Художник В. П. ЛЕОНОВ.
Художественный редактор В. А. ЕВТИХИЕВ.
Технический редактор И. К. ПЕЛИПЕНКО.
Корректор О. Д. РЕЙНГЕВЕРЦ.

Сдано в набор 26/III 1968 г. Подписано к печати 22/1 1969 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Бум. л. 3,875+0,75 вкл. Печ. прив. л. 14,28. Уч.-изд. л. 13,92. Тираж 168 000 экз. Индекс ПЛ-345 Гидрометеорологическое издательство, Ленинград, В-53, 2-я линия, д. № 23. Заказ № 1527.
Цена 70 к.

Отпечатано с матриц типографии им. Котлякова издательства «Финансы» на полиграфическом комбинате имени Якуба Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по печати. Минск, Красная, 23.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Научно-техническое гидрометеорологическое издательство «Гидрометеоиздат» является единственным в нашей стране специализированным издательством, выпускающим книги по метеорологии, гидрологии и океанографии. Гидрометеоиздат выпускает научные монографии, учебники для вузов и техникумов, словари, сборники Трудов научно-исследовательских институтов Гидрометслужбы СССР, справочники, производственно-техническую литературу, а также научно-популярные книги.

Книги Гидрометеоиздата призваны освещать научные достижения и способствовать обмену научной мыслью в области метеорологии, океанографии и гидрологии, широко популяризировать гидрометеорологические знания.

Литературу, выпускаемую Гидрометеоиздатом, можно заказать в магазинах местных книготоргов. Кроме того, заказы на книги можно направлять по адресу: г. Ленинград, П-101, Большой пр., дом 57, магазин № 15 Ленкниги.

Книги будут высланы Вам наложенным платежом.

Гидрометеоиздат

